

ВЕСТНИК

**ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

**2013
Т. 13, № 4**

ISSN 1991-9778

СЕРИЯ

«ПРАВО»

Решением ВАК России включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий

**ПОСВЯЩАЕТСЯ
70-ЛЕТИЮ ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
И 20-ЛЕТИЮ ОСНОВНОГО ЗАКОНА –
КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**Учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования «Южно-Уральский государственный
университет» (национальный исследовательский университет)**

Редакционная коллегия серии:

Кудрявцева А. В., д-р юрид. наук, профессор
(*отв. редактор*),

Петров А. В., д-р юрид. наук, профессор
(*зам. отв. редактора*),

Иванова Л. Ф., к.ю.н., доцент (*отв. секретарь*),

Аубакирова А. А., д-р юрид. наук, доцент
(Казахстан),

Claudio S. de Lucena Neto, dean and professor
of law (Бразилия),

Классен А. Н., к.ю.н., доцент,

Кванина В. В., д-р юрид. наук, профессор,

Киреев В. В., д-р юрид. наук, доцент,

Майоров В. И., д-р юрид. наук, профессор,

Макарова З. В., д-р юрид. наук, профессор,

Минбалеев А. В., д-р юрид. наук, доцент,

Сабитов Р. А., д-р юрид. наук, профессор

Серия основана в 2001 году.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-26455
выдано 13 декабря 2006 г. Федеральной службой по
надзору за соблюдением законодательства в сфере мас-
совых коммуникаций и охране культурного наследия.

Решением Президиума Высшей аттестационной
комиссии Министерства образования и науки Россий-
ской Федерации от 19 февраля 2010 г. № 6/6 журнал
включен в «Перечень ведущих рецензируемых науч-
ных журналов и изданий, в которых должны быть
опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук».

Журнал включен в Реферативный журнал и базы
данных ВИНТИ. Сведения о журнале ежегодно пуб-
ликуются в международной справочной системе по пе-
риодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Pe-
riodicals Directory».

Подписной индекс 29057 в объединенном каталоге
«Пресса России».

Периодичность выхода – 4 номера в год.

СОДЕРЖАНИЕ

Проблемы и вопросы теории и истории государства и права

ЕГОРОВА О. А. К вопросу о роли логических средств и методов в юридическом познании и деятельности	6
ЖАРОВ С. Н., САВЕЛЬЕВ В. Г. Сельская крестьянская община и судебные споры крестьян о землевладении на рубеже XIX–XX вв.	13
КАМАЛОВА Г. Т. Особенности кадровой политики в советской судебной системе НЭПа	18
КРАСОВСКИЙ С. Я. К вопросу о правовом регулировании физической культуры и спорта	23
МИНБАЛЕЕВ А. В. Подотрасль права как правовой феномен (на примере права массовых коммуникаций)	28
ФАБРИКА И. В. Некоторые вопросы формирования понятия в юридической науке	33

Проблемы и вопросы уголовного права, уголовного процесса и криминалистики

ГАРБАТОВИЧ Д. А. Уголовно-правовая норма: понятие и признаки	38
ГОРБАТОВА М. А. Некоторые проблемы уголовной ответственности за незаконное производство аборта	44
КЛЕПИКОВ Д. А. Эволюция понятия «промежуточное судебное решение» в уголовном процессе России	49
МАЦУН Е. А. Заключение и показания специалиста – две формы одного вида доказательств	55
ПАХОМОВА В. А. Понятие термина «информация» и его историческое развитие	59
ТКАЧЕВА Н. В. Содержание функции судебной власти	65
ХАТМУЛЛИН К. Ю. Правовая природа процессуальных сроков в уголовном судопроизводстве	70

Проблемы и вопросы гражданского права

БЕРЕГОВАЯ Т. А. Правовая принадлежность отношений по управлению многоквартирными домами	75
---	----

Проблемы и вопросы конституционного и административного права

ГАРАНЖА А. П. Конституция Российской Федерации и институт уполномоченного по правам человека	80
ГОРЕЛИК А. В. К вопросу о необходимости введения мониторинга экспертиз при осуществлении производства по делам об административных правонарушениях полицией	84
ГРЕЧКИНА О. В. Нормотворчество таможенных органов в сфере административной юрисдикции на современном этапе	87
КЛАССЕН А. Н. Конституция России и конституционализм XXI века: перспективы развития	93

Содержание

КУЗЬМИН А. Г. Правовые позиции Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации как фактор реформирования юридической практики	98
ФАМИЕВА К. И. Административная деятельность органов государственной власти по переходу к контрактной системе в сфере закупок для государственных нужд	104
ТОРОПОВ А. В. К вопросу о процессуальной форме рассмотрения дел в административном судопроизводстве	108
ШУРУПОВА Е. А. Дисциплинарное производство в органах внутренних дел России: историко-правовой аспект	112
Краткие сообщения	
ДРОЗДОВСКАЯ Е. С. Особенности участия представителя потерпевшего в уголовном судопроизводстве	116
МИНБАЛЕЕВ А. В., САФРОНОВ С. Г. Понятие документа и его роль как источника доказательства в административном процессе	119

CONTENTS

Problems and Questions on Theory and History of Law

EGOROVA O. A. The Role of Logical Means and Methods in the Process of Perception in Law	6
ZHAROV S. N., SAVELEV V. G. Rural Peasant Community and Court Disputes of Peasants on Land Ownership at the turn of XIX–XX Centuries	13
KAMALOVA G. T. Peculiar Features of Human Resource Policy in the Soviet Court System of New Economic Policy	18
KRASOVSKY S. Y. Legal Regulation of Physical Education and Sport	23
MINBALEEV A. V. Sub-branch of law as a legal phenomenon (on the basis of public communications law)	28
FABRIKA I. V. Some Problems of Concept Formation in Law	33

Problems and Questions of Criminal Law, Criminal Justice and Criminalistics

GARBATOVICH D. A. Criminal Legal Statutes: Concept and Features	38
GORBATOVA M. A. Some Problems of Criminal Liability for Illegal Performance of Abortion	44
KLEPIKOV D. A. Development of the Notion «Interlocutory Judgment» in the Criminal Procedure of Russia	49
MATSUN E. A. Expert Opinion and Evidence are Two Forms of a Proof	55
PAKHOMOVA V. A. The Notion of Information and Its Historical Development	59
TKACHYOVA N. V. The content of the functions for judicial power	65
KHATMULLIN K. Y. Legal Nature of Procedural Periods in Criminal Proceedings	70

Problems and Questions on Civil Law

BEREGOVAYA T. A. Legal Aspect of the Terms of Apartment Blocks Administration	75
---	----

Problems and Questions on Constitutional and Administrative Law

GARANZHA A. P. Constitution of the Russian Federation and the Institute of Human Rights Commissioner	80
GORELIK A. V. To the Necessity to Introduce Monitoring of Expert Examination at Administrative Proceedings by the Police	84
GRECHKINA O. V. Rule-making of the Customs Authorities in the Sphere of Administrative Competence at Modern Stage	87
KLASSEN A. N. Russian Constitution and the Constitutional System of the XXI Century: Prospects of Development	93
KUZMIN A. G. Legal Position of Higher Arbitration Court of the Russian Federation as a Factor of Legal Practice Reforming	98
FAMIEVA K. I. Administrative Activities in Transition to the Contract System in the Sphere of Purchasing for State Requirements by State Power Authorities	104

Contents

TOROPOV A. V. Form of Action in Administrative Proceedings 108

SHURUPOVA E. A. Disciplinary Proceedings in Internal Affairs Bodies of Russia: Historical and Legal Aspect 112

Short reports

DROZDOVSKAYA E. S. Peculiar Features of Participation of a Victim Representative in Criminal Procedure 116

MINBALEEV A. V., SAFRONOV S. G. The Notion of a Document and Its Role of a Source of Evidence in Administrative Procedure 119

Проблемы и вопросы теории и истории государства и права

УДК 340.11
ББК Х00

К ВОПРОСУ О РОЛИ ЛОГИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И МЕТОДОВ В ЮРИДИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

О. А. Егорова

Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск)

Статья посвящена проблеме исследования возможностей познавательных научных средств как возможностей разума. Обосновано положение о том, что совокупность логических средств и методов, которые изучаются в классической формальной логике, составляют специальный теоретический метод рационального познания, который может быть рассмотрен в качестве одного из оснований юридического познания и деятельности. Автором проведен анализ различных позиций ученых, представленных в юридической литературе, выделены основные направления в изучении вопроса о месте и значении логических средств и методов в юридическом познании и деятельности. Автор приходит к выводу о том, что с помощью логических средств и методов может осуществляться аналитическая работа с познавательными средствами юриспруденции как в контексте методологии юридической науки, так и в контексте логико-языковых исследований в различных отраслях права.

Ключевые слова: логические средства и методы, познавательные средства юридической науки, методология юридического познания, логико-языковые исследования в праве.

Основой классической теории познания является положение о том, что «прежде чем научно познавать, необходимо исследовать возможности самих познавательных инструментов человеческого познания как возможностей Разума» [7, с. 73]. Согласно И. Канту, познание возможно двумя способами: во-первых, посредством расширения характеристик познаваемых объектов, мыслимых в понятии, во-вторых, посредством изучения самих понятий как средств мышления [6, р. xxv]. Во втором случае осуществляется работа со средствами познания посредством аналитических процедур как метод теоретического мышления, представленный в логике в виде совокупности аналитических средств и методов. Посредством рациональных аналитических методов и средств создается пространство (поле) логического мышления, в котором может производиться аналитическая работа как условие научного познания. Результатом аналитической работы является достижение ясности в мышлении, так что, согласно И. Канту, мы познаем истинно.

Ю. В. Ивлев отмечает, что «логика в качестве строгой системы научного знания указывает на потребность не только решать конкретные познавательные проблемы прикладного характера, но и осмысливать сам феномен познания и на этой основе устанавливать правила, нормы и идеалы для рациональных познавательных процедур» [5, с. 5]. Таким образом, логика выступает в качестве особой системы средств (форм) и методов теоретического мышления.

В классической формальной логике осуществляется изучение познавательных научных средств как инструментов и механизмов познания со стороны законов, форм и методов логического мышления, которые выступают в качестве логической основы (основания) познания. Таким образом, совокупность логических форм, законов и методов составляет специальный теоретический метод познания. С помощью рациональных логических средств и методов может осуществляться аналитическая работа с познавательными средствами науки в пространстве логического мышления. В ре-

зультате аналитической работы возможно достижение ясности в мышлении. Поскольку в юридической науке и деятельности существует определенная совокупность познавательных средств, то научное познание и деятельность в сфере юриспруденции могут осуществляться на определенной логической основе. В работе А. А. Тер-Акопова отмечено, что «связь логики и юридического мышления и деятельности в познавательном аспекте является вопросом об истинности юридического мышления и деятельности» [17, с. 19].

В юридической науке и деятельности, в структуре юридических законов есть такие мыслительные (интеллектуальные) элементы и средства, которые изучаются в логике со стороны форм, законов и методов теоретического рационального познания. Логическая теория как специальный теоретический метод познания может изучать познавательные средства, применяемые в юридической науке и деятельности (понятийный аппарат юриспруденции, способы рассуждений, виды аргументации и др.). Поэтому можно сказать, что изучение и грамотное использование познавательных средств юриспруденции с помощью совокупности логических средств и методов обусловлены самим составом, структурой юридической науки и деятельности, содержащей познавательные средства. Значит, логический метод может быть рассмотрен в качестве одного из оснований юридического познания и деятельности. Познавательные средства юридической науки и деятельности возможно рассматривать с помощью рациональных логических методов и средств в пространстве логического мышления. В рамках вышесказанного можно сформулировать проблему исследования: выяснение сопряженности права (юридической науки и деятельности) и логики как рационального вида научного познания и деятельности.

Изучение познавательных научных средств и методов в традиционной формальной логике как науке и специальном теоретическом методе познания связано с европейской линией в развитии теоретического мышления. Одной из особенностей логического метода познания является его словесно-рациональный характер. Логические средства и методы составляют своеобразный порядок мышления и мира («логос») и особое языковое пространство («топос» речи), у которого

есть свои законы. «Мы говорим по этим законам, но сами не знаем, что говорим, а это можно познавать. И познавая это, познавать многое. Греки пошли больше по словесно-рациональному пути, и поэтому мы наблюдаем такой взлет в развитии логики» [9, с. 94].

Необходимо прояснить понимание научной рациональности в данной работе. Наука существует как такой вид сознания, мышления и деятельности, который вырабатывает универсальные «мысленные кристаллизации, системы понятий и представлений, имеющие значение помимо и вне той культуры, внутри которой они эмпирически образуются» [9, с. 114]. Наука является универсальной формой человеческого разума, в котором люди могут быть объединены. Появление разума предполагает, что в опыте есть такие стороны, которые могут быть связаны с всеобщей научной аргументацией и дискуссией, указанием на факты. Такая аргументация и дискуссия предполагает определенный понятийный аппарат, в основе которого лежит различие между миром действительным и миром по мнению. «Выражение «действительный мир» означает, что есть такой мир и предметы, о которых возможны рациональные высказывания, истинность или ложность которых открыта и подлежит обсуждению – общезначимые высказывания» [9, с. 116]. Такие предметы мыслятся как «идеальные предметы» – теоретические конструкции, на основе которых можно было бы высказаться так, чтобы это могло бы быть перенесено на говоримое об эмпирических, наблюдаемых предметах. Теоретические конструкции не существуют подобно материальным предметам, а выступают в качестве условий их понятности, т.е. выступают как интеллигибельные компоненты познания и деятельности.

Таким образом, рациональные стороны мышления, познания и деятельности связаны с введением особых «идеальных предметов», теоретических конструкций, относительно которых возможны общезначимые контролируемые высказывания, поддающиеся аргументации, доказательству, рассмотрению как истинные или ложные. Эти теоретические конструкции выступают в качестве условий понятности эмпирических предметов, основаниями рационального мышления, организующими наши мыслительные, познавательные и деятельные способы универсального порядка.

Таким образом, основная проблема в данном исследовании: выяснение сопряженности права (юридической науки и деятельности) и формальной логики как рационального вида научного познания и деятельности.

Целью исследования является рассмотреть вопрос о месте и значении логических средств и методов в юридическом познании и деятельности на основе работ российских ученых в области права.

Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие задачи:

- проанализировать различные позиции ученых в сфере права по вопросу о месте и значении логических методов в юридическом познании и деятельности;
- определить основные направления (подходы) в исследовании сопряженности юридической науки и деятельности и традиционной формальной логики как рационального вида научного познания.

В рамках данной работы были изучены и проанализированы учебные материалы по различным отраслям права (теория права и государства, трудовое право, уголовное право, уголовный процесс и др.), диссертационные работы по праву и статьи ученых в ведущих российских журналах права.

В научной юридической литературе можно выделить два основных подхода в понимании и рассмотрении вопроса о месте и значении логических средств и методов в юридическом познании и деятельности. Первый подход связан с рассмотрением роли и места логических средств и методов в структуре методологии общей теории права. Этому вопросу было уделено внимание в трудах таких ученых в сфере права как В. Д. Перевалова, С. С. Алексеева, В. М. Сырых, В. А. Туманова, В. С. Нерсисянца, А. С. Пиголкина, Ю. А. Дмитриева и др. Второй подход основан на исследовании связи языка, права и логики (логико-языковой подход в праве) и рассматривается в работах таких ученых как А. Ф. Черданцева, Н. В. Андрианова, В. Д. Перевалова, С. С. Алексеева, С. Ю. Головиной, М. В. Молодцова, Н. А. Власенко, В. П. Сальникова, А. Ф. Назаренко, А. В. Полякова, А. В. Руденко, А. А. Тер-Акопова и др.

Рассматривая вопрос о месте и значении логических средств и методов в структуре методологии юридической науки, надо отметить, что ученые выделяют три группы взаимосвязанных методов исследования и пони-

мания права: философские, общенаучные и частнонаучные (специальные) методы.

Во-первых, логические методы относят к группе общенаучных методов теории права и государства [11, с. 38; 15, с. 21; 16, с. 46]. Профессор В. М. Сырых отмечает, что в структуре метода общей теории права логические методы относятся к разряду методов, общих для всех или большинства наук, но специальных по отношению к всеобщим методам философии [15, с. 366]. К ним относятся методы индукции, дедукции, аналогии, анализа, синтеза и др. Общим моментом в точках зрения ученых является то, что в структуре методологии общей теории права логические методы относятся к общенаучным методам, не имеют философского статуса, но применимы в большинстве областей науки.

Во-вторых, в структуре методологии познания права среди частнонаучных методов рассматриваются методы юридической науки, обеспечивающие процесс познания права и правового регулирования. Среди них выделяется формально-логический метод толкования права в составе группы методов толкования права (В. М. Сырых, В. А. Туманов, С. С. Алексеев и др.).

В-третьих, в работах В. М. Сырых указано, что некоторые логические методы применяются в составе основного (специального) метода теории права – метода восхождения от абстрактного к конкретному, от конкретного к абстрактному. В данном случае имеется в виду логический метод определения понятий как способ образования правовых понятий в структуре «догматического метода» права [14, с. 439].

Таким образом, в структуре методологии юридической науки (общей теории права) логические методы относятся к группе общенаучных методов, применимых в большинстве наук; формально-логические методы используются в числе частнонаучных методов юридической науки, обеспечивающих процесс познания права и правового регулирования, в частности при толковании права; логические методы используются в составе основного, догматического метода теории права – метода восхождения от абстрактного к конкретному, от конкретного к абстрактному как способы образования правовых понятий (определение понятий).

Второй подход к пониманию вопроса о месте и значении логических средств и мето-

дов в юридическом познании и деятельности рассматривает связь языка, логики и права. В рамках данного подхода возможно выделить три основных позиции ученых в сфере права. Во-первых, в ряде работ ученых юристов рассматривается право в контексте языковых исследований (А. Ф. Черданцев, Н. В. Андрианов, Н. А. Власенко и др.). При этом принято выделять естественные и искусственные языки. В работе Н. В. Андрианова раскрывается значение изучения естественного языка для методологии социально-гуманитарных наук [2]. Автор рассматривает семиотический подход к праву, обосновывает сопряженность естественного языка и права, проводит аналогии в существовании права и языка в контексте проблемы структурирования социальной реальности. В работе Н. А. Власенко уделено внимание связи языка и права в контексте формирования отечественной правовой лингвистики [3]. В работах А. Ф. Черданцева представлен логико-языковой подход к праву [19]. Ученый рассматривает связь языка и идеальных объектов, с помощью которых осуществляется правовое регулирование. Автор считает, что как естественные, так и искусственные языки имеют вспомогательное значение для анализа логико-языковых феноменов в праве и отмечает, что традиционная формальная логика, которая относится к искусственным языкам, дает широкий инструментарий для логического построения квалификации юридических фактов, анализа норм и т.д.

Во-вторых, в рамках логико-языкового подхода в праве в ряде работ отечественных ученых юристов рассматриваются место и значение логических методов и средств в юридическом познании и деятельности в контексте исследования специфики толкования права как вида юридической деятельности, фактора правовой культуры и правового регулирования.

В работах В. Д. Перевалова, Г. В. Назаренко, В. П. Сальникова, А. Ф. Назаренко и др. рассмотрены основные признаки и различные способы толкования права, среди них выделяется логический способ толкования. В работе С. С. Алексеева было отмечено, что необходимо выделить «толкование права» как специальную область научных исследований под общим названием «юридическая герменевтика», в которой исследуются значение и соотношение различных способов толкования

права, и среди них рассматривается логический способ [1, с. 234]. А. В. Поляков рассматривает не только толкование права, но эта деятельность трактуется более широко – автор выделяет также интерпретацию правовых текстов. При этом в составе различных методов толкования права и правовых текстов рассматривается логический метод [11, с. 812].

В-третьих, в рамках логико-языкового подхода в праве ряд ученых в юриспруденции рассматривают общетеоретическое значение логики в различных отраслях права, выделяют особенности использования логических средств и методов в юриспруденции, а также выделяют направления в изучении связи права и логики. В работе В. П. Сальникова, А. Ф. Назаренко отмечено, что особенности логики в сфере права «обусловлены кругом понятий, которыми оперирует юридическая мысль, а также совокупностью логических проблем, которые соответствуют интересам и нуждам юридической профессии» [8, с. 87]. Ученые выделяют такие направления применения логики в юриспруденции, как логические приемы работы с понятиями и логические способы правильного построения мыслей в процессе общего рассуждения и доказывания.

С. Ю. Головина, М. В. Молодцов, рассматривая логико-правовой анализ понятий трудового права, раскрывают значение логического метода определения понятий в трудовом праве. Авторы отмечают, что «формально-логическое определение является основным способом определения понятий в праве вообще и в трудовом праве в частности» [18, с. 75; 4].

В диссертации А. В. Руденко рассматриваются специфика и соотношение диалектических, формально-логических и юридических особенностей процесса формирования достоверных результатов мыслительно-практической деятельности субъектов уголовного процесса доказывания [12]. В работе А. А. Тер-Акопова рассматривается широкое применение логических средств и методов в отрасли уголовного права. Автором выделены направления приложения специальных процедур и правил логики: толкование юридических терминов, комментирование отдельных законоположений; использование доказательств и опровержений в процессе рассуждений и выводов; использование методов логики при познании юридического факта, так

как в процессе познания юридического факта понятие о нем образуется с помощью логических методов определения, деления и классификации понятий, обобщения, ограничения и др.; использование логических средств в качестве одного из критериев определения качества источника юридической информации как предмета исследования юридической деятельности. «При работе с источниками юридической информации используются такие критерии достоверности, как ясность, непротиворечивость, аргументированность информации» [17, с. 15].

Подводя итоги рассмотрения позиций ученых-юристов по вопросу о месте и значении логических методов и средств в юридическом познании и деятельности в контексте исследований связи права и языка, необходимо отметить, что некоторые ученые исследуют значение естественного языка в праве и обосновывают методологическое значение семиотического подхода в правовых исследованиях, другие ученые раскрывают связь права и языка в рамках юридической лингвистики. Некоторые авторы исследуют связь права, идеальных объектов, с помощью которых осуществляется правовое регулирование, и языка. Логические методы и средства рассматриваются в качестве одного из искусственных языков и общетеоретических методов, которые имеют вспомогательное, второстепенное значение в различных видах юридического познания и деятельности.

В ряде работ ученых в сфере права рассматриваются логические средства и методы при исследовании специфики толкования права и интерпретации правовых текстов как особого вида юридической деятельности, фактора правовой культуры и правового регулирования. В рамках этих исследований учеными обосновывается необходимость выделения специальной области исследований в праве под общим названием «юридическая герменевтика».

Некоторые ученые, рассматривая общетеоретическое значение логики в различных отраслях права, отмечают, что особенности использования логики в праве обусловлены как кругом понятий юридической науки, так и кругом юридических проблем. Ученые раскрывают роль логических методов при анализе понятийного аппарата трудового права, рассматривают соотношение логических, диалектических и юридических аспектов в

деятельности субъектов уголовного процесса доказывания (при построении и анализе судебно-следственных версий), выделяют различные направления применения логических методов и средств в уголовном праве и других отраслях права.

Обобщая материал, рассмотренный в данной статье, можно сделать вывод, что совокупность средств и методов рационального научного познания, разработанных в классической формальной логике, составляет особый теоретический метод познания, который может рассматриваться в качестве одного из оснований юридического познания и деятельности. С помощью методов и средств формальной логики возможно осуществление аналитической работы с познавательными средствами юридической науки и деятельности.

В научной юридической литературе можно выделить два основных подхода (направления) в рассмотрении учеными вопроса о месте и значении логических средств и методов в юридическом познании и деятельности. Первый подход связан с рассмотрением места и значения логических форм и методов в структуре методологии юридической науки. Логические методы и средства рассматриваются: как общетеоретические методы, применяемые в юридической науке (анализ, синтез, дедукция, индукция и др.); в составе группы частнонаучных методов, применяемых в юридической науке, в частности при толковании права; в составе основного (специального) метода права – догматического метода права (метода восхождения от конкретного к абстрактному, от абстрактного к конкретному) при образовании правовых понятий.

Второй подход связан с рассмотрением места и значения логических форм и методов в юридическом познании в контексте исследований связи права и языка. Логические методы и средства рассматриваются в качестве одного из искусственных языков, имеющего вспомогательное, второстепенное значение в юридическом познании и деятельности; изучается применение логических средств и методов в исследованиях специфики некоторых видов юридической деятельности (толкования права и правовых текстов), раскрывается применение логических средств и методов в различных отраслях права.

Литература

1. Алексеев, С. С. Проблемы теории права. Курс лекций: собр. соч.: в 10 т. / С. С. Алексеев. – М.: Статут, 2010. – Т. 3. – 779 с.
2. Андрианов, Н. В. Право и язык: диалогическая реальность / Н. В. Андрианов // Государство и право. – 2012. – № 11. – С. 14–23.
3. Власенко, Н. А. Роль А. А. Ушакова в формировании отечественной правовой лингвистики / Н. А. Власенко // Государство и право. – 2009. – № 5. – С. 86–92.
4. Головина, С. Ю. Понятийный аппарат трудового права: монография / С. Ю. Головина. – Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1997. – 180 с.
5. Ивлев, Ю. В. Логика для юристов: учебник / Ю. В. Ивлев. – М.: Проспект, 2010. – 272 с.
6. Kant, I. *Logic*. Translated with introduction by R. S. Hartman and W. Shwarz / I. Kant. – Dover Publication, Inc. New York, 1988. – p 160.
7. Курбатов, В. И. Логика для юристов / В. И. Курбатов. – М.; Ростов на Дону: Наука-пресс, 2007. – 305 с.
8. Логика: учебное пособие / В. П. Сальников, Э. Ф. Караваев, А. Ф. Назаренко и др.; под ред. В. П. Сальникова и др. – СПб.: Лексикон, 2001. – 310 с.
9. Мамардашвили, М. К. Философия и наука. Мой опыт нетипичен. / М. К. Мамардашвили. – СПб.: Азбука, 2000. – 400 с.
10. Поляков, А. В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: учебник / А. В. Поляков. – СПб.: Издательский дом СПб. гос. ун-та, 2005. – 863 с.
11. Проблемы общей теории права и государства: учебник / А. В. Варламова и др. / под общ. ред. В. С. Нерсесянца. – М.: Норма, ИНФРА-М, 2010. – 815 с.
12. Руденко, А. В. Содержательная логика доказывания: диалектическая и формально-логическая основы (уголовно-процессуальное и криминалистическое исследование): автореферат дис. ... д-ра юрид. наук / А. В. Руденко. – Краснодар, 2011. – 46 с.
13. Сырых, В. М. Логические основания общей теории права / В. М. Сырых. – М.: Юстицинформ, 2004. – Т. 1. – 527 с.
14. Сырых, В. М. Теория государства и права / В. М. Сырых. – М.: Юстицинформ, 2007. – 704 с.
15. Алексеев, С. С. Теория государства и права: учебник для вузов / С. С. Алексеев и др., отв. ред. В. Д. Перевалов. – М.: Норма, ИНФРА-М, 2011. – 495 с.
16. Теория государства и права: учебник / А. С. Пиголкин, А. Н. Головистикова, Ю. А. Дмитриев. – М.: Юрайт, 2011. – 743 с.
17. Тер-Акопов, А. А. Юридическая логика / А. А. Тер-Акопов. – М.: ОМЕГА-Л, 2006. – 255 с.
18. Трудовое право России: учебник / под ред. С. Ю. Головиной, М. В. Молодцова. – М.: Норма, 2010. – 704 с.
19. Черданцев, А. Ф. Теория государства и права: учебник / А. Ф. Черданцев. – М.: Юрайт, 2002. – 492 с.

Егорова Ольга Анатольевна – преподаватель кафедры теории и истории государства и права, Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск). E-mail: kafedratigp@mail.ru.

THE ROLE OF LOGICAL MEANS AND METHODS IN THE PROCESS OF PERCEPTION IN LAW

O. A. Egorova

South Ural State University (Chelyabinsk)

The article deals with the analysis of possibilities of cognitive scientific means as mind abilities. The concept of the system of logical means and methods studied in classical formal logic, which build a specific theoretical method of rational cognition and which can be seen as a basis for perception in law, is proved in the article. The author analyzes different opinions of the scholars given in the references; basic lines in the analysis of the question on role and meaning of logical means and methods in law are revealed. The author comes to the conclusion that with the help of logical means and methods analytical work with cognitive means in law is performed in the context of logical linguistic research in different spheres of law.

Keywords: logical means and methods, cognitive means of law, methodology of perception in law, logical linguistic research in law.

Olga Anatolievna Egorova – lecturer of Theory and History of State and Law Department, South Ural State University (Chelyabinsk). E-mail: kafedratigp@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 8 октября 2013 г.

СЕЛЬСКАЯ КРЕСТЬЯНСКАЯ ОБЩИНА И СУДЕБНЫЕ СПОРЫ КРЕСТЬЯН О ЗЕМЛЕВЛАДЕНИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

С. Н. Жаров

Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск),

В. Г. Савельев

Курганский пограничный институт (г. Курган)

В статье рассматривается один из важнейших этапов эволюции сельской крестьянской общины в России в процессе реализации буржуазных реформ XIX века. Исследована противоречивость следующей ситуации: изменения в поземельных отношениях в крестьянской среде, аспекты формирования нового статуса «свободного сельского обывателя» и одновременное сохранение определенных рамок общинного землепользования. Данная ситуация вызывала постоянные споры крестьян о вещных правах на землю и стала причиной их обращения в различные судебные инстанции. Эмпирической основой статьи послужили материалы некоторых судебных дел по вопросам землевладения в Псковской губернии с 1896 по 1907 годы.

Ключевые слова: Российская империя, сельская крестьянская община, судебные споры крестьян, вопросы землевладения.

Рубеж XIX–XX вв. являлся одним из важнейших этапов эволюции сельской крестьянской общины в России. Интенсивность изменений была вызвана объективными процессами реализации буржуазных реформ 60–70-х гг. XIX века, которые, несмотря на противоречивость, коренным образом меняли поземельные отношения среди крестьян, формируя новый статус «свободного сельского обывателя». В частности, к концу XIX века упростилась процедура получения паспорта и выезда за пределы мест постоянного проживания крестьян [2, с. 38–42]. С другой стороны, продолжались сохраняться определенные рамки общинного землепользования. Данная ситуация оказалась весьма противоречивой, вызывая постоянные споры крестьян по землепользованию и их обращения в суд. Рассмотрим подборку судебных дел по вопросам землепользования, составленную заведующим статистическим отделением Псковской губернской земской управы Н. М. Кисляковым [1, с. 167–181]. Дела относятся к периоду 1896–1907 гг., т.е. показывают специфику решения аграрных споров до начала реализации столыпинских реформ.

Рассмотрим обстоятельства дела № 242 1896 года по иску крестьянина Христофора Дмитриева в Лучано-Бросенском волостном

суде к своему брату Никифору Дмитриеву о взыскании с последнего 60 рублей за пользование земельным наделом в течение пяти лет и возвращении данного надела истцу [1, с. 167]. В суде свидетели показали, что земельный надел после смерти отца был поделен пополам между братьями Христофором и Никифором, после чего Христофор сдал свой участок в аренду крестьянину Яковлеву. Однако Никифор отказал Яковлеву в аренде и пользовался участком брата без всякой оплаты в течение пяти лет. Лучано-Бросенковский волостной суд постановил взыскать с Никифора Дмитриева арендную плату в сумме 60 руб. и обязал вернуть в пользование брата земельный участок. Никифор Дмитриев указал, что земельный участок брата в аренду не брал и платить за аренду не обязан, а пользование земельным участком обосновал правом наследства и проживанием брата Христофора вне земельных угодий сельской общины. Рассмотрев жалобу Никифора на постановление волостного суда, Холмский уездный съезд 21 сентября 1896 г. постановил решение волостного суда утвердить. После получения данного решения Никифор обратился в Псковское губернское присутствие, которое «определило решение отменить и передать на новое рассмотрение и разрешение» [1, с. 167].

20 мая 1897 г. Холмский уездный съезд вынес повторное постановление о взыскании с Никифора арендной платы и возврате участка. В ответ 23 августа 1897 г. Н. Дмитриев снова обратился в Псковское губернское присутствие. Подводя итог данному судебному разбирательству, отметим следующее.

1. Христофор Дмитриев, выехав на постоянное место жительства и работу за пределы сельской общины, сохранял свою формальную принадлежность крестьянскому сословию и претендовал на сохранение определенных прав пользования земельным наделом.

2. Брат Никифор, постоянно проживая в данной сельской общине и занимаясь сельским хозяйством, также претендовал на пользование участком отсутствующего брата. Данный земельный спор был рассмотрен в порядке гражданского судопроизводства в волостном суде, уездном съезде и губернском присутствии. Уездный съезд постановил решение волостного суда утвердить, губернское присутствие постановило решение уездного съезда отменить и передать дело на новое рассмотрение. Уездный съезд повторил свое ранее принятое решение, т.е. дело вернулось к исходному пункту рассмотрения.

Рассмотрим обстоятельства дела № 352 1899 года по иску крестьянина Немчиновской волости д. Пахомково Игнатия Венедиктова к односельчанину Семену Васильеву о взыскании с последнего надела земли [1, с. 168]. Венедиктов в волостном суде показал, что Васильев не позволяет ему пользоваться земельным наделом по праву заключенного с ним договора, который однако не занесен в реестр волостного правления и находится на руках у Васильева. Васильев со своей стороны пояснил, что пользуется земельным наделом не Венедиктова, а умершего односельчанина Данилы. Крестьяне деревни Пахомково подтвердили, что данный земельный надел принадлежит сельскому обществу. Волостной суд, рассмотрев обстоятельства дела, приняв во внимание, что Венедиктов не является прямым наследником умершего Данилы, и по смерти последнего принадлежащий ему надел поступает в пользование всего сельского общества, постановил в иске Венедиктову отказать. В жалобе на решение волостного суда Венедиктов указал, что крестьяне деревни Пахомково дали свидетельские показания в результате «угощения» их Васильевым и что земельный надел ему передан по приговору

сельского общества 8 декабря 1892 г., утвержден земским начальником как доставшийся ему после смерти родного дяди Спиридона Семенова. Уездный съезд, рассмотрев обстоятельства дела, выяснил, что земельный надел, переданный по приговору сельского общества после смерти Семенова Венедиктову, находится в пользовании Павла Михайлова, а надел, оставшийся после смерти Данилы, находится в пользовании Васильева. Исходя из вышеизложенного, уездный съезд определил решение волостного суда утвердить. В итоге необходимо сделать следующие выводы.

1. Судебные органы выносили постановления, опираясь в основном на приговоры сельского общества.

2. Общинное перераспределение земельных наделов, с одной стороны, допускало передачу права пользования наделом «по наследству», с другой – оставляло решение данного вопроса в ведение сельской общины.

Рассмотрим обстоятельства дела № 410 1900 года [1, с. 169]. Истцом являлся крестьянин деревни Осенчиха Семен Иванов, который предъявил иск в Рамено-Каменский волостной суд об изъятии в свою пользу трех наделов земли от односельчанина Игната Кириллова. Ответчик И. Кириллов в суде признал, что, действительно, три земельных надела отдано в пользование С. Иванова, который, однако, своего хозяйства не имеет и сдает в аренду данные наделы крестьянам из другого сельского общества. Волостной суд постановил предоставить С. Иванову право пользования этими наделами при условии личного участия в их обработке, а вопрос сдачи участков в аренду разрешить только односельчанам, а не крестьянам любого другого сельского общества. И. Кириллов, получив решение волостного суда, обратился к уездному съезду с просьбой отменить данное решение, так как С. Иванов, по его мнению, ведет «распутную жизнь и для обработки земли орудий не имеет». В резолюции уездный съезд определил решение волостного суда утвердить. В данных судебных решениях, как волостного суда, так и уездного съезда, четко прослеживается упор прежде всего на правила общинного землепользования, в том числе и возможности сдачи земельного участка в аренду.

Рассмотрим обстоятельства дела № 215 1902 года по иску крестьянина Медовской волости д. Авинной Павла Ефантьева к одно-

сельчанину Никифору Игнатьеву о взыскании с последнего 1/2 земельного надела и движимого имущества на сумму 155 руб. [1, с. 170]. Ответчик Н. Игнатьев пояснил, что был отделен еще при жизни отца, получив свою часть имущества и земельный надел. Свидетель – сельский староста Николай Егоров показал, что П. Ефантьев также получил свою часть наследства. В итоге волостной суд постановил в иске П. Ефантьеву на земельный надел и движимое имущество отказать. После получения постановления волостного суда П. Ефантьев обратился к уездному съезду с жалобой, в которой указал, что спорная земля – «наследственная», и решением волостного суда он «был обезземелен». Уездный съезд, выслушав все обстоятельства дела, и принимая во внимание, что «дела о надельной земле подлежат рассмотрению схода сельской общины, а не волостного суда», постановил дело производство прекратить, оставив в силе решение волостного суда.

Рассмотрим обстоятельства дела № 425 1902 года по иску крестьянки Немчиновской волости д. Коровий Двор Самойловой к односельчанам Федору Ильину и Александру Васильеву о взыскании с последних 70 руб. за самовольный захват 2/3 земельного надела с возвращением данного надела Самойловой [1, с. 171]. Ответчики Ф. Ильин и А. Васильев пояснили, что они пользуются 2/3 земельного надела не самовольно, а согласно решению сельского схода 2 марта 1898 г., на котором истица Самойлова добровольно отдала им в пользование 2/3 земельного надела. Волостной суд постановил, принимая во внимание решение сельского схода 2 марта 1898 г., в иске Самойловой отказать. Доверенный истце Самойловой ее сын Ефим Яковлев, получив решение волостного суда, обратился к уездному съезду с просьбой отменить данное решение. Уездный съезд, рассмотрев жалобу и выслушав обе стороны, принял решение постановление волостного суда утвердить.

Рассмотрим обстоятельства дела № 447 1902 году по иску крестьянки Тухомичской волости д. Жевлухи Авдотьи Дементьевой к односельчанам, всем домохозяевам сельского общества д. Жевлухи о взыскании с последних земельного надела и усадебной оседлости, оставшихся после смерти отца истицы [1, с. 171]. В судебном заседании волостного суда ответчики показали, что А. Дементьева после выхода замуж и переезда к мужу за пре-

делы сельской общины потеряла все права на земельный надел и усадебную оседлость. Тухомичский волостной суд, рассмотрев на заседании дело по существу постановил отказать А. Дементьевой в пользовании земельным наделом, разрешив, однако, последней пользоваться усадебной оседлостью умершего отца. Получив решение волостного суда, уполномоченный домохозяевами сельского общества деревни Жевлухи Игнатий Евстратов обратился к уездному съезду с просьбой данное решение отменить, указав, что хотя в настоящее время А. Дементьева и проживает в деревне Жевлуха, но это результат того, что она «сбежала от мужа и ведет распутную и нетрезвую жизнь». Уездный съезд, рассмотрев жалобу, нашел решение волостного суда правильным и принял постановление его утвердить. Другими словами, судебный орган подтвердил тот аспект общинного землепользования, когда земельный надел после смерти домохозяина при отсутствии прямых наследников переходит в пользование всей общины, а усадебная «плановая» оседлость при наличии нуждающегося родственника, проживающего на территории общины, переходит только к нему.

Рассмотрим обстоятельства дела № 809 1903 году по иску крестьянина Даньковской волости д. Потаракино Романа Дмитриева к односельчанам, всем домохозяевам сельского общества д. Потаракино о взыскании с последних недостающей полосы надельной земли в пользу истца [1, с. 173]. В заседании Даньковского волостного суда уполномоченный сельского общества ответчик Харитон Андреев заявил, что сельское общество не признает иск Р. Дмитриева правильным. Свидетели показали, что у истца Р. Дмитриева действительно недостаточно земельного надела на три меры, которые последние обязались передать истцу еще в 1901 году Волостной суд, рассмотрев на заседании дело по существу, постановил обязать крестьян сельского общества д. Потаракино выделить по две меры полевой земли с каждого земельного надела ответчиков в пользу Р. Дмитриева либо взыскать с них в пользу истца по 4 руб. за год. Получив решение волостного суда, уполномоченный Арсений Егоров обратился к уездному съезду с просьбой отменить принятое волостным судом решение, указав, что передел земельных наделов сельского общества должен происходить согласно закону

8 июня 1893 г., по которому основанием передела является приговор сельского общества. В данном случае уполномоченный указал, что излишка земли у домохозяев нет, а время передела наделов нигде не указано. Уездный съезд, рассмотрев жалобу домохозяев сельского общества, постановил решение волостного суда отменить и дело прекратить.

Рассмотрим обстоятельства дела № 576 1905 года по иску крестьянина Полистовской волости деревни Ухотино Павла Афанасьева к односельчанину родному брату Спиридону Афанасьеву о взыскании с последнего 1/2 земельного надела в пользу истца [1, с. 176]. В заседании Полистовского волостного суда ответчик С. Афанасьев заявил, что настоящее дело является «неподсудным» волостному суду, так как по закону 8 июня 1893 г. земельный надел не может быть изъят или разделен волостным судом. Волостной суд, рассмотрев дело по существу, постановил взыскать с крестьянина С. Афанасьева 1/2 земельного надела в пользу родного брата П. Афанасьева. Получив решение волостного суда, С. Афанасьев обратился к уездному съезду с просьбой отменить принятое волостным судом решение. Уездный съезд определил, что дело по закону 8 июня 1893 г. должно рассматриваться только на сходе сельского общества, и на этом основании постановил решение волостного суда отменить и дело производством прекратить.

Подведем итог анализа судебных дел крестьян по вопросам землепользования на рубеже XIX–XX вв.

1. Буржуазные реформы 60–70-х гг. XIX века поставили цель сформировать новый статус «свободного сельского обывателя», отведя значительную роль в решении вопросов землепользования сельской крестьянской общине.

2. Обращения крестьян по вопросам землепользования в волостные и уездные судебные органы приводили к тому, что данные суды брали за основу судебного решения то или иное положение общинного землепользо-

вания либо вообще провозглашали свою неправомерность в решении вопросов землепользования.

3. Отсутствие частной собственности на земельный надел вызывало многочисленные споры среди родственников умершего землепользователя, что приводило к судебным решениям, основанным на тех же общинных принципах.

4. Сельская крестьянская община не могла отчуждать «плановую» усадебную оседлость не только при проживании на ней домовладельца или членов его семьи, но и после его смерти или выезда за пределы сельской общины при условии проживания на территории общины нуждающегося в жилье родственника.

5. Судебные органы не могли своим решением наделить оставшегося по каким-либо причинам без земельного надела крестьянина земельным наделом.

6. Вопрос передела земельных наделов решался только решением схода сельской общины, периодичность переделов не была точно указана, что приводило к наличию в сельской общине «малоземельных» и «безземельных» крестьян.

7. Идея «общинного равенства» в вопросах землевладения и усадебной оседлости вызвала вал обращений крестьян в суды.

8. Крестьяне-общинники демонстрировали довольно высокую правовую грамотность в вопросах защиты своих владельческих прав на землю и полномочий различных судебных инстанций.

Литература

1. Вельский, В. *Выбитые на хутора. Землеустроители и народ* / В. Вельский. – М.: Изд-во «Традиция», 1912. – 399 с.

2. *Общее положение о крестьянах. Ст. 208–229. Положения о сельском состоянии // Свод законов Российской империи: в 16 т. СПб.: Изд-во «Деятель», 1912. – Т. 9. – 486 с.*

Жаров Сергей Николаевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск). E-mail: serzhar@mail.ru.

Савельев Вадим Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, в/ч 2351, Курганский пограничный институт (г. Курган). E-mail: savelevvg@gmail.com.

RURAL PEASANT COMMUNITY AND COURT DISPUTES OF PEASANTS ON LAND OWNERSHIP AT THE TURN OF XIX–XX CENTURIES

S. N. Zharov

South Ural state University (Chelyabinsk),

V. G. Saveliev

Kurgan Border Institute (Kurgan)

The article considers on the most crucial stages in rural peasant community development in Russia in the process of bourgeois reforms of the XIX century. The contradictory nature of the situation is the following: changes in tenure of land in peasant environment, aspects of anew status «independent country inhabitant» and simultaneous preservation of specific framework of communal land tenure. This situation reveals peasant disputes on real right to land tenure and is the ground to access to a court. Empirical method of the article is the material of court cases in land tenure in Pskov province from 1896 to 1907.

Keywords: Russian Empire, rural peasant community, court peasant disputes, land tenure.

Sergey Nikolaevich Zharov – Doctor of Science (Law), Associate Professor, Professor of State and Law Disciplines Department, South Ural state University (Chelyabinsk). E-mail: serzhar@mail.ru.

Vadim Gennadievich Saveliev – Candidate of Science (History), Associate Professor of State and Law Disciplines Department, military unit 2351, Kurgan Border Institute (Kurgan). E-mail: savelevvg@gmail.com.

Статья поступила в редакцию 1 октября 2013 г.

ОСОБЕННОСТИ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ В СОВЕТСКОЙ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЕ В ГОДЫ НЭПА

Г. Т. Камалова

Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск)

В статье проанализирован опыт решения правящей коммунистической партией кадровой проблемы для советской судебной системы в годы нэпа. Автор отмечает, что судебная система являлась частью государственного механизма, поэтому основное требование, предъявлявшееся к судейскому корпусу, заключалось в следовании политическому курсу коммунистической партии. Особое внимание автор обратил на реализацию классово-партийного подхода к подбору работников советского суда. Анализ способов подбора кадров советского суда приводит автора к выводу о практическом сращивании судебной и исполнительной властей, а также сращивании судебной власти с партийной.

Ключевые слова: новая экономическая политика, Уральская область, суд, кадры, классовый подход, партийное руководство.

Курс на укрепление «революционной законности» в связи с переходом к новой экономической политике потребовал перемен в системе правоохранительных органов, прежде всего в правосудии. В механизме советского суда важную роль играл кадровый состав работников. От их образовательного, профессионального уровня, политической ориентации и моральных качеств во многом зависели направления и ход реформирования судебной системы. Понимание большевиками сущности и задач суда как органа власти и управления, учреждавшегося для защиты завоеваний пролетарской революции, обеспечения интересов и прав трудящихся и их объединений, нашло отражение в Положении о судостроительстве РСФСР от 11 ноября 1922 г. [1, ст. 902].

Судебная система являлась частью советского государственного механизма, поэтому основное требование, предъявлявшееся к судейскому корпусу, заключалось в следовании политическому курсу коммунистической партии и правительства, в проведении в жизнь их директив. В связи с этим, в Положении о судостроительстве РСФСР 1922 года были сформулированы особые критерии для работников судебных органов. Народным судьей мог быть избран любой гражданин, обладавший избирательным правом и имевший либо двухлетний стаж политической работы, либо трехлетний стаж работы в органах юстиции. Закон

при этом не устанавливал властного, имущественного и каких-либо иных цензов. Исключение из общего правила составляли лица, судимые за уголовные преступления, и лица, исключенные из общественных организаций за порочащие поступки.

В Положении о судостроительстве РСФСР 1926 года [3, ст. 624] расширялся круг лиц, которые могли исполнять должность народного судьи. Советский суд не был независимым – судьи избирались и отзывались исполнительной властью, находились под контролем партийных органов. Народные судьи избирались губернскими исполкомами по представлению губернского суда или народного комиссариата юстиции (НКЮ) РСФСР сроком на один год и могли быть переизбраны.

В целом требования к составу судей в 20-е гг. определялись задачами диктатуры пролетариата. Уровень профессиональных качеств судьи определялся классовой принадлежностью. Главное, чтобы кандидат на должность судьи был «только из трудящихся и только трудящимся» (ст. 3 Основ судостроительства). Первое условие для занятия должности судьи – политическая благонадежность и обладание политическими правами. Второе условие определялось родом занятий и стажем потенциального кандидата. Он обязан иметь общественно-политический или практический стаж работы в органах юстиции

или государственных органах [3, ст. 624].

После административно-территориальной реформы, более известной как районирование, была образована Уральская область. ВЦИК и СНК РСФСР законодательно определили структуру судебных органов в Уральской области и их состав [2, ст. 194]. 4 января 1924 г. Уральский обком РКП (б) специальным циркуляром констатировал, что назначение и перемещение народных судей должны производиться только через областную исполком советов после согласования с окружными комитетами партии [4, л. 20]. Позднее порядок, установленный для Уральской области, нашел законодательное оформление в Положении о судопроизводстве РСФСР от 19 ноября 1926 г.

По Уральской области рост партийности среди судей в 1928 году по сравнению с 1927 годом составил 12,8 % (т.е. темпы роста в регионе в 5,6 раза выше, чем по РСФСР в целом). Действительно, в 1926 году численность коммунистов в составе суда Уральской области составляла 80 %; в 1927 году – 84,2 %, 1928 году – 85,9 %. К 1929 году в составе народных судов области коммунисты составляли 92,5 %, а в окружных – 98,6 % [6, с. 4]. На наш взгляд, низкий уровень образования и квалификации, рабоче-крестьянский состав большинства кандидатов делали партийность не только главным, но подчас и единственным критерием при отборе на должность судьи.

Удельный вес коммунистов среди сотрудников органов юстиции был намного выше, чем в отраслях народного хозяйства и в других учреждениях советской власти. По официальным данным на 1 июля 1925 г. коллегия НКЮ РСФСР полностью состояла из коммунистов. Членами партии были 87,5 % заведующих отделами, их заместителей и помощников, 98,1 % председателей губернских, областных и краевых судов, 97,1 % их заместителей, 87,4 % членов судов [4, с. 154]. На XV съезде партии С. Орджоникидзе имел все основания сказать: «Соваппарат в наших руках..., он наш аппарат» [7, с. 155]. Это свидетельствует о том большом значении, которое придавалось суду как органу диктатуры пролетариата.

Изменения в социальном составе в различных подразделениях судебных органов Уральской области к концу 20-х гг. носили однонаправленный с РСФСР характер. На 1 января 1929 г. по социальному происхождению рабочие в областном суде составляли 14,3 %, в окружных судах – 36 %, в народных судах – 27 %. В судебной системе РСФСР в этот период рабочие в среднем составляли 36 %, т.е. окружные суды Урала по этой норме соответствовали республиканскому уровню. Крестьяне в областном суде составляли 14,3 %, в окружных судах – 14 %, в народных – 27 %; служащие – соответственно 71,4 %, 28,8 % и 37 % [6, л. 6]. Председатель Уральского областного суда, отмечая высокий процент рабочих и крестьян среди судей, подчеркивал, что «они не могут похвалиться юридическими познаниями, но зато являются носителями классовой пролетарской правды. Юридические знания приобретаются на опыте, практически» [6, с. 4].

Состояние кадров работников судебных органов Уральской области на протяжении 20-х гг. характеризовалось высокой текучестью. Сменяемость судебно-следственных работников была неодинаковой по годам, округам и структурным подразделениям суда. Анализ архивных материалов выявляет рост текучести судейских кадров на Урале, причем процент сменяемости судей в регионе был значительно выше, чем по РСФСР в целом. Так, в Шадринском округе в 1925–1926 гг. текучесть кадров в судебно-следственных участках, т.е. в низовых структурах, составляла 84,5 %, что, как отмечалось судебно-кассационной сессией, вело к нарушению правильной работы. Среди народных судей округа в октябре 1926–марте 1927 гг. текучесть была 60 %, а в 1929 году в Шадринском округе отмечено 100 % обновление судейского аппарата. На наш взгляд, в округах с преимущественно аграрным населением в условиях осуществления сплошной коллективизации высокая текучесть среди низового звена судебно-следственного аппарата в определенной степени являлась формой протеста против произвола. Подтверждением этого вывода служат показатели и Курганского округа. В округе только в первой половине 1926 года

сменилось три уполномоченных областного суда; за 1929 год из 19 уполномоченных сменилось 14 (т.е. 73,7 % от всех). Текучесть ответственных работников в округе в 1927 году составила 51 % от их общего количества. В 1928 году сменилось 52,6 % народных судей, 87 % судебных исполнителей [4, д. 297, л. 26].

Текучесть судебных кадров наносила значительный ущерб системе правосудия страны. В судебной практике, как и в иных сферах, опыт может заменить недостаток формального образования. Но высокий уровень текучести кадров приводил к тому, что большинство советских судебных работников оказалось и без образования, и без опыта.

Нельзя сказать, что высокая текучесть судейских кадров не беспокоила руководящие партийные и государственные органы. Они пытались выявить причины текучести судебно-следственных работников и принять меры по сокращению и преодолению ее негативных последствий. Следует отметить изменения в расстановке акцентов при анализе причин сменяемости кадров. Так, Курганский окружной комитет ВКП (б) во второй половине 1926 года среди причин увольнения судей выделял следующие: непригодность выдвиженцев к работе (66,6 % от всех уволенных); привлечение к уголовной ответственности за халатность (16,7 %); перевод на другую работу (16,7 %) [4, д. 132, л. 199].

К концу 1920-х гг. при сохранении причин текучести неполитического характера возрастает такой мотив, как дискредитация Советской власти. Текучесть среди судейских работников нередко была связана с низкой заработной платой. Низкий уровень заработной платы вел не только к текучести, но и к должностным преступлениям, наиболее распространенными из которых были взяточничество и растраты государственных средств. Так, Уполномоченный областного суда по Курганскому округу в 1925 году был снят с должности за то, что «в пользовании его теста в течение двух лет находилось вещественное доказательство – лошадь, о чем Уполномоченный не мог не знать» [4, д. 1058, л. 62].

Острота проблемы квалифицированных кадров в области юстиции была связана во многом с состоянием юридического образования в Советской России. В 20-е гг. в РСФСР ежегодно готовилось всего 500 юристов [7,

с. 138], хотя система технического образования развивалась очень динамично. Это связано с отношением большевиков к сфере государственного управления, где считалось достаточным политической преданности и революционного сознания.

Сокращение подготовки юристов и использование немногих профессионалов в областях, далеких от права, привело и к тому, что к концу 1920-х гг. значительно снизился и без того невысокий профессионально-образовательный ценз судей и прокуроров. В 1926 году по РСФСР из 64 председателей областных судов высшее образование имели всего девять человек (14 % от всех), остальные – среднее, начальное и домашнее [11, с. 161, 162]. В 1927 году образовательный уровень губернских и областных судов РСФСР был следующим: среди председателей и их заместителей доля с низшим образованием составляла 72 %, среди членов судов – 62 %. Вместе с тем надо отметить, что все-таки 8 % председателей и их заместителей областных судов республики имели высшее образование и 17 % членов судов [8, с. 1042]. Они сосредоточивались в основном в Москве и областных центрах. По СССР число прокуроров с высшим образованием снизилось с 29 % в 1923 году до 11–12 % в начале 30-х гг. (т.е. в 2,4 раза); народных судей с 8,4 % до 4,2 % (т.е. в 2 раза). К 1935 году 84,6 % всех народных судей имели только начальное образование.

Это характерно и для народных судей Уральской области. Доля народных судей в округах области, имевших низшее образование, колебалась от 78,6 % в Кунгурском округе, 78,9 % – в Верхне-Камском до 83 % – в Пермском округе [5, д. 21, л. 139; д. 36, л. 25]. В Курганском и Шадринском округах уровень образования народных судей на протяжении 1921–1929 гг. оставался чрезвычайно низким – 94,5 % состава имели низшее образование. Профессиональных юристов в их составе практически не было. В графе анкеты «основная профессия до судебной работы» судьи указывали: хлебопашец, писмоводитель, рабочий, маслодел, плотник, маляр, отсутствие основной работы и т.д. [4, д. 132, л. 200].

Вместе с тем надо иметь в виду, что в 20-е гг. советские руководители относились к низкому уровню образования кадров юстиции

как к чему-то обычному и энергичных мер к преодолению этого недостатка не принимали. Работа судей считалось удовлетворительной, пока они выполняли элементарные требования. Именно это имел в виду С. Орджоникидзе, когда заявил на XV съезде ВКП (б) в декабре 1927 года, что «мы не требуем очень много от нашего суда сегодня» [10, с. 59].

Вместе с тем руководство наркомата юстиции не стремилось превратить судей и следователей в профессиональных юристов. Об этом свидетельствуют выступления на XV съезде ВКП (б) руководящих работников РКИ Н. М. Янсона и А. А. Сольца, которые критиковали советское правосудие за то, что в юстиции появился «некоторый профессиональный юридический уклон» [9, с. 96].

Кадровая политика Советского государства в отношении судебных работников была направлена на привлечение в состав суда «политически благонадежных» представителей рабоче-крестьянских слоев населения. Большевики отстранили от судебной работы профессиональных юристов, работавших до революции, в связи с чем были вынуждены привлекать к судебной работе лиц, у которых не было специального образования. Большинство работников системы правосудия имели лишь низшее образование. Недостаток образования и профессиональной подготовки компенсировался рабоче-крестьянским происхождением, принадлежностью к коммунистической партии и революционным правосознанием. Способы подбора, расстановки судебных работников во всех структурных подразделениях системы советского суда на

глядно свидетельствуют о практическом сращивании в 20-е гг. судебной и исполнительной властей, а также сращивании судебной власти с партийной.

Литература

1. *Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства, издаваемое народным комиссариатом юстиции (СУ РСФСР)*. – 1922. – № 69.
2. *СУ РСФСР*. – 1924. – № 20.
3. *СУ РСФСР*. – 1926. – № 85.
4. *Государственный архив общественно-политической документации (ГА ОПДКО) Ф. 7. Оп. 1. Д. 2*.
5. *Государственный архив Пермской области (ГАПО) Ф. Р. 127. Оп. 1. Д. 21. Л. 139; Д. 36*.
6. *Инструктивный доклад Уральского областного суда о работе судебных органов Уральской области за 1926–1927 гг. – Свердловск, 1927. – 43 с.*
7. *Гимпельсон, Е. Г. НЭП и советская политическая система. 20-е годы / Е. Г. Гимпельсон. – М.: ИРИ РАН, 2000. – 423 с.*
8. *Еженедельник советской юстиции. – М., 1927. – № 34.*
9. *Курицын, В. М. Переход к НЭПу и революционная законность / В. М. Курицын. – М.: Наука, 1972. – 215 с.*
10. *Формирование административно-командной системы. 20–30-е годы. – М.: Высшая школа, 1992. – 235 с.*
11. *Соломон, П. Советская юстиция при Сталине / П. Соломон. – М.: РОССПЭН, 1998. – 464 с.*

Камалова Галина Тимофеевна – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, Южно-Уральский государственный университет. E-mail: kamalova_galina@mail.ru.

PECULIAR FEATURES OF HUMAN RESOURCE POLICY IN THE SOVIET COURT SYSTEM OF NEW ECONOMIC POLICY

G. T. Kamalova

South Ural State University (Chelyabinsk)

The article analyzes the experience in the solution of human resources problem for the Soviet court system within New Economic Policy by the governing Communist party. The author emphasizes the fact that a court system is a part of a state mechanism which is the reason for a basic requirement to the judiciary which is to follow political course of the Communist party. Special attention is paid to implementation of class party policy of the Soviet judiciary recruitment. Based on the analysis of methods of human resources recruitment the author comes to the conclusion of a practical binding of a judicial and executive power as well as judicial and part power binding.

Keywords: New Economic Policy, the Ural region, court, human resources, class policy, party leaders.

Galina Timofeevna Kamalova – Doctor of Science (History), Professor of Theory and History of State and Law Department, South Ural State University. E-mail: kamalova_galina@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 1 октября 2013 г.

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА

С. Я. Красовский

Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск)

В статье исследуются уровни правового регулирования физической культуры и спорта в Российской Федерации. Развитие и поддержка физической культуры и спорта определяются как одна из приоритетных функций российского государства в настоящее время. Вместе с тем в статье рассматриваются проблемы правового регулирования физической культуры и спорта, связанные с отсутствием некоторых норм международных договоров и конвенций в национальном законодательстве. Данные нормы представляют особый интерес, потому как содержат основополагающие принципы, цели совершенствования законодательства в исследуемой области. В то же время в качестве решения проблемы предлагается анализ Концепции развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на 2006–2015 гг., содержащей основные цели, задачи, предполагаемые результаты развития исследуемого явления, а также нормы и принципы международного права в области физической культуры и спорта.

Ключевые слова: физическая культура, спорт, индивид, общество, государство, законодательство.

В настоящее время развитие физической культуры и спорта в России является приоритетной функцией государства, от которой зависит физическое и интеллектуальное развитие способностей человека, общества, совершенствования двигательной активности индивида и формирования здорового образа жизни нации в целом, социальной адаптации путем физического воспитания, физической подготовки и физического развития.

Реализация рассматриваемой функции находится в непосредственной зависимости от правового регулирования физической культуры и спорта в Российской Федерации, его совершенствования. В связи с этим исследование системы нормативного правового обеспечения физической культуры и спорта в России на современном этапе представляется актуальным.

Законодательство, регулирующее физическую культуру и спорт, включает в себя Конституцию РФ, федеральные конституционные законы, федеральные законы, указы и распоряжения Президента Российской Федерации, постановления и распоряжения Правительства Российской Федерации, нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти, законы и иные нормативные правовые акты высших органов государст-

венной власти субъектов Российской Федерации, нормативные правовые акты органов местного самоуправления, локальные нормативные акты, общепризнанные принципы и нормы международного права и международных договоров Российской Федерации.

В соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора [1]. Таким образом, соответствующие нормативно-правовые акты, принятые наднациональными органами, и международные договоры Российской Федерации являются структурными элементами системы правового регулирования физической культуры и спорта. В частности, к их числу можно отнести: Международную хартию физического воспитания и спорта 1978 года, Спортивную хартию Европы 1992 года и др. [5, с. 256].

Основной закон Российской Федерации является основным правовым источником, регулирующим физическую культуру и спорт. В ч. 2 ст. 41 Конституции РФ провозглашено,

что в России финансируются федеральные программы охраны и укрепления здоровья населения, поощряется деятельность, способствующая развитию физической культуры и спорта. Вместе с тем положение п. «е» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ относит регулирование общих вопросов физической культуры и спорта к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов.

По мнению М. Г. Вулах, именно второе из приведенных конституционных положений в совокупности с нормами ч. 2 ст. 76 Конституции РФ, устанавливающей, что по предметам совместного ведения России и ее субъектов издаются федеральные законы и принимаемые в соответствии с ними законы и иные нормативные правовые акты субъектов Федерации, предопределили структуру законодательства о физической культуре и спорте. Часть 1 указанной статьи выделяет два уровня данного законодательства: 1) акты федерального законодателя, например Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации»; 2) законодательные акты субъектов Российской Федерации, которые принимаются в соответствии с указанным законом о спорте и другими федеральными законами, образующими спортивную отрасль законодательства [6, с. 23].

В то же время А. П. Затеев отмечает, что при анализе ч. 1 ст. 4 Закона о спорте необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что понятие «законодательство» используется в строгом его понимании, т.е. как совокупность только законодательных актов, в отличие от широкого понимания, охватывающего не только непосредственно законодательные акты, но и иные нормативные правовые акты [7, с. 85].

Вместе с тем в ч. 2 ст. 4 говорится и о «иных» нормативных правовых актах, содержащих нормы, регулирующие отношения в области физической культуры и спорта. На федеральном уровне такими актами являются указы Президента Российской Федерации, постановления Правительства РФ и нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти, а на региональном – нормативные акты органов исполнительной власти субъектов Федерации.

Следующий уровень системы правового обеспечения физической культуры и спорта представлен актами Президента РФ, которые направлены на регулирование вопросов по совершенствованию федеральной политики в

исследуемой области, мер государственной поддержки и материального обеспечения работников физической культуры и спорта, а также решению иных проблем, связанных с упорядочением управленческих отношений в области физической культуры и спорта.

Издание Президентом РФ указов, как и распоряжений, предусмотрено ч. 1 ст. 90 Конституции РФ. Согласно ч. 2 данной статьи указы и распоряжения Президента обязательны для исполнения на всей территории России. Частью 3 этой же статьи установлено, что указы и распоряжения Президента РФ не должны противоречить Конституции и федеральным законам.

В качестве отдельной группы источников правоотношений в области физической культуры и спорта можно выделить нормативные правовые акты Российской Федерации. Правительство Российской Федерации принимает постановления и издает распоряжения по вопросам, непосредственно связанным с реализацией положений действующего законодательства в рассматриваемой сфере общественных отношений.

Необходимо отметить, что особое место в системе нормативных правовых актов Правительства РФ занимают утверждаемые его постановлениями положения о государственных органах управления физической культурой и спортом и их полномочиях, а также федеральные целевые программы и концепции в исследуемой области социальной сферы.

Одной из наиболее важных федеральных целевых программ является программа «Развитие физической культуры и спорта в Российской Федерации на 2006–2015 годы». Целью программы является создание условий для укрепления здоровья населения путем развития инфраструктуры спорта, популяризации массового и профессионального спорта (включая спорт высших достижений) и приобщения различных слоев общества к регулярным занятиям физической культурой и спортом. Среди многочисленных задач мы выделили повышение интереса населения Российской Федерации к занятиям физической культурой и спортом; развитие инфраструктуры для занятий массовым спортом в образовательных учреждениях и по месту жительства; создание и внедрение в образовательный процесс эффективной системы физического воспитания, ориентированной на особенности развития детей и подростков; целевая поддержка научных и методических раз-

работок в области спорта высших достижений; развитие материально-технической базы спорта высших достижений, в том числе для подготовки олимпийского резерва [4, с. 58].

Определенный интерес, по нашему мнению, представляют положения, закрепляющие ожидаемые конечные результаты реализации Программы. В частности, среди них можно выделить: увеличение доли граждан Российской Федерации, систематически занимающихся физической культурой и спортом, до 30 % от общего числа граждан Российской Федерации; увеличение показателя обеспеченности спортивной инфраструктурой до 30 объектов на 100 тыс. жителей; увеличение количества квалифицированных тренеров и тренеров-преподавателей физкультурно-спортивных организаций, работающих по специальности, до 300 тыс. человек; обеспечение ежегодного прироста количества граждан, занимающихся в специализированных спортивных учреждениях, на 30 %; обеспечение 100 % охвата российских спортсменов антидопинговым контролем; снижение количества российских спортсменов, дисквалифицированных на международных соревнованиях в связи с выявлением употребления допинговых препаратов, до нуля; обеспечение снижения среднего числа дней временной нетрудоспособности по всем причинам на 15 %.

Издание Правительством РФ постановлений, регулирующих отношения в области физической культуры и спорта, прямо предусматривают нормы ч. 3 и 6 ст. 7, ст. 23, ч. 7 ст. 29 и ч. 3 ст. 35 Закона о спорте [2]. До принятия Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием осуществления полномочий Правительства Российской Федерации» этих норм было еще больше.

Вместе с тем данным законом в целях повышения эффективности деятельности органов исполнительной власти с 1 января 2009 г. предусмотрено закрепление более 500 полномочий Правительства РФ за иными федеральными органами исполнительной власти в таких сферах общественных отношений, как государственное управление и местное самоуправление, образование и наука, охрана здоровья граждан, градостроительство, строительство и жилищные отношения, сельское хозяйство, пенсионное обеспечение, культура и социальная защита, а также в ряде других

сфер. Соответственно в результате изменений, внесенных указанным законом, предусматривается издание нормативных правовых актов, регулирующих отношения в области физической культуры и спорта, не Правительством РФ, а уполномоченным им федеральным органом исполнительной власти.

Стоит отметить, что данные изменения с опережением были учтены при издании Постановления Правительства РФ «О Министерстве спорта, туризма и молодежной политики Российской Федерации» [3], которым утверждено Положение о Министерстве спорта, туризма и молодежной политики Российской Федерации. Положение не только устанавливает, что Минспорттуризм России является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и правовому регулированию в сфере физической культуры, спорта, туризма и молодежной политики, а также по оказанию государственных услуг (включая противодействие применению допинга) и управлению государственным имуществом в сфере физической культуры и спорта, что основано на положении п. 2 Указа Президента РФ «Вопросы системы и структуры федеральных органов исполнительной власти», в соответствии с которым и образован Минспорттуризм России с возложением на него функций по выработке государственной политики и правовому регулированию в этой сфере, но и указывает, что Минспорттуризм России принимает ряд нормативных правовых актов [8, с. 16].

Важное место в системе источников регулирования физической культуры и спорта занимают нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти, где основную роль играют акты специально уполномоченного органа исполнительной власти Российской Федерации в области физической культуры и спорта – Министерства спорта, туризма и молодежной политики РФ. В систему нормативных актов, регулирующих отношения в сфере физической культуры и спорта, входят законодательные и иные акты субъектов Российской Федерации, а также нормативные правовые акты органов местного самоуправления, принимаемые по вопросам, отнесенным к их компетенции.

Источниками регулирования отношений в области физической культуры и спорта в Российской Федерации являются и корпоратив-

ные нормативные акты физкультурно-спортивных организаций и их объединений (ассоциаций, лиг и т.д.), принимаемые в соответствии с порядком, закрепленным в их учредительных документах.

Необходимо отметить, что на современном этапе развития и совершенствования правового регулирования в области физической культуры и спорта корпоративные акты приобретают особое значение. По нашему мнению, наиболее разработанной является система корпоративных нормативных актов, регулирующих отношения в сфере профессионального спорта.

Более того, к источникам правового регулирования отношений в области физической культуры и спорта также можно отнести нормативно-правовые договоры, такие как соглашения, заключаемые между федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации; учредительный договор о создании физкультурно-спортивного учреждения и т.д.

Проанализировав структуру нормативных правовых актов, регулирующих развитие физической культуры и спорта в Российской Федерации, мы отмечаем, что в настоящее время определенный интерес представляют Концепции федеральных целевых программ, основанные на нормативном уровне.

В частности в них отражены конкретные предложения и ожидаемые результаты, что также, по нашему мнению, является достаточно эффективной мерой в реализации пропаганды здорового образа жизни в обществе, формирования спортивного потенциала государства.

Более того, отметив международный уровень правового регулирования физической культуры и спорта, считаем необходимым акцентировать внимание на нормах международных договоров и конвенций, которые со-

держат в себе основополагающие принципы, цели совершенствования законодательства в исследуемой области.

В целом совершенствование правового регулирования одной из приоритетных функций Российского государства – развития и всесторонней поддержки физической культуры и спорта – является важной задачей Российской Федерации, от которой зависят жизнь и здоровье не только отдельного индивида, но и общества в целом.

Литература

1. Конституция Российской Федерации // СЗ РФ. – 2009. – № 4. – Ст. 445.
2. Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ // СЗ РФ. – 2007. – № 51. – Ст. 4169.
3. Постановление Правительства Российской Федерации «О Министерстве спорта, туризма и молодежной политики Российской Федерации» от 29 мая 2008 г. № 408 // СЗ РФ. – 2008. – № 24. – Ст. 3466.
4. Распоряжение Правительства РФ от 15 сентября 2005 г. № 1433-р «Концепции федеральной целевой программы «Развитие физической культуры и спорта в Российской Федерации на 2006–2015 годы» // СЗ РФ. – 2005. – № 38. – Ст. 3866.
5. Андреев, С. А. Сборник международных нормативных актов / С. А. Андреев. – М.: Стар, 2011. – 356 с.
6. Вулах, М. Г. Конституционные основы физической культуры и спорта / М. Г. Вулах. – М.: Пресс, 2012. – 210 с.
7. Затеев, А. П. Правовое обеспечение здоровья нации / А. П. Затеев. – М.: Антей, 2010. – 218 с.
8. Скоблин, И. Т. Особенности применения закона «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» / И. Т. Скоблин. – М.: Ника, 2013. – 320 с.

Красовский Сергей Яковлевич – соискатель кафедры теории и истории государства и права, Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск). E-mail: serkras333@mail.ru.

LEGAL REGULATION OF PHYSICAL EDUCATION AND SPORT

S. Y. Krasovsky

South Ural State University (Chelyabinsk)

The article studies levels of physical education and sport in the Russian Federation. Development and support of physical education and sport are priority functions of Russia nowadays. However the article highlights the problems of legal regulation of physical education and sport connected with the lack of some statutes of international agreements and conventions in domestic legislation. These statutes are of great importance because they have fundamental principles, objectives to develop legislation in the sphere. At the same time the analysis of the Concept to develop physical education and sport in the Russian Federation for 2006-2015 with major objectives, purposes and the results of development of the process as well as the statutes and principles of international law in physical education and sport is the solution to the problem.

Keywords: physical education, sport, individual, society, state, legislation.

Sergey Yakovlevich Krasovsky – degree-seeking student of Theory and History of State and Law Department, South Ural State University (Chelyabinsk). E-mail: serkras333@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 3 октября 2013 г.

ПОДОТРАСЛЬ ПРАВА КАК ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ ПРАВА (НА ПРИМЕРЕ ПРАВА МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ)

А. В. Минбалеев

Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск)

В статье раскрывается сущность подотрасли права как правового феномена и элемента системы права. Дается обзор основных точек зрения на понимание подотрасли права. Делается вывод о том, что о подотрасли права мы можем говорить при условии соблюдения следующих критериев: подотрасль объединяет совокупность однородных институтов, интегрируемых в подотрасль в пределах определенной отрасли права, характеризующихся своей спецификой и известной родовой обособленностью; наличие в составе подотрасли, как правило, общего института, группы институтов, законодательно выделенных общих положений для институтов подотрасли или наличие ассоциации общих норм; однородность общественных отношений, объединяющихся в подотрасль, в то же время должна предполагать различный видовой состав общественных отношений; для подотрасли должна быть свойственна высокая степень специализации и дифференциации входящих в ее состав правовых институтов.

Ключевые слова: подотрасль права, система права, информационное право, право массовых коммуникаций.

В теории государства и права, а также в отраслевых юридических науках исследователи не раз подчеркивали значимость объединения правовых институтов в подотрасли как существенных структурных подразделений права [2, с. 153–154]. В качестве подотрасли в теории права традиционно выделяют совокупность однородных институтов определенной отрасли, крупные подразделения системы права, занимающие промежуточное состояние между институтом права и отраслью права [6, с. 328]. Выделение подотраслей права обусловливается тем, что отрасли права, хотя они взаимосвязаны и проникнуты органическим единством, не равнозначны по своему значению, объему, роли в процессе воздействия на общественные отношения, а в рамках отрасли различные сферы общественных отношений также далеко не одинаковы по широте и составу. Основное предназначение подотраслей права – регулировать отдельные массивы общественных отношений, характеризующихся своей спецификой и известной родовой обособленностью [11, с. 351]. О. С. Иоффе писал, что подотрасль регулирует комплекс повторяющихся отношений, «подотрасль, как и отрасль права, должна содержать в себе совокупность норм, регулирующих однородные отношения разных видов» [4, с. 50]. В. С. Нерсесянц подотрасль права определял

как составную часть отрасли права, объединяющую группу однородных правовых институтов. По его мнению, «складываясь первоначально на основе одного или нескольких правовых институтов, подотрасль права при наличии определенных условий (объективные потребности в правовом регулировании соответствующих новых сфер общественных отношений, существенное обновление основ и принципов самой правовой регуляции и т.д.) постепенно развивается в направлении к обособлению в качестве новой самостоятельной отрасли права» [7, с. 432–433]. С. С. Алексеев под подотраслью права понимал такое объединение институтов, для которого характерна высокая степень специализации, дифференциации и интеграции входящих в его состав правовых общностей. Наиболее яркой отличительной чертой подотраслей, выделяющей их из других правовых общностей, является наличие в их составе общего института, группы институтов, законодательно выделенные общие положения для институтов подотрасли или ассоциации общих норм. При этом наличие законодательно выделенных общих положений не всегда может служить определяющим моментом. С. С. Алексеев указывал, что и подотрасли, которые не характеризуются законодательно выделенными общими положениями, в действительности их имеют:

либо в виде еще окончательно не сформировавшегося общего института, либо в виде ассоциации общих норм [2, с. 154–156].

Таким образом, о подотрасли мы можем говорить при условии соблюдения следующих критериев: 1) подотрасль объединяет совокупность однородных институтов, интегрируемых в подотрасль в пределах определенной отрасли права, характеризующихся своей спецификой и известной родовой обособленностью; 2) наличие в составе подотрасли, как правило, общего института, группы институтов, законодательно выделенных общих положений для институтов подотрасли или наличие ассоциации общих норм; 3) однородность общественных отношений, объединяющихся в подотрасль, в то же время должна предполагать различный видовой состав общественных отношений; для подотрасли должна быть свойственна высокая степень специализации и дифференциации входящих в ее состав правовых институтов.

Современное развитие теоретических исследований информационных правоотношений неразрывно связано с исследованиями теоретико-методологических оснований права массовых коммуникаций как определенной общности правовых норм. Массовая информация и массовые коммуникации как объекты правоотношений составляют значительную часть общей массы общедоступной (открытой) информации, циркулирующей в международном и национальном информационном пространстве, а также каналов передачи этой информации. Развитие правоотношений в сфере массовых коммуникаций осуществляется с учетом ряда особенностей сферы массовых коммуникаций, на основе ряда специфических принципов. Все это обуславливает необходимость постановки вопроса о правовой природе права массовых коммуникаций в общей системе права и информационного права.

В науке нет однозначного подхода к определению данного института. Традиционно исследователи говорят не о праве массовых коммуникаций, а о праве массовой информации (массово-информационном праве, медиа-праве, праве СМИ) как институте или отрасли, которая регулирует отношения, связанные с функционированием СМИ. Ряд исследователей придерживается позиции, что какого-либо специального права, связанного со СМИ, вообще не существует, а потому и нет необ-

ходимости создавать для них особую отрасль права. Другие исследователи (М. А. Федотов, В. Н. Монахов, М. Л. Кудрявцев) полагают, что массово-информационное право имеет право на существование как отрасль права [9, с. 11]. Так, А. Г. Рихтер поддерживает идею обособления массово-информационного права в качестве самостоятельной отрасли права, которая перерастает в отрасль права в широком смысле этого понятия. При этом массово-информационное право разграничивается с информационным правом. Последнее, по мнению исследователя, регулирует вопросы создания и использования информационных ресурсов и технологий, прав субъектов, вступающих в информационные отношения в самом широком смысле этого слова. В качестве необходимости обособления отрасли массово-информационного права на основе предмета правового регулирования А. Г. Рихтером называются «повышенная социальная значимость отношений в сфере сбора, производства и распространения массовой информации, наиболее ясно сформулированная в концепции «четвертой власти», появление законов и иных нормативных актов, посвященных отношениям в сфере СМИ, которые (акты) обладают определенной спецификой, не позволяющей с полной уверенностью включить их в состав уже существующих отраслей права [8, с. 12–13].

Данная позиция представляется дискуссионной. Массовая информация, распространяемая через СМИ, представляет собой лишь часть массовой информации, являющейся объектом информационных отношений. Регулирование отношений в сфере массовой информации сегодня осуществляется на основе общих методологических подходов, общих принципов информационного права. Информационное право как отрасль, ставящая перед собой задачу регулирования информационных отношений, не может рассматриваться в отрыве от отношений в сфере массовой информации. Предмет информационного права нельзя ограничить рамками, которые предлагает А. Г. Рихтер, оно значительно шире уже в силу действующего информационного законодательства, в частности закона об информации.

М. А. Федотов рассматривает право массовой информации как «комплексную правовую отрасль, опирающуюся на одноименную отрасль законодательства» [13, с. 38; 12, с. 17].

В качестве аргумента он называет тот факт, что нормы, непосредственно связанные с организацией и деятельностью СМИ, закреплены в различных нормативных правовых актах, а также в различных отраслях права. Будучи объединенными общностью предмета регулирования – общественными отношениями, непосредственно связанными с организацией и деятельностью СМИ, эти нормы образуют вторичную юридическую целостность в системе права, являющуюся по своей сущности комплексной, поскольку указанные нормы связаны не методом и механизмом правового регулирования, а только лишь предметом правового регулирования. Наиболее тесно, по мнению М. А. Федотова, право массовой информации связано с информационным правом, предметом которого рассматриваются информационные отношения, связанные со сбором, обработкой, распространением, передачей и многими другими видами операций с информацией [13, с. 39–42]. В то же время М. А. Федотов, отмечая значительную роль информационного права и перспективность обретения им собственного метода правового регулирования и оформления статуса самостоятельной отрасли, указывает, что право массовой информации, являясь самостоятельной комплексной отраслью права, одновременно представляет собой подотрасль информационного права [13, с. 44].

С предложенным подходом также сложно однозначно согласиться. Достаточно проблематичным видится рассмотрение одной и той же правовой общности одновременно в качестве и комплексной отрасли права, и подотрасли совершенно иной отрасли. Выделение права массовой информации и существование его отдельно от информационного права при пересечении предметов данных общностей (функционирование СМИ как раз и осуществляется путем сбора, обработки, распространения, передачи и ряда других операций со специальным видом информации – массовой информацией) представляются нам явным нарушением законов логики и функциональности систем. Фактически мы можем говорить о существовании комплексной отрасли законодательства о СМИ, которое представляет собой совокупность нормативных правовых актов, регулирующих отношения по созданию и функционированию СМИ. Особенности осуществления ряда операций с массовой информацией СМИ предполагают выделение конкретного вида общественных отношений в

рамках информационных. Природа данных отношений не может быть связана с определенной сферой общественных отношений, которая была бы отлична от информационной. В рамках информационной сферы мы говорим об отношениях в сфере создания и функционирования СМИ (право СМИ) как о части, имеющей ряд особенностей с точки зрения функционирования СМИ как формы массовых коммуникаций и существования ряда требований, предъявляемых законодательством к массовой информации, распространяемой СМИ, а также форме распространения этой информации.

В отечественной науке информационного права за последнее десятилетие достаточно распространенным стал подход рассмотрения в качестве отдельных институтов, подотраслей информационного права таких правовых общностей как право массовой информации (право СМИ), правовое регулирование рекламной деятельности (рекламное право). Отдельные авторы в структуру информационного права включают институты рекламного права, права связей с общественностью и права средств массовой информации [10, с. 44].

Так, О. А. Городов выделяет отдельные институты правового регулирования отношений в сфере организации и деятельности СМИ и правового регулирования отношений в сфере рекламной деятельности [3, с. 109–151]. Аналогичного подхода придерживается Г. Л. Акопов [1, с. 87–167]. Н. Н. Ковалева в системе информационного права в разделе «Государственное регулирование информационной сферы» выделяет институт регулирования средств массовой информации [5, с. 51]. Таким образом, в условиях отсутствия детальных исследований системы информационного права, к сожалению, в науке информационного права пока не сформировалась единая система.

Специфика общественных отношений в сфере массовых коммуникаций, развитие их в условиях информационного общества, в котором важно не только урегулировать отношения, связанные с массовой информацией, но и установить ряд требований к форме ее существования и распространения, – все это требует реализации системного подхода и выделения в рамках информационного права самостоятельной подотрасли – права массовых коммуникаций. Полагаем, что сегодня необходимо говорить о праве массовых коммуникаций как о совокупности правовых норм,

регулирующих общественные отношения в сфере массовых коммуникаций.

Системность любой отрасли права означает обязательное наличие совокупности правовых норм и связей между ними, позволяющих взаимодействовать нормам между собой. Правовые нормы, регулирующие отношения в сфере массовых коммуникаций, находятся в рамках информационного права в систематизированном, сгруппированном в определенные правовые институты состоянии. В праве массовых коммуникаций достаточно четко прослеживается деление на институты, включающие в себя правовые нормы, регулирующие отношения, возникающие по поводу конкретных форм массовых коммуникаций. Среди них можно выделить право СМИ, рекламное право, правовое регулирование деятельности в сфере связей с общественностью, правовое регулирование массовых коммуникаций в сети «Интернет».

Анализ современного законодательства в сфере массовой информации, в том числе законодательства о СМИ, о рекламе, а также практика применения данных норм, практика договорного регулирования отношений в сфере массовых коммуникаций, позволяют выделить ряд данных, закономерностей, свидетельствующих о наличии объективных предпосылок к выделению в рамках информационного права особой группы норм – подотрасли «право массовых коммуникаций». Среди них можно выделить следующие:

- выделение данной подотрасли права соответствует общепринятой концепции понимания подотрасли права в теории государства и права и оснований для ее становления;
- в рамках права массовых коммуникаций происходит использование общего понятийного аппарата;
- наличие двух составляющих направлений правового регулирования отношений, складывающихся по поводу всех форм массовых коммуникаций.

Право массовых коммуникаций не может рассматриваться как самостоятельная отрасль права, поскольку ее предмет составляет часть предмета информационного права, однако выделение данной правовой общности как подотрасли информационного права согласуется с общепринятым подходом в понимании природы подотрасли права как правовой категории.

Совокупность институтов правового регулирования отдельных средств массовых коммуникаций как правовых институтов информационного права отличают общая специфика, производность от массовой информации и ее гарантий. Особенности распространения информации посредством массовых коммуникаций, наличие специального регулирования, формирование системы собственных принципов регулирования свидетельствуют о родовой обособленности права массовых коммуникаций в рамках информационного права. Об этом свидетельствует и предмет права массовых коммуникаций.

В рамках права массовых коммуникаций мы наблюдаем общие институты, являющиеся одновременно и принципами, и важнейшими гарантиями. Это институты свободы слова, свободы выражения мнений, свободы массовой информации, характерные для всей сферы общественных отношений в массовых коммуникациях и применяемые при регулировании всех форм массовых коммуникаций. Но, несмотря на однородность общественных отношений в сфере массовых коммуникаций, каждый институт специализирован по целому ряду факторов – субъектному составу, характеру определения массовой аудитории, в отношении которой осуществляется распространение продукции средств массовых коммуникаций, особенностям уровня регулирования, уровню развития регулирования отношений и др. Такая специализация позволяет найти достоинства и недостатки отдельных форм массовых коммуникаций, лучше понять, какие способы, приемы и средства правового регулирования могут быть заимствованы этими институтами для дальнейшего их эффективного функционирования. Все вышесказанное свидетельствует о возможности признания за правом массовых коммуникаций статуса подотрасли информационного права.

Литература

1. Акопов, Г. Л. Информационное право: учебное пособие / Г. Л. Акопов. – Ростов н/Д.: Феникс, 2008. – 348 с.
2. Алексеев, С. С. Структура советского права / С. С. Алексеев. – М.: Юридическая литература, 1975. – 264 с.
3. Городов, О. А. Информационное право: учебник / О. А. Городов. – М.: Велби: Проспект, 2007. – 242 с.

4. Иоффе, О. С. Структурные подразделения системы права (на материалах гражданского права) / О. С. Иоффе // Ученые записки ВНИИСЗ. – М., 1968. – Вып. 14. – С. 32–56.

5. Ковалева, Н. Н. Информационное право России: учебное пособие / Н. Н. Ковалева. – М.: Дашков и К°, 2008. – 359 с.

6. Комаров, С. А. Теория государства и права: учебно-методическое пособие. Краткий учебник для вузов / С. А. Комаров, А. В. Малько. – М.: Норма, 2003. – 448 с.

7. Нерсесянц, В. С. Общая теория права и государства / В. С. Нерсесянц. – М.: Инфра-М, 1999. – 552 с.

8. Рихтер, А. Г. Правовые основы журналистики: учебник / А. Г. Рихтер. – М.: Изд-во ВК, 2009. – 456 с.

9. Рихтер, А. Г. Правовые основы журналистики: учебник / А. Г. Рихтер. – М.: Изд-во Московского ун-та, 2002. – 352 с.

10. Романенко, В. С. Информационное право: некоторые проблемы теории и преподавания / В. С. Романенко // Право и образование. – 2010. – № 7. – С. 43–51.

11. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. – М.: Юрист, 1997. – 672 с.

12. Федотов, М. А. Правовые основы журналистики: учебник для вузов / М. А. Федотов. – М.: ИМПЭ им. А. С. Грибоедова; Гуманит. изд. центр «Владос», 2002. – 432 с.

13. Федотов, М. А. Право массовой информации в Российской Федерации / М. А. Федотов. – М.: Изд-во Международные отношения, 2002. – 624 с.

Минбалеев Алексей Владимирович – доктор юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права, Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск). E-mail: alexmin@bk.ru.

**Bulletin of the South Ural State University
Series "Law"
2013, vol. 13, no. 4, pp. 28–32**

SUB-BRANCH OF LAW AS A LEGAL PHENOMENON (ON THE BASIS OF PUBLIC COMMUNICATIONS LAW)

A. V. Minbaleev
South Ural State University (Chelyabinsk)

The article reveals the notion of sub-branch of law as a legal phenomenon and the element of legal system. The review of understanding of a sub-branch of law is given. The conclusion on the fact, that one can judge of a sub-branch of law when followed criteria, is made. These criteria are the following: sub-branch includes the set of uniform institutions integrated into a sub-branch within a specific sector of law characterized by peculiar features and fungible isolation; among the components of a sub-branch there is a common institution, groups of institutions, general provisions for the institutions of a sub-branch legally stated or general standards association; uniformity of public relations united into a sub-branch, at the same time there should be a diversity of public relations; a sub-branch is characterized by a high level of specialization and differentiation of its legal institutions.

Keywords: a sub-branch of law, legal system, information law, public communications law.

Aleksey Vladimirovich Minbaleev – Doctor of Science (Law), Associate Professor of Constitutional and Administrative Law Department, South Ural State University (Chelyabinsk). E-mail: alexmin@bk.ru.

Статья поступила в редакцию 13 июня 2013 г.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОНЯТИЯ В ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

И. В. Фабрика

Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск)

В статье анализируются вопросы формирования понятия в философии, логике и юридической науке. Рассматриваются свойства и признаки понятия в указанных науках, а также выделяется точка зрения по определению общего понятия в науке. В статье проводится исследование в ретроспективном ракурсе, начиная с идей и воззрений XVIII века, затрагивается советский период. Кроме того, понятие рассматривается как процесс познания объективной действительности в психологическом аспекте. Формирование понятий в юридической науке происходит в зависимости от присущих им свойств, признаков, и таким образом они образуются и классифицируются по общим правилам науки. Кроме того, следует обратить внимание на два основных подхода определения понятия в философии и логике.

Ключевые слова: понятие, философия, логика, юридическая наука.

Различным отраслям науки присущи свои особые средства познания объективной действительности. В то же время среди средств, используемых в процессе познания окружающего мира, можно выделить универсальное средство «понятие», при помощи которого постигается сущность предметов и явлений, обнаруживаются присущие им закономерности.

В «Большой советской энциклопедии» понятие – это отображенное в мышлении единство существенных свойств, связей и отношений предметов или явлений; мысль или система мыслей, выделяющая и обобщающая предметы некоторого класса по определенным общим и в совокупности специфическим для них признакам [1, с. 434]. В «Философском словаре» понятие определяется как результат применения категории к восприятию. Отсюда понятие в его отвлеченности противостоит конкретности восприятия [1, с. 205]. Также понятие противостоит слову, которое можно трактовать как знак понятия.

Под понятием И. Кант понимал любое общее представление, поскольку последнее фиксировано термином. Отсюда и его определение: «Понятие... есть общее представление или представление того, что общее многим объектам, следовательно, – представление, имеющее возможность содержаться в различных объектах» [7, с. 83].

Понятие для Г. Гегеля – «прежде всего синоним действительного понимания существ-

ва дела, а не просто выражение любого общего, любой одинаковости объектов созерцания. В понятии раскрывается подлинная природа вещи, а не ее сходство с другими вещами, и в нем должна поэтому находить свое выражение не только абстрактная общность (это лишь один момент понятия, роднящий его с представлением), а и особенность его объекта. Вот почему формой понятия оказывается диалектическое единство всеобщности и особенности, которое и раскрывается через разнообразные формы суждения и заключения, а в суждении выступает наружу. Неудивительно, что любое суждение ломает форму абстрактного тождества, представляет собою ее самоочевиднейшее отрицание. Его форма – А есть В (то есть не – А)» [5, с. 143]. Всеобщее понятие выражает не простую абстрактную общность, одинаковость единичных представителей данного класса, но «действительный закон возникновения, развития и исчезновения единичных вещей» [5, с. 167].

Ф. Энгельс определил понятие как «сокращения, в которых мы охватываем, сообразно их общим свойствам, множество различных чувственно воспринимаемых вещей» [14, с. 550], а также нечувственных объектов, таких как другие понятия. Понятие не только выделяет общее, но и расчленяет предметы, их свойства и отношения, классифицируя последние в соответствии с их различиями. Так, понятие «человек» отражает и существенно общее (то, что свойственно всем людям), и

отличие любого человека от всего прочего. Ф. Энгельс подчеркивал, что «результаты, в которых обобщаются данные его естествознания опыта, суть понятия...» [14, с. 14]. В. И. Ленин определял понятие как «высший продукт мозга, высший продукт материи» [12, с. 143].

В русских философских словарях XVIII века термин «понятие» сближался с «идеей» [9, с. 231]. Идея – в широком смысле – мысленный прообраз какого-либо предмета, явления, принципа, выделяющий его основные, главные и существенные черты.

В ряде философских концепций понятие – это умопостигаемый и вечный прообраз реальности. Антиох Кантемир, дипломат, деятель раннего русского Просвещения, ввел в оборот русской речи слова «идея» и «понятие» и отождествлял их. Григорий Теплов сближал понятие с идеей в своем основном философском сочинении «Знания, касающиеся вообще до философии, для пользы тех, которые о сей материи чужестранных книг читать не могут» (1751 г.) [17, с. 132].

Таким образом, в понимании понятия в истории философии выражены две противоположные линии – материалистическая, считающая, что понятия объективны по своему содержанию, и идеалистическая, согласно которой понятие есть спонтанно возникающая мысленная сущность, абсолютно независимая от объективной реальности. Например, для Г. Гегеля понятия первичны, а предметы, природа суть лишь бледные копии их [5, с. 109]. Феноменализм рассматривает понятие как последнюю реальность, не относящуюся к объективной действительности [16, с. 23]. Некоторые идеалисты рассматривают понятия как фикции, создаваемые «свободной игрой сил духа» (фикционализм) [16, с. 100]. Неопозитивисты, сводя понятия к вспомогательным логико-языковым средствам, отрицают объективность их содержания [16, с. 18].

В научной литературе советского периода исследования на тему определения понятия встречаются в незначительном количестве. И в основном эти исследования проводились в таких науках, как философия и логика, чуть позже в юридической науке и то в качестве оценочных понятий.

Как отмечает И. Н. Бродский, большинство понятий возникает непосредственно в практической деятельности прежде, чем осознаются те свойства, которые составляют ос-

нову обобщения соответствующих предметов [2, с. 60].

Е. К. Войшвилло определяет понятие как одну из форм мышления. Переход от чувственной ступени познания к абстрактному мышлению характеризуется прежде всего как переход от отражения мира в форме ощущений, восприятий и представлений к отражению его в понятиях и на их основе в суждениях и других логических формах. Само мышление, таким образом, может рассматриваться как процесс оперирования понятиями; именно благодаря понятиям мышление приобретает характер обобщенного отражения действительности [3, с. 173]. В монографии 1989 года «Понятие как форма мышления: логико-гносиологический анализ» понятие определяется как совокупность известных нам основных и производных признаков, мыслимых в понятии предметов, а также знания о том, в каких конкретных формах существуют в действительности эти обобщаемые в понятии предметы [3, с. 99].

Понятие используется не только в правовой науке, но и в праве, которое, отражая закономерности социальной реальности, само может выступать источником информации о той или иной исторической эпохе [8, с. 38]. Понятие в праве Т. В. Кашанина делит на две группы: правовые понятия, отражающие специфические явления правовой действительности, и понятия, пришедшие из других сфер человеческой жизни. Анализируя различные аспекты содержания правовых понятий, она выделяет: а) понятие – носитель познавательной, информационной нагрузки права; б) понятие включается в право, опосредуясь через классово-волевой аспект содержания права, и само является одним из средств его выражения; в) понятие – один из способов, с помощью которого объективируется специально-юридическое содержание права. Данные положения имеют практическое значение. Их применение дает возможность законодателю создавать лаконичные, информационно насыщенные нормативные акты, четко выражающие его волю, удобные для обозрения и понимания, а также располагать нормативный материал экономно, избегая повторений [8, с. 38].

Следует согласиться с мнением Т. В. Кашаниной, считающей, что понятие в праве характеризуется большей стабильностью, чем понятие в правовой науке, поскольку остается

неизменным до тех пор, пока действует закон. Изменения в их содержание может вносить только законодатель. Это очень важное свойство понятий в праве, поскольку от него зависят стабильность и однозначность права в целом. Текучесть, чрезмерная гибкость юридических понятий отрицательно сказываются на применении права, подрывают его престиж, разрушают право как социальное явление [8, с. 38].

По своему происхождению понятие является результатом длительного процесса развития познания, концентрированным выражением исторически достигнутого знания. Образование понятия – сложный диалектический процесс, который осуществляется с помощью таких методов, как сравнение, анализ, синтез, абстрагирование, идеализация, обобщение, эксперимент и др. Понятие – это неообразное, выраженное в слове отражение действительности. Оно обретает свое реальное мыслительно-речевое бытие лишь в развертывании определений, в суждениях, в составе определенной теории.

В понятии выделяется и фиксируется прежде всего общее, которое достигается за счет отвлечения от всех особенностей отдельных предметов данного класса. Но оно не исключает единичное и особенное. На основе общего только и возможно выделение и познание особенного и единичного. Научное понятие является единством общего, особенного и единичного, т.е. конкретно-всеобщим. При этом общее в понятии относится не просто к числу экземпляров данного класса, обладающих общими свойствами, не только к множеству однородных предметов и явлений, а к самой природе содержания понятия, выражающего нечто существенное в предмете.

Различают понятия в широком смысле и научные понятия. Первые формально выделяют общие (сходные) признаки предметов и явлений и закрепляют их в словах. Научные понятия отражают существенные и необходимые признаки, а слова и знаки (формулы), их выражающие, являются научными терминами. В понятии выделяют его содержание и объем. Совокупность предметов, обобщенных в понятии, называется объемом понятия, а совокупность существенных признаков, по которым обобщаются и выделяются предметы в понятии, – его содержанием. Развитие понятия предполагает изменение его объема и содержания.

Одним из существенных признаков понятия является его объем. В научной литературе объем понятия рассматривается через классификацию, так как классификация – это осмысленный порядок вещей, явлений, разделение их на разновидности согласно каким-либо важным признакам [10, с. 163].

Классификация предназначена для постоянного использования в какой-либо науке или области практической деятельности (например, классификация животных и растений). Обычно в качестве основания деления в классификации выбирают признаки, существенные для данных предметов. В этом случае классификация (называемая естественной) выявляет существенные сходства и различия между предметами и имеет познавательное значение. В других случаях, когда цель классификации состоит лишь в систематизации предметов, в качестве основания выбираются признаки, удобные для этой цели, но несущественные для самих предметов (например, алфавитные каталоги). Такие классификации называют искусственными [9, с. 224].

Наряду с логикой и философией в образовании понятия вызывает значительный интерес такая наука, как психология, которая отвечает за процесс образования в человеческом психо-эмоциональном состоянии процесса познания объективной действительности.

Объект, как известно, характеризуется тем, что мы собираемся с ним или по отношению к нему сделать. Он является прежде всего съедобным объектом, сексуальным объектом, объектом, с которым надо поговорить, которому следует дать приказания или о чем-то попросить. Любое понятие об объекте также включает в себе начало адекватного этому объекту действия. Но всякое действие требует выполнения одного существенного условия: необходимо, чтобы объект был в поле досягаемости наших органов чувств и конечностей. Для того чтобы съесть яблоко или писать пером, необходимо, чтобы яблоко оказалось у нас во рту, а перо – в руке. В основе действия, характеризующего объекта, в основе использования объекта или его восприятия лежит дотрагивание до этого объекта, взятие его в руки, вследствие чего каждый объект вызывает тенденцию приближения [16, с. 191]. Таким образом, необходимо прочувствовать и потрогать понятие для того, чтобы его использовать и применять.

Переход от чувственной ступени познания к логическому мышлению характеризуется прежде всего как переход от восприятий, представлений к отражению в форме понятий.

Будучи отражением объективной реальности, понятия столь же пластичны, как и сама действительность, обобщением которой они являются. Они «... должны быть также обтесаны, обломаны, гибки, подвижны, релятивны, взаимосвязаны, едины в противоположностях, дабы обнять мир» [16, с. 131]. Научные понятия не есть нечто законченное и завершенное; напротив, они заключают в себе возможность дальнейшего развития. Основное содержание понятия изменяется лишь на определенных этапах развития науки. Такие изменения понятия являются качественными и связаны с переходом от одного уровня знания к другому, к знанию более глубокой сущности мыслимых в понятии предметов и явлений. Движение действительности можно отразить только в диалектически развивающихся понятиях.

В формальной логике понятие – элементарная единица мыслительной деятельности, обладающая известной целостностью и устойчивостью и взятая в отвлечении от словесного выражения этой деятельности. Понятие – это то, что выражается (или обозначается) любой значащей (самостоятельной) частью речи (кроме местоимений), а если перейти от масштабов языка в целом к «микроуровню», то – членом предложения. Для трактовки проблемы понятия (в ее формальнологическом аспекте) можно воспользоваться готовым арсеналом трех областей современного знания: 1) общей алгебры, 2) логической семантики, 3) математической логики [18, с. 234].

В философии права, по мнению И. П. Малиновой, понятие есть другая форма бытия (идея Аристотеля). Нечто существует не только в своей предметной форме, но и в понятийной, если входит в круг человеческих представлений. И поскольку, как это показал Р. Декарт, логическая причинность совпадает с естественной (*causa = ratio*), постольку исследование логической взаимосвязи понятий, отражающих некоторую область бытия, содержит в себе (воспроизводит) логику развития самой этой области, если, конечно, речь идет не о природных, а о культурных феноменах. Последнее обусловлено прежде всего тем, что понятийная форма бытия социальных явлений представляет собой необходимый момент их развития в реальности [13, с. 13].

Формирование понятий в юридической науке происходит в зависимости от присущих им свойств, признаков, и таким образом они образуются и классифицируются по общим правилам науки. Кроме того, следует обратить внимание на два основных подхода определения понятия в философии и логике. В свою очередь философское понятие относится к внешним свойствам, а логическое – к внутренним. Внешние свойства выявляются непосредственно, внутренние свойства являются ненаблюдаемой непосредственно логической функцией внешних свойств. В процессе познания используются преимущественно внутренние свойства. Использование это состоит в том, что в зависимости от значения свойства выбирается та или иная операция, ведущая к познанию в различных научных областях. И наконец, по нашему мнению, понятие есть форма мышления, отражающая существенные свойства, связи и отношения предметов и явлений в их противоречии и развитии; мысль или система мыслей, обобщающая, выделяющая предметы некоторого класса по определенным общим и в совокупности специфическим для них признакам.

Литература

1. Большая советская энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1969–1978. – Т. 14. – 837 с.
2. Бродский, И. Н. К вопросу о процессе образования понятий / И. Н. Бродский // Ученые записки Ленинградского университета. Серия философских наук. Вопросы логики. – 1957. – Вып. 12. – № 247. – С. 45–60.
3. Войшвилло, Е. К. Понятие как форма мышления: логико-гносеологический анализ: монография / Е. К. Войшвилло. – М.: Изд-во МГУ, 1989. – 240 с.
4. Войшвилло, Е. К. Понятие: монография / Е. К. Войшвилло. – М.: Изд-во МГУ, 1967. – 104 с.
5. Гегель, Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук / Г. В. Ф. Гегель. – М., 1974. – Т. 1. – 452 с.
6. Ильенков, Э. В. Диалектическая логика / Э. В. Ильенков. – М., 1984. – Очерк 5. – 320 с.
7. Кант, И. Логика / И. Кант. – Петербург, 1915. – 147 с.
8. Кашанина, Т. В. Правовые понятия как средство выражения содержания права / Т. В. Кашанина // Советское государство и право. – 1981. – № 1. – С. 36–44.

9. Классификация // *Философский словарь* / под ред. И. Т. Фролова. – М.: Политиздат, 1981. – 445 с.

10. Классификация // *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона* – СПб., 1890–1907. – Т. 82. – 1058 с.

11. *Лекции по истории русской философии (XI–XX вв.)*. – СПб.: Издательско-торговый дом «Летний сад», 2001. – 398 с.

12. Ленин, В. И. *Философские тетради* / В. И. Ленин. – М., 1927. – 332 с.

13. Малинова, И. П. *Классическая философия права: материалы лекций* / И. П. Малинова. – Екатеринбург, 1997. – 64 с.

14. Маркс, К. *Полное собрание сочинений* / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 20. – 745 с.

Психология эмоций / под ред. В. К. Вилюнаса, Ю. Б. Гиппенрейтер. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 288 с.

15. *Российские универсальные энциклопедии Брокгауз-Ефрон и Большая Советская Энциклопедия: объединенный словник*. URL: <http://www.gatchina3000.ru/great-soviet-encyclopedia/index.htm>.

16. Теплов, Г. Н. *Объявления слов, которые в философской материи по необходимости приняты / Знания, касающиеся вообще до философии для пользы тех, которые о сей материи чужестранных книг читать не могут* / Г. Н. Теплов. – СПб., 1751. – Кн. 1. – 301 с.

17. *Философский словарь*. – СПб., 1911. – 672 с.

Фабрика Ирина Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства, Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск). E-mail: fabrika2000@mail.ru.

Bulletin of the South Ural State University
Series "Law"
2013, vol. 13, no. 4, pp. 33–37

SOME PROBLEMS OF CONCEPT FORMATION IN LAW

I. V. Fabrika
South Ural State University (Chelyabinsk)

The article analyzes problems of formation of concepts in philosophy, logic and law. Characteristics and features of the concept in the sciences given are considered, viewpoint on definition a general concept in science is given. The article shows the research in retrospective beginning with the ideas and views of the XVIII century and the Soviet period. Moreover, the concept is seen to be a process of cognition of objective reality in a psychological aspect. Concept formation in law depends on features and characteristics and thus they are formed and grouped in terms of general rules of science. Special attention is paid to two basic approaches of concept formation in philosophy and logic.

Keywords: concept, philosophy, logic, law.

Irina Vladimirovna Fabrika – Candidate of Science (Law), Associate Professor of Theory and History of State and Law Department, South Ural State University (Chelyabinsk). E-mail: fabrika2000@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 10 сентября 2013 г.

Проблемы и вопросы уголовного права, уголовного процесса и криминалистики

УДК 343.2.01
ББК Х408.0

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ НОРМА: ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ

Д. А. Гарбатович

Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск)

Статья посвящена анализу понятия и признаков уголовно-правовой нормы. Отмечаются неточности, некорректности отдельных определений уголовно-правовой нормы, оспариваются следующие устоявшиеся признаки уголовно-правовой нормы: 1) уголовно-правовая норма является общеобязательным правилом поведения и государственным предписанием; 2) норма уголовного права предусмотрена только уголовным законом, является единственным источником уголовного права, и только уголовный закон определяет преступность и наказуемость совершаемых деяний; 3) уголовно-правовая норма предусматривает права и обязанности исключительно в связи с совершением преступления; 4) все уголовно-правовые нормы обеспечены государственным принуждением посредством возможности назначения уголовного наказания.

Ключевые слова: уголовно-правовая норма, признаки норм права.

Уголовно-правовая норма является первичным элементом, совокупность которых составляет отдельный правовой институт, Уголовный кодекс в целом. Сложно переоценить значение уголовно-правовой нормы как для уголовного права, так и для уголовного закона. Казалось бы, столь значимое понятие для уголовного закона должно быть давно уже разработано и быть воспринято как истина без каких-либо дискуссий и сомнений. Но по настоящее время единое понятие уголовно-правовой нормы еще не сформировалось, не утвердилось, а предлагаемые понятия либо не позволяют отделить норму уголовного права от иных правовых норм, носят неточный характер, либо достаточно дискуссионны, когда уголовно-правовой норме приписывают признаки без учета особенностей отрасли уголовного права или не свойственные иным уголовно-правовым нормам.

Например, И. А. Тарханов, классифицируя нормы Общей части УК РФ на управомочивающие, обязывающие и поощрительные, под правовой нормой понимает определенное правило поведения, которое установлено и охраняется государством [16, с. 109–110].

Сложно признать представленное понятие удачным относительно уголовно-пра-

вовой нормы. Во-первых, данное понятие не отражает всех необходимых признаков, которые характерны вообще для правовой нормы. Во-вторых, рассматриваемое определение правовой нормы является слишком общим, подходящим для всех отраслей права, поэтому оно не позволяет выявить особенности уголовно-правовой нормы, разграничить уголовно-правовую норму от норм иных отраслей права.

Любое определение состоит из совокупности характерных его признаков, которые в своем единстве составляют конкретное понятие. Рассмотрим признаки уголовно-правовой нормы для уточнения ее определения.

1. Уголовно-правовая норма – это общеобязательное правило поведения.

В доктрине уголовного права до конца не решен вопрос относительно того, является ли уголовно-правовая норма правилом поведения или установленным предписанием, совпадают ли между собой по значению такие термины, как «правило поведения» и «предписание», или они имеют свое самостоятельное значение?

Норма советского уголовного права определялась как установленное государством правило поведения, соблюдение которого

обеспечивается авторитетом государственного требования и угрозой уголовной ответственности и наказания. Уголовно-правовые нормы содержат запреты и веления, предписывают определенное правило поведения людей [7, с. 36].

А. В. Наумов уголовно-правовые нормы определяет как уголовно-правовые предписания, содержащиеся в уголовном законе [9, с. 61].

В. Д. Филимонов разъяснял, что «реализация запретов при совершении преступлений находит выражение в использовании предписаний, регулирующих индивидуализацию уголовной ответственности и наказания, реализация стимулирования осуществляется на основе предписаний, регулирующих освобождение от уголовной ответственности и наказания и др. Дозволения реализуются с помощью предписаний, регламентирующих обстоятельства, исключающие преступность деяний» [17, с. 58].

О. Ф. Шишов настаивает на том, что нормы уголовного права содержат в себе только предписания и запреты и не относятся к категории представительно-обязывающих норм. Одновременно он делает оговорку: как исключение, к нормам-предписаниям не относятся только институт обстоятельств, исключающих преступность деяния (гл. 8 УК РФ) [10, с. 7].

Анализируя норму, регламентирующую освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ст. 75 УК РФ), сложно говорить о том, что данная норма характеризуется велением или предписанием. Во-первых, уголовный закон только предоставляет виновному лицу право, возможность деятельно раскаяться, не возлагая на него обязанность явиться с повинной, способствовать раскрытию и расследованию преступления, возместить причиненный ущерб, иным образом загладить вред, причиненный в результате преступления. Во-вторых, даже при совершении перечисленных действий закон не предписывает правоприменителю освободить лицо, совершившее преступление, а только предоставляет ему указанное полномочие (ч. 1 ст. 75 УК РФ).

В случае с деятельным раскаянием предписание имеет место быть частично, и касается оно исключительно правоприменителя. Во-первых, если лицу, деятельно раскаявшемуся, предоставлено только право быть освобо-

жденным от уголовной ответственности (ч. 1 ст. 75 УК РФ), то на правоприменителя, в данном случае на судью, возлагается обязанность учесть деятельное раскаяние как смягчающее обстоятельство при назначении наказания (ч. 3 ст. 60, п. «к», ч. 1 ст. 61, ст. 62 УК РФ). Во-вторых, если лицо деятельно раскаялось, совершило положительные посткриминальные деяния, предусмотренные в примечаниях к статьям Особенной части УК РФ (например, добровольно освободило похищенного (ст. 126 УК РФ), добровольно сдало оружие (ст. 222 УК РФ), добровольно сдало наркотические средства и психотропные вещества (ст. 228 УК РФ)), уголовный закон предписывает правоприменителю освободить лицо от уголовной ответственности.

Тем не менее мы считаем некорректным определять уголовно-правовую норму как предписание. Уголовно-правовая норма является общеобязательным правилом поведения, она характеризуется представительно-обязывающим признаком. Норма в случае с деятельным раскаянием (ст. 75 УК РФ), примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ) предоставляет одновременно лицам, совершившим преступные деяния, возможность, право совершить положительные посткриминальные деяния, не обязывает, не предписывает им совершить указанные деяния, а правоприменителя, наоборот, обязывает, предписывает ему учесть данные уголовно-правовые деяния надлежащим образом.

Используемые в теории уголовного права термины «правило поведения» и «предписание» не являются синонимами. Правило поведения включает в себя предписание, как и иные формы уголовно-правового регулирования (запреты, стимулирование, дозволение), а не ограничивается только им. Поэтому, на наш взгляд, уголовно-правовую норму точнее называть общеобязательным правилом поведения, а не предписанием.

2. Уголовно-правовая норма предусмотрена уголовным законом и является единственным источником уголовного права.

Например, В. Д. Филимонов утверждает, что только норма уголовного права осуществляет охрану общественных отношений, во-первых, путем установления, какие опасные для личности, общества и государства деяния признаются преступлениями, во-вторых, путем определения наказания и иных мер уголовно-правового характера за их совершение

и, в-третьих, путем установления пределов предусмотренной за преступное поведение уголовной ответственности [18, с. 14].

А. В. Наумов разъясняет, что «многие уголовно-правовые нормы включают в себя нормы самых различных отраслей. Более того, анализ действующего уголовного законодательства позволяет утверждать, что вообще нет такой отрасли права, нормы которой не входили бы органически в уголовно-правовые. Так, в содержание бланкетных диспозиций уголовного закона входят нормы и конституционного (например, ст. 136 УК РФ), и административного (например, ст. 264 УК РФ), и гражданского (например, ст. 146 УК РФ), и других отраслей российского права. В этих случаях условия уголовной ответственности за совершение соответствующих общественно опасных деяний предусмотрены не только нормами уголовного права, но и нормами других отраслей. И это не противоречит самостоятельности уголовно-правового запрета, так как нормы других отраслей права, помещенные в оболочку уголовного закона, превращаются в «клеточку» уголовно-правовой нормы, образуя вместе с последними уголовно-правовую материю» [5, с. 4–5].

Тем не менее на сегодняшний день аксиоматичное и хрестоматийное положение о том, что Уголовный кодекс является единственным источником уголовного права Российской Федерации, ставится под большое сомнение [3, с. 77; 4, с. 19–31; 8, с. 155].

Например, ст. 7 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35 «О противодействии терроризму» устанавливает следующее правило. «Если воздушное судно не подчиняется требованиям о посадке и существует реальная опасность гибели людей либо наступления экологической катастрофы, оружие и боевая техника применяются для пресечения указанного воздушного судна». Статья 8 указанного закона предусматривает при наличии подобных условий пресечение движения плавательного средства путем его уничтожения. Возникает коллизия с нормами УК РФ: во-первых, данные нормы попирают традиционные, в том числе воплощенные в уголовно-правовом институте крайней необходимости, представления об абсолютной ценности человеческой жизни, исключающей допустимость принятия человеком решения о том, кому остаться жить, а кому погибнуть; по мнению отдельных ученых, правило об уничтожении воздушного судна или плавательного средства

есть правило совершения убийства, а соответствующие правовые нормы являются преступными [19, с. 38]; во-вторых, анализируемые положения закона «О противодействии терроризму», по сути, как и нормы УК РФ, определяют пределы преступности и наказуемости совершаемых действий, разрешая причинение смерти при определенных условиях.

Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» разъясняет, что сотрудники правоохранительных органов, военнослужащие и иные лица, которым законодательством разрешено применение оружия, специальных средств, боевой и специальной техники или физической силы для исполнения возложенных на них федеральными законами обязанностей, не подлежат уголовной ответственности за причиненный вред, если они действовали в соответствии с требованиями законов, уставов, положений и иных нормативных правовых актов, предусматривающих основания и порядок применения оружия, специальных средств, боевой и специальной техники или физической силы [6, п. 28].

Вместе с тем анализ порядка и оснований применения сотрудниками правоохранительных органов, военнослужащими и иными лицами огнестрельного оружия, специальных средств, боевой и специальной техники или физической силы, предусмотренных нормативно-правовыми актами, приводит к тому заключению, что этими актами установлены условия, при соблюдении которых обладающее соответствующими полномочиями лицо, применяя физическую силу, оружие и т.д., действует в состоянии необходимой обороны, крайней необходимости и при других обстоятельствах, априорно исключающих оценку его действий как преступных. Хотя предполагается, что только УК РФ устанавливает основания и принципы уголовной ответственности, определяет, какие опасные для личности, общества и государства деяния признаются преступлениями, и устанавливает виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера за совершение преступлений (ч. 2 ст. 2 УК РФ) [2, с. 12–16].

Сам Уголовный кодекс РФ допускает, что преступность и наказуемость может устанавливаться иным законодательством. Например, в соответствии с ч. 3 ст. 331 УК РФ уголовная

ответственность за преступления против военной службы, совершенные в военное время либо в боевой обстановке, определяется законодательством Российской Федерации военного времени.

Не будем вдаваться в анализ проведенных в качестве примера исследований, так как это не является предметом нашего изучения. Заметим лишь одно: нельзя теперь однозначно утверждать, что только уголовно-правовые нормы являются источником уголовного права.

3. Уголовно-правовая норма предоставляет участникам уголовно-правовых отношений субъективные права и юридические обязанности.

Есть мнение, что нормы уголовного законодательства определяют права и обязанности стороны общественного отношения, возникающего вследствие совершения какого-либо преступления [14, с. 32]. Согласимся с данным мнением, но только отчасти. Указанное положение верно в тех случаях, когда действительно были совершены преступления. В то же время отдельные уголовно-правовые нормы предоставляют участникам общественных отношений права и обязанности не всегда вследствие совершенных преступных деяний. Например, право на необходимую оборону и обязанность адекватной защиты возникают не только при пресечении преступных посягательств, но и при защите от иных неправомерных общественно опасных деяний, к которым можно отнести нападения малолетних или невменяемых. В данном случае уголовно-правовая норма, закрепленная в ст. 37 УК РФ, предоставляет защищаемому и нападающему некоторый объем прав и обязанностей, возникший не вследствие совершения преступления.

В своих работах В. Д. Филимонов выделяет разные виды уголовно-правовых норм, признает, что не все нормы предусматривают именно конкретные составы преступления, но придает нормам, закрепляющим составы преступлений, решающее значение для уголовного права [18], соответственно, возможно именно поэтому непосредственно связывает уголовно-правовую норму с совершением преступления. Полагаем, что понятие уголовно-правовой нормы должно охватывать все нормы Уголовного кодекса РФ, а не только его часть, и не независимо от их количества.

4. Уголовно-правовая норма обеспечивается государственным авторитетом и возможностью применения государственного принуждения посредством уголовного наказания и иных мер уголовно-правового характера.

Так, З. А. Незнамова под уголовно-правовой нормой понимает правило поведения, предоставляющее участникам уголовно-правовых общественных отношений юридические права и возлагающее на них юридические обязанности. Нарушение или несоблюдение этих норм влечет за собой применение мер государственного принуждения в виде уголовного наказания [15, с. 30]. Л. В. Иногорова-Хегай также считает, что уголовно-правовая норма, как и любая норма, содержит правило поведения, она запрещает членам общества совершать преступления под страхом наказания [11, с. 26].

Спорным представляется положение о том, что нарушение или несоблюдение уголовно-правовых норм влечет за собой следствие в виде уголовного наказания. Дело в том, что не все нормы УК РФ предполагают обязанность воздержаться от совершения предусмотренных действий под страхом уголовного наказания, подобное утверждение касается только норм Особенной части УК РФ, которые предусматривают конкретные составы преступления. Действительно, совершение деяния, предусмотренного нормой Особенной части УК РФ, т.е. несоблюдение установленного уголовным законом запрета, влечет государственное принуждение в виде уголовного наказания.

Ситуация заключается в том, что не все уголовно-правовые нормы содержат запрет под страхом уголовного наказания не совершать предусмотренные им деяния. В УК РФ, помимо преступных деяний, предусмотрены еще и иные отрицательные уголовно-правовые деяния, влекущие негативные уголовно-правовые последствия, но не в виде уголовного наказания [1, 12, 13]. Например, речь может идти об отрицательном поведении осужденного, злостно уклоняющегося от отбывания назначенного ему судом уголовного наказания (например, ч. 5 ст. 46, ч. 3 ст. 49, ч. 4 ст. 50, ч. 5 ст. 53 УК РФ). Злостное уклонение осужденного от отбывания назначенного ему наказания не влечет государственного принуждения в виде

уголовного наказания, в этом случае происходит замена наказания более тяжким.

Несоблюдение уголовно-правовых запретов и уголовно-правовых предписаний может касаться неисполнения условно осужденным или условно-досрочно освобожденным возложенных на них обязанностей. В этом случае также государственное принуждение не будет выражаться в назначении уголовного наказания, речь может вестись о продлении испытательного срока, об отмене условного или условно-досрочного освобождения, последствием чего будет реальное отбывание уголовного наказания, но не его назначение (например, ч. 2, 3 ст. 74, ч. 7 ст. 79 УК РФ).

Полагаем, не следует однозначно считать, что все уголовно-правовые нормы обеспечены возможностью государственного принуждения посредством назначения уголовного наказания.

Как было уже сказано, помимо норм, обязывающих, есть уголовно-правовые нормы, которые предоставляют права, дозволяют и поощряют совершение определенных уголовно-правовых деяний. Уголовно-правовые нормы не принуждают защищаться от общественно опасного посягательства, задерживать лиц, совершивших преступление, явиться с повинной, способствовать раскрытию и расследованию преступлений, возместить причиненный преступным деянием ущерб, примириться с потерпевшим.

Следовательно, если обеспеченность возможностью государственного принуждения посредством назначения наказания свойственна лишь части уголовно-правовым нормам, подобная характеристика не может быть признаком всех уголовно-правовых норм.

Соответственно определять уголовно-правовую норму как правило поведения, запрещающее членам общества совершать преступления под страхом уголовного наказания, означает не охватить данным понятием иные уголовно-правовые нормы, которые в своем содержании не описывают конкретных составов преступлений.

А. Е. Якубов правильно отмечает, что нормы уголовного права, устанавливая определенные правила поведения, не только охраняют общественные отношения, но и регулируют их. Так, большинство норм Общей части УК РФ имеет позитивный (регулятивный характер), так как их применение само по себе не сопряжено с конкретным преступлением, к тому же в Общей части УК РФ есть нормы

правоприменительного характера, включающие в себя принуждение, которые также не связаны с конкретным преступным деянием [16, с. 113–114].

Литература

1. Гарбатович, Д. А. *Квалификация уголовно-правовых деяний по субъективной стороне* / Д. А. Гарбатович: монография. – М.: Юрлитинформ, 2009. – 192 с.
2. Гарбатович, Д. А. *Право на необходимую оборону в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ* / Д. А. Гарбатович // *Уголовное право*. – 2013. – № 1. – С. 12–16.
3. Коняхин, В. П. *Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права* / В. П. Коняхин. – СПб., 2002. – 162 с.
4. Кругликов, Л. Л. *Юридические конструкции и символы в уголовном праве* / Л. Л. Кругликов, О. Е. Спиридонова. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. – 336 с.
5. Наумов, А. В. *Российское уголовное право. Курс лекций: в 3 т. Т. 1. Общая часть* / А. В. Наумов. – М.: Волтерс Клувер, 2008. – 736 с.
6. *Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»* // *Российская газета*. – 2012. – 3 окт.
7. Прохоров, В. С. *Механизм уголовно-правового регулирования: нормы, правоотношение, ответственность* / В. С. Прохоров, Н. М. Кропачев, А. Н. Тарбагаев. – Красноярск: Издательство Красноярского университета, 1989. – 205 с.
8. Пудовочкин, Ю. Е. *Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ России и стран Содружества Независимых Государств* / Ю. Е. Пудовочкин, С. С. Пирвагидов. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. – 207 с.
9. *Российское уголовное право. Общая часть: учебник*. – М.: Издательство «Спарк», 1997. – 454 с.
10. *Российское уголовное право: в 2 т. Общая часть* / под ред. проф. А. И. Рарога. – М.: Профобразование, 2001. – Т. 1. – 872 с.
11. *Российское уголовное право: в 2 т. Особенная часть: учебник* / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, В. С. Комиссарова,

А. И. Рарога. – М.: Проспект, 2011. – Т. 1. – 528 с.

12. Сабитов, Р. А. Уголовно-правовое регулирование посткриминального поведения: моногр / Р. А. Сабитов. – Челябинск: ЧЮИ МВД России, 2011. – 388 с.

13. Сабитов, Р. А. Теория уголовно-правового регулирования поведения лица после совершения им преступления и вынесения ему приговора: монография / Р. А. Сабитов. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 368 с.

14. Смирнов, В. Г. Функции советского уголовного права / В. Г. Смирнов. – Л., 1965. – 144 с.

15. Уголовное право. Общая часть: учебник / отв. ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова. – М.: Издательская группа НОРМА–

ИНФРА-М, 1998. – 516 с.

16. Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. Ф. Р. Сундукова, И. А. Тарханова. – М.: Статут, 2009. – 751 с.

17. Филимонов, В. Д. Охранительная-функция уголовного права / В. Д. Филимонов. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. – 198 с.

18. Филимонов, В. Д. Норма уголовного права / В. Д. Филимонов. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. – 281 с.

19. Шестаков, Д. А. Введение в криминологию закона / Д. А. Шестаков. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2011. – 75 с.

Гарбатович Денис Александрович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права, Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск). E-mail: garbatovich@mail.ru.

**Bulletin of the South Ural State University
Series "Law"**

2013, vol. 13, no. 4, pp. 38–43

CRIMINAL LEGAL STATUTES: CONCEPT AND FEATURES

D. A. Garbatovich
South Ural State University (Chelyabinsk)

The article deals with the analysis of the concept and features of a criminal legal statute. Inaccuracy and incorrectness of several notions of criminal legal statute are marked in the article; the following conventional features of criminal legal statute are litigated: 1) criminal legal statute is an obligatory rule of behaviour and official order; 2) the provision of criminal law is prescribed by the criminal law and is the only source of criminal law, and criminal law determines crime type and penalties for the actions; 3) criminal legal statute identifies rights and obligations due to crimes committed; 4) criminal legal statutes are assured by the state coercion by means of possibility to impose criminal penalty.

Keywords: criminal legal provision, features of legal statutes.

Denis Aleksandrovich Garbatovich – Candidate of Science (Law), Associate Professor of Criminal Law, Criminology and Criminal Penal Law Department, South Ural State University (Chelyabinsk). E-mail: garbatovich@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 4 сентября 2013 г.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННОЕ ПРОИЗВОДСТВО АБОРТА

М. А. Горбатова

Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск)

Статья посвящена вопросам квалификации незаконного производства аборта. Проблемы привлечения к уголовной ответственности за совершение данного преступления, по мнению автора, связаны с несогласованностью норм уголовного законодательства и законодательства в сфере охраны здоровья граждан. В статье проводится анализ требований, предъявляемых к операции, на основании чего определяются признаки незаконного проведения искусственного прерывания беременности. Анализируя признаки состава преступного производства аборта и судебную практику по делам данной категории, автор приходит к выводу о том, что в целях надлежащей уголовно-правовой охраны репродуктивного здоровья женщин необходимо внести изменения в диспозицию ст. 123 УК РФ, касающиеся, во-первых, используемой медицинской терминологии, а во-вторых, расширения круга субъектов рассматриваемого преступления.

Ключевые слова: незаконное производство аборта, преступное прерывание беременности.

Согласно Федеральному закону «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» каждая женщина самостоятельно решает вопрос о материнстве [1, ч. 1 ст. 56]. Однако к производству этой операции предъявляются довольно жесткие требования, обеспечивающие ее максимально возможную безопасность.

В соответствии с данным законом незаконное проведение искусственного прерывания беременности влечет за собой уголовную ответственность, установленную законодательством РФ [1, ч. 8 ст. 56]. Предполагается, что данной норме корреспондирует ст. 123 УК РФ «Незаконное производство аборта».

Однако сразу заметна несогласованность названных норм – уголовное законодательство оперирует понятием «производство аборта», в то время как законодательство в сфере охраны здоровья граждан говорит об искусственном прерывании беременности.

Дело в том, что в медицине аборт признается самопроизвольное или искусственное прерывание беременности на сроке менее 22 недель. Если беременность прекращается позже, до 37 недель включительно, то речь идет о преждевременных родах. Поэтому применение термина «аборт» ко всем случаям искусственного прерывания беременности независимо от ее срока является неоправданным.

Что касается юридического понятия аборта, то исходя из смысла уголовно-правовой нормы, оно, с одной стороны, уже медицинского, так как не охватывает собой самопроизвольное прерывание беременности, а с другой – шире, так как распространяется на весь срок беременности.

В связи с этим полагаем, что в уголовном законе должна быть установлена уголовная ответственность за незаконное прерывание беременности. Тем более, что судебная практика, пытаясь самостоятельно устранить имеющееся противоречие, вынуждена использовать понятие «аборт» применительно к незаконному прерыванию беременности на любом сроке. Так, Бикинский городской суд Хабаровского края признал М. виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 123 УК РФ, так как «ее действия повлекли прерывание беременности (аборт) у потерпевшей на сроке 24 недели с развитием выкидыша и внутриутробной гибелью плода».

В отличие от названия ст. 123 УК РФ, в ее диспозиции законодатель не требует, чтобы прерывание беременности было незаконным: уголовная ответственность установлена лишь за производство аборта лицом, не имеющим высшего медицинского образования соответствующего профиля.

Требования к проведению искусственного прерывания беременности сформулированы в

ранее названном Федеральном законе [1, ст. 56], в Постановлении Правительства РФ «О социальном показании для искусственного прерывания беременности» [2], в Приказе Минздравсоцразвития РФ «Об утверждении перечня медицинских показаний для искусственного прерывания беременности» [3], в Инструкции о порядке проведения операции искусственного прерывания беременности и Инструкции о порядке разрешения искусственного прерывания беременности в поздние сроки по социальным показаниям [4].

В соответствии с ч. 1, 2 ст. 56 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (далее ФЗ № 323) искусственное прерывание беременности проводится по желанию женщины при наличии информированного добровольного согласия при сроке беременности до 12 недель.

При наличии социальных показаний, которые определяются Правительством РФ, беременность может быть прервана на более поздних сроках – до 22 недель. До августа 2003 года социальных показаний было 13, в феврале 2012 года их число сократили до четырех: наличие у женщины решения суда о лишении или об ограничении ее родительских прав, беременность в результате изнасилования, пребывание женщины в местах лишения свободы, наличие инвалидности I–II группы у мужа или смерть мужа во время беременности. В настоящее время единственным социальным показанием является беременность в результате изнасилования [2].

Вопрос о прерывании беременности в этом случае решается в учреждениях, получивших лицензию на медицинскую деятельность, комиссией в составе руководителя учреждения, врача акушера-гинеколога, юриста, специалиста по социальной работе (при его наличии). Комиссия рассматривает письменное заявление женщины, заключение врача акушера-гинеколога о сроке беременности, документы, подтверждающие наличие социальных показаний для искусственного прерывания беременности [4].

Каким же документом может быть подтвержден факт наступления беременности в результате изнасилования, с позиции уголовного права не совсем понятно.

Если это заключения судебно-медицинской экспертизы по поводу установления признаков совершения полового акта и по поводу установления наличия и срока беременности,

то для принятия решения о прерывании беременности вполне достаточно общего срока, на котором разрешается прерывать беременность всем женщинам, – 12 недель. Но в этом случае факт совершения изнасилования в отношении женщины остается недоказанным, точно так же, как и факт наступления данной беременности в результате изнасилования.

Если же таким документом признавать обвинительный приговор суда, то тогда вряд ли будет достаточно и установленного срока в 22 недели, так как между совершением изнасилования (наступлением беременности) и вступлением приговора в законную силу может пройти полгода. А если женщина решила не обращаться в полицию, или преступление осталось нераскрытым, шансов законно прервать беременность на поздних сроках у нее не остается.

В связи с этим возникает ряд вопросов. Почему был сокращен перечень социальных показаний для прерывания беременности на поздних сроках, и в нем осталось только наступление беременности в результате изнасилования? Почему столько внимания уделяется именно социальным показаниям? Ведь по данным статистики доля аборт по этим показаниям в общем числе зарегистрированных аборт очень мала: от 0,9 % в 1992 году до 0,05 % в 2010 году [8].

По мнению Минздравсоцразвития РФ, сохранение расширенного перечня социальных показаний к прерыванию беременности «способствует формированию у населения мнения о доступности аборт на сроке свыше 12 недель». Согласно пояснительной записке аборт по социальным показаниям выполняются в поздние сроки беременности, что сопровождается значительным числом осложнений. В связи с этим прерывание беременности на таких сроках необходимо проводить только по медицинским показаниям, когда беременность представляет угрозу для жизни женщины и когда произошло изнасилование.

В то же время представители Русской Православной Церкви не скрывают, что такое решение было принято Правительством РФ после достижения договоренности между РПЦ и Минздравсоцразвития РФ как о сокращении перечня социальных показаний для прерывания беременности, так и по другим положениям, нашедшим отражение в ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» (например, введение обязательного времени

ожидания перед операцией по прерыванию беременности и установление права врача в уведомительном порядке отказаться от проведения данной операции) [6].

Поэтому, думается, что не исключен политический мотив в принятии решений по вопросам правового регулирования прерывания беременности, отражающий готовность государства идти на уступки РПЦ. И есть опасения, что на этом ограничения женщин в праве на прерывание беременности не закончатся. Вместе с тем снизить количество незаконных абортс подобными мерами вряд ли удастся, и подтверждений тому предостаточно, как в опыте зарубежных стран, так и в истории нашего государства. Чем больше ограничена женщина в вопросах принятия решений о прерывании беременности, тем выше уровень криминальных абортс и детоубийств.

Согласно ч. 4, 6 ст. 56 ФЗ № 323 беременность может быть прервана на любом ее сроке при наличии медицинских показаний. Перечень медицинских показаний для искусственного прерывания беременности утверждается Приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации [3]. Перечень предусматривает не только наименование заболевания, а также его форму, стадию, степень и фазу, но и в некоторых случаях – порядок принятия решения о прерывании беременности.

В соответствии с Инструкцией о порядке проведения операции для получения направления на операцию женщина обращается к врачу акушеру-гинекологу, который производит обследование для определения срока беременности и исключения медицинских противопоказаний к операции [4]. При отсутствии медицинских противопоказаний женщине выдается направление в лечебно-профилактическое учреждение.

Согласно срокам, впервые установленным в ФЗ № 323, операция должна быть проведена:

1) не ранее 48 часов с момента обращения женщины в медицинскую организацию для искусственного прерывания беременности:

- а) при сроке беременности 4–7 недель;
- б) при сроке беременности 11–12 недель, но не позднее окончания 12 недели беременности;

2) не ранее 7 дней с момента обращения женщины при сроке беременности 8–10 недель.

Очевидная цель данного нововведения – дать женщине возможность еще раз подумать о необходимости абортс и, возможно, сохранить беременность. Вместе с тем, как считают медики, чем позднее делается абортс, тем больше осложнений для здоровья пациентки. А на раннем сроке счет вообще идет на дни – когда еще можно обойтись без операции, с помощью медикаментов [7].

Искусственное прерывание беременности разрешается проводить в амбулаторно-поликлинических учреждениях в ранние сроки беременности, а также при сроке беременности до 12 недель – но только в условиях дневных стационаров, организованных на базе лечебно-профилактических учреждений, имеющих условия для оказания квалифицированной медицинской помощи, в том числе экстренной хирургической, реанимационной и интенсивной.

В стационаре, имеющем условия для оказания квалифицированной медицинской помощи, искусственное прерывание беременности производится на сроке до 12 недель у женщин с отягощенным акушерским анамнезом и гинекологической патологией, при наличии аллергических заболеваний, а также на поздних сроках беременности.

Таким образом, искусственное прерывание беременности будет законным, если оно проведено в соответствии со всеми предъявляемыми требованиями. Отсюда прерывание беременности следует признать незаконным в том случае, если оно совершено:

- 1) с нарушением порядка разрешения операции;
- 2) с нарушением порядка проведения операции (в ненадлежащих условиях, ненадлежащим субъектом и т.д.);
- 3) с нарушением установленных сроков;
- 4) при наличии медицинских противопоказаний к операции;
- 5) без информированного согласия беременной женщины;
- 6) с нарушением иных правил, предусмотренных ФЗ № 323 и соответствующими подзаконными нормативными актами.

При этом не любое незаконное прерывание беременности является преступным и влечет уголовную ответственность. Как следует из диспозиции ч. 1 ст. 123 УК РФ, законодатель признает преступлением лишь производство абортс лицом, не имеющим высшего медицинского образования соответствующего профиля. Следует отметить, что пре-

ступным признается и прерывание беременности без согласия потерпевшей, однако оно должно квалифицироваться по ст. 111 УК РФ как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью.

По смыслу закона, если субъект обладает признаками, указанными в диспозиции ст. 123 УК РФ, то для привлечения его к уголовной ответственности неважно, выполнял ли он требования нормативных актов. Поэтому суду не обязательно устанавливать, какие еще требования к производству данной операции были нарушены виновным. Тем не менее чаще всего в приговорах, помимо указания на признаки ненадлежащего субъекта, суды ссылаются на конкретные требования нормативных актов, которые были нарушены виновным при производстве аборта.

Из уголовного закона следует, что виновными в данном преступлении могут быть любые лица, не имеющие высшего медицинского образования и сертификата акушера-гинеколога: врачи иных специальностей, фельдшеры, медсестры и другие медицинские работники, а также лица, которые вообще не имеют никакого отношения к медицине.

Таким образом, потенциальную опасность действий по производству аборта для здоровья или жизни беременной женщины законодатель связывает лишь с нарушением требования проводить прерывание беременности только врачами, имеющими специальную подготовку. Однако любое прерывание беременности может привести к нежелательным последствиям, а уж тем более производство незаконного аборта, хотя и осуществленного надлежащим субъектом.

К тяжким последствиям часто приводит незаконное прерывание беременности на поздних сроках, когда у потерпевшей развивается угрожающее жизни состояние, а спасти ее не удастся ввиду отсутствия условий для оказания квалифицированной медицинской помощи, в том числе экстренной хирургической, реанимационной и интенсивной. И в судебной практике встречаются примеры совершения подобных действий специалистами хотя и с соответствующей профессиональной подготовкой, но в нарушение иных требований к проведению искусственного прерывания беременности.

Так, акушер-гинеколог К. в помещении частного медицинского учреждения ООО «И.» провела операцию по искусственному

прерыванию беременности потерпевшей Р., когда срок беременности составлял уже 16–16,5 недель. После операции у Р. открылось кровотечение, которое своими силами остановить не удалось. Только через шесть часов продолжающегося кровотечения К. дала указание о вызове врачей скорой медицинской помощи. Когда Р. везли в больницу им. Боткина, К., осознавая незаконность прерывания беременности на сроке свыше 12 недель без медицинских и социальных показаний, просила мужа потерпевшей сказать врачам скорой помощи о том, что срок беременности у его жены составляет 10–11 недель. При доставлении потерпевшей в ГКБ им. Боткина у нее уже имелись необратимые изменения в органах, отказали почки, она находилась в состоянии рефрактерного шока, которое было вызвано острой массивной кровопотерей. После принятых реанимационных мероприятий спасти жизнь Р. не удалось. Таким образом, прерывание беременности Р. на сроке беременности более 16 недель было проведено врачом К. в нарушение действующего законодательства, обследование перед проведением операции было неполное и не соответствовало общепринятым стандартам при производстве подобных операций в плановом порядке. Непосредственной причиной смерти Р. явилась острая кровопотеря вследствие гипотонического маточного кровотечения. Между прерыванием беременности врачом К. и смертью Р. имеется прямая причинно-следственная связь [5].

Таким образом, несмотря на то, что в судебном заседании было установлено, что смерть потерпевшей наступила в результате незаконного прерывания беременности, суд ввиду несовершенства действующей редакции ст. 123 УК РФ вынужден был признать К. виновной в причинении смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения своих профессиональных обязанностей. А это повлекло назначение наказания в более мягких пределах.

Представляется, что декриминализацию незаконного прерывания беременности лицом, имеющим высшее медицинское образование соответствующего профиля, следует признать необоснованной, а в уголовный закон необходимо внести изменения, обеспечивающие надлежащую охрану репродуктивного здоровья женщин.

Литература

1. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // *Российская газета*. – 2011. – № 263.

2. Постановление Правительства РФ от 6 февраля 2012 г. № 98 «О социальном показании для искусственного прерывания беременности» // *Российская газета*. – 2012. – № 32.

3. Приказ Минздравсоцразвития РФ от 3 декабря 2007 г. № 736 «Об утверждении перечня медицинских показаний для искусственного прерывания беременности» // *Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти*. – 2008. – № 9.

4. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 14 октября 2003 г. № 484 «Об утверждении инструкций о порядке разрешения искусственного прерывания беременности в поздние сроки по социальным показаниям и

проведения операции искусственного прерывания беременности» // *Российская газета*. – 2003. – № 249.

5. Кассационное определение по делу 22-8587/2010 // *Московский городской суд*. URL: <http://www.mos-gorsud.ru/inf/infk/uk/?pn=0&id=5316300>.

6. Загуляев, А. Сокращен перечень социальных показаний для бесплатных аборт / А. Загуляев. URL: <http://www.diaconia.ru/news/sokrashhen-perechen-sotsialnykh-pokazaniij-dlja-besplatnykh-abortov/>.

7. Комментарий Закона об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации (Гришаев С. П.) (подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2011). URL: <http://www.base.consultant.ru>.

8. Сакевич, В. И. Новые ограничения права на аборт в России / В. И. Сакевич // *Демоскоп*. – 2012. – № 527–528. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0499/reprod02.php>.

Горбатова Марина Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права, Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск). E-mail: gorbatovam@mail.ru.

Bulletin of the South Ural State University
Series "Law"
2013, vol. 13, no. 4, pp. 44–48

**SOME PROBLEMS OF CRIMINAL LIABILITY
FOR ILLEGAL PERFORMANCE OF ABORTION**

M. A. Gorbatova
South Ural State University (Chelyabinsk)

The article deals with classification of illegal performance of abortion. Some problems in criminal prosecution for this crime are connected with inconsistency of statutes of criminal legislation as well as legislation in the sphere of healthcare. The article highlights the analysis of requirements applicable to operations on the basis of which features of illegal induced termination of pregnancy are revealed. Analyzing features of crime components of illegal performance of abortion and precedents in these cases the author comes to the conclusion that it is necessary to amend disposition of the article 123 of the Criminal Code of the Russian Federation, which deals with medicine terminology and expansion of a number of the subjects of the case, to achieve proper safety of women's reproductive health.

Keywords: *illegal performance of abortion, criminal termination of pregnancy.*

Marina Anatolievna Gorbatova – Candidate of Science (Law), Associate Professor of Criminal Law, Criminology and Criminal Penal Law Department, South Ural State University (Chelyabinsk). E-mail: gorbatovam@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 19 сентября 2013 г.

ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ «ПРОМЕЖУТОЧНОЕ СУДЕБНОЕ РЕШЕНИЕ» В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

Д. А. Клепиков

Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск)

В статье рассматриваются вопросы промежуточного судебного решения по Уставу уголовного судопроизводства 1864 года, УПК РСФСР 1922 года, УПК РСФСР 1923 года, УПК РСФСР 1960 года: понятие, особенности его обжалования, классификация. Делается вывод, что частное определение обладало признаками, соответствующими современному промежуточному судебному решению. Отмечается, что с принятием УПК РСФСР 1922 года произошло кардинальное изменение системы обжалования промежуточных судебных решений, сохранившееся до настоящего времени, от закрытого до открытого перечня определений для частного обжалования.

Ключевые слова: промежуточное судебное решение, Устав уголовного судопроизводства, частное определение, частное обжалование.

Эволюцию понятия «промежуточное судебное решение» можно условно разделить на несколько этапов, начало и окончание которых соответствуют принятию важнейших нормативно-правовых актов, касающихся российского уголовного процесса.

Первым этапом стало принятие Устава уголовного судопроизводства 1864 года [2]. Тогда под термином «промежуточное судебное решение» понималось «частное определение», дефиниции которого не было в тексте уголовно-процессуального закона. Что же такое частное определение? Какие вопросы оно разрешает? И. Я. Фойницкий полагал, что частное определение – это «судебное решение, разрешающее частный, вводный вопрос, выносимое единоличным или коллегиальным судом» [9, с. 331]. По мнению А. С. Лыкошина, это судебное постановление, «коим разрешался какой-либо частный, не относящийся до существа дела вопрос, возникший до начала или во время производства дела (например, об изменении принятой против подсудимого меры пресечения)» [5]. В. К. Случевский определял частное определение как ту письменную форму, в которой выражаются действия суда по разрешению каких-либо частных, не относящихся до существа дела вопросов» [7, с. 312]. С. В. Познышев указывал, что «при разборе дел суду приходится нередко решать различные вопросы, хотя и связанные с делом, но относящиеся не к существу его, а

лишь к порядку и условиям производства» [6, с. 208].

Таким образом, частное определение – это решение суда, которым разрешались частные вопросы, относящиеся к сугубо процессуальным (процедурным) вопросам уголовного судопроизводства, не предвещающие виновности лица в совершении преступления.

Институт частных определений был тесно связан с вопросами их обжалования. По общему правилу, частные определения вступали в законную силу немедленно при их вынесении. Подача жалобы на частное определение не приостанавливала его исполнения. Однако суд, в который подавалась частная жалоба, или судебная палата, рассматривающая частную жалобу, могли приостановить вступление в законную силу частного определения.

До вынесения приговора чаще всего частные определения не могли быть обжалованы. Законом был установлен перечень частных определений, которые могли быть обжалованы до вынесения приговора, но соответствующая практика сената допускала частное обжалование и в случаях, законом не предусмотренных [5].

Как указывал И. Я. Фойницкий, предмет частного обжалования составляет не приговор по существу, а постановление следственной власти или определение суда по отдельным вопросам, в деле возникающим [9, с. 504]. В. К. Случевский считал, что «по общему

правилу, все предпринимаемые судом действия служат предметом обжалования одновременно с приговором; из этого правила установлены, однако, в законе исключения» [7, с. 616].

Обращаясь к изучению частного обжалования, ученые того времени всегда задавались вопросом: почему некоторые частные определения могли быть обжалованы до вынесения приговора, а другие – нет? Например, И. Я. Фойницкий разработал собственную классификацию вариантов обжалования частных определений: 1) обжалование частных определений допускается не иначе как совместно с жалобой на приговор; 2) обжалование некоторых частных определений допускается до вынесения приговора по делу; 3) частное обжалование допускается в отношении всех обстоятельств по делу, за исключением только особо выделенных из обжалования в целях недопущения затягивания процесса. И. Я. Фойницкий относил российскую систему уголовно-процессуального обжалования ко второму варианту («наше законодательство придерживается перечневой системы»), хотя и указывал на его существенный недостаток, поскольку «перечислить наперед все случаи, в которых допускается частное обжалование отдельно от апелляционного, весьма трудно, так что при ней всегда оказываются пробелы» [9, с. 505].

В Уставе уголовного судопроизводства разграничивалось судопроизводство в мировых и окружных судах, в которых приговоры подразделялись на окончательные и неокончательные.

Так, в мировых судах окончательным приговором считался приговор, которым назначались наказания: внушение, замечание или выговор, денежное взыскание не свыше пятнадцати рублей с одного лица или арест не свыше трех дней и когда вознаграждение за вред или убытки не превышает тридцати рублей (ст. 124 УУС). Окончательные приговоры обжаловались в кассационном порядке. Жалобы и протесты на окончательные приговоры мировых судей обжаловались в мировой съезд, а приговоры съезда – в кассационный департамент по уголовным делам Правительствующего сената (ст. 173 УУС).

Неокончательным приговором мирового судьи считался приговор, в котором в качестве меры наказания назначалось заключение в тюрьму (ст. 125 УУС). Неокончательный приговор вступал в силу после истечения двухне-

дельного срока для его обжалования (ст. 147, ч. 2 ст. 181 УУС). Неокончательный приговор обжаловался в апелляционном порядке, жалоба на приговор рассматривалась в мировом съезде (ст. 149 УУС). Решения мирового съезда являлись окончательными и обжалованию в апелляционном порядке не подлежали (ст. 172 УУС).

На неокончательные приговоры обе стороны могли приносить отзывы (жалобы) по всем предметам дела, затрагивающим их права. Отдельно от отзыва стороны могли подавать частные жалобы на медленность производства, непринятие отзыва и взятие обвиняемого под стражу (ст. 152 УУС). Медленность производства не могла быть выражена в частном определении мирового судьи и соответственно заключена в процессуальную форму, поскольку проявлялась в бездействии, а не в действиях мирового судьи. Но обжаловать медленность производства было возможно в частном порядке.

Общий срок для обжалования составлял 14 дней со времени объявления определения, а обжалование частных определений об отказе в принятии отзыва и заключении под стражу допускалось в семидневный срок. Частная жалоба на медленность судьи ограничения срока для обжалования не имела, поскольку данный факт мог быть установлен в любой период рассмотрения дела.

В окружном суде неокончательными приговорами считались все приговоры, постановленные окружным судом без участия присяжных заседателей. Приговоры, постановленные окружным судом с участием присяжных, и все приговоры судебной палаты считались окончательными.

Перечень определений для частного обжалования здесь значительно дополнен. Так, до постановления приговора в апелляционном порядке частные жалобы и протесты могли быть поданы на определения: 1) об определении подсудности дела (ч. 1 ст. 893 УУС); 2) о преследовании прокурорской властью вместо частного обвинения (ч. 2 ст. 893 УУС); 3) о принятии мер для воспрепятствования подсудному уклоняться от следствия и суда (ч. 3 ст. 893 УУС); 4) о принятии мер к обеспечению иска о вознаграждении за вред и убытки (ч. 4 ст. 893 УУС); 5) о наложении взысканий за неявку в суд присяжных заседателей, свидетелей, сведущих людей и других лиц (ст. 894 УУС); 6) о непринятии апелляционных отзывов и кассационных жалоб (ст. 894

УУС); 7) о заключении обвиняемого под стражу (ст. 896 УУС).

Таким образом, неокончательные приговоры обжаловались в апелляционном порядке, а окончательные – в кассационном порядке. Получается, что подача жалоб на частные определения суда была возможна только по неокончательным приговорам? Следует ли, что институт частного обжалования на окончательные приговоры не распространяется?

К этой проблеме обращался В. К. Случевский и задавался аналогичным вопросом: «Распространяется ли действие ст. 893 и последующих статей на все роды дел, производящихся в общих судебных местах, или же только на дела, по которым приговоры могут подлежать обжалованию в апелляционном порядке?» С учетом существовавшей практики Сената В. К. Случевский пришел к выводу о том, что этот вопрос решался Сенатом неединообразно. Однако данный вопрос был поставлен перед Сенатом, и последний пояснил, что по смыслу ст. 893 Устава она должна распространяться на все категории дел. И с данного момента частные определения окружного суда должны приноситься в Судебную палату, а определения Судебной палаты, вынесенные по делам в качестве суда первой инстанции, – в Кассационный департамент Сената [7, с. 618].

Второй этап – принятие УПК РСФСР 1922 года [3].

Впервые в уголовно-процессуальном законе появилась статья, разъясняющая смысл понятий. Согласно п. 10 ст. 23 УПК РСФСР 1922 года под определением понимались «все другие решения, вынесенные судом в судебных или распорядительных заседаниях, а также решения, выносимые судом второй инстанции». Постановление не упоминается в ст. 23 УПК РСФСР 1922 года, но из содержания Кодекса мы приходим к выводу о том, что постановление – это другие решения, вынесенные народным судьей, т.е. единолично (ст. 350, 353, 405 УПК РСФСР 1922 года).

Судами первой инстанции являлись народные суды, к их компетенции относилось рассмотрение дел обо всех преступных деяниях, за исключением дел, отнесенных к ведению революционных трибуналов (ст. 28, 29, 30 УПК РСФСР 1922 года). Кассационной инстанцией народных судов являлся совет народных судей, а надзорной – председатель

совета народных судей; кассационной инстанцией революционных трибуналов являлся Верховный Трибунал, а надзорной – председатель Верховного Трибунала.

Согласно УПК РСФСР 1922 года, определения народного суда являлись: 1) определение суда о восстановлении срока (ст. 92); 2) определение об избрании меры пресечения обвиняемому (ст. 151); 3) определение о продлении содержания обвиняемого под стражей (ст. 162); 4) определение о помещении обвиняемого для наблюдения в соответствующее лечебное заведение (ст. 202) и т.д. (ст. 204, 207, 209, 224, 235, 242, 244, 247, 257, 263, 264, 265, 267, 270, 271, 275, 285, 301, 318, 319, 345, 352, 390, 391, 412, 477, 479, 480 УПК РСФСР 1922 года).

Срок подачи частной жалобы составлял 14 дней. Частые жалобы подавались в суд, вынесший оспариваемое определение. Рассмотрение частной жалобы производилось советом народных судей в судебном заседании без вызова сторон, но особо подчеркивалось, что если стороны явятся в заседание, то они должны быть допущены к даче объяснений (ст. 375 УПК РСФСР 1922 года). Слушание дела начиналось с доклада одного из судей, после чего стороны, если они присутствовали, давали объяснения. Выслушав и изучив материалы дела, суд выносил определение об отказе в удовлетворении частной жалобы или ее удовлетворении и соответственно отменяет определения народного суда. Совет народных судей рассматривал частные жалобы лишь в отношении тех лиц, которыми они были принесены.

Определения, предусмотренные ст. 265 (определение об удалении лиц из зала судебного заседания), ст. 271 (определение о приводе подсудимого или об изменении меры пресечения), ст. 345 (определение об избрании, изменении меры пресечения до вступления приговора в законную силу), ст. 479 (определение об отказе в досрочном освобождении) УПК РСФСР 1922 года, являлись окончательными и обжалованию не подлежали, а определение, предусмотренное ст. 391 УПК РСФСР 1922 года могло быть обжаловано только совместно с приговором.

Для подачи жалобы необходимо было соблюсти лишь срок подачи и ее относимость к нарушению прав лица, обжалующего определение суда. По сравнению с Уставом уголов-

ного судопроизводства 1864 года, УПК РСФСР 1922 года значительно расширил право на частное обжалование.

Помимо определений народных судов, существовали также и определения революционных трибуналов. Согласно ст. 413 УПК РСФСР 1922 года, судопроизводство в революционных трибуналах осуществлялось согласно правилам, установленным для производства дел в народных судах с изъятиями, предусмотренными ст. 413–481 УПК РСФСР 1922 года. Следовательно, революционные трибуналы выносили те же определения, что и народные суды. Однако УПК РСФСР 1922 года наделил революционные трибуналы правом выносить дополнительные определения. Например, определение о прекращении допроса свидетеля (свидетелей) вследствие установления обстоятельств дела, для выяснения которых свидетель (свидетели) вызывались для дачи показаний (ст. 427 УПК РСФСР 1922 года); определение об оглашении показаний свидетелей, подсудимого (ст. 428 УПК РСФСР 1922 года); определение о допусшении сторон к участию в судебном заседании, определение о недопусшении прений сторон (ст. 430 УПК РСФСР 1922 года), определение о возврате уголовного дела для доследования (ст. 431 УПК РСФСР 1922 года).

Частные жалобы на определения отделений революционного трибунала подавались в президиум революционного трибунала и разрешались в распорядительном заседании без участия сторон. При расследовании жалобы в состав президиума не могли входить лица, участвовавшие в вынесении обжалованного определения (ст. 441 УПК РСФСР 1922 года). Законодательство не содержало ограничений на подачу частной жалобы на определения революционных трибуналов, следовательно, все эти определения могли быть обжалованы в президиум революционного трибунала до вынесения приговора по делу.

Четвертый этап – принятие УПК РСФСР 1923 года [4].

Наряду с сохранившейся концепцией УПК РСФСР 1922 года, в новом УПК РСФСР 1923 года появились изменения, касающиеся частного обжалования.

Во-первых, в состав УПК РСФСР было включено понятие «постановление», под которым «разумеются все действия следователя, кроме актов обыска, выемки, освидетельствования, допроса обвиняемого, свидетелей, экспертов и обвинительного заключения, а также

действия прокурора за исключением предложений его суду о прекращении дела, о принятии, отмене или изменении меры пресечения и о вызове в судебное заседание свидетелей и экспертов, возражений его на постановление следователя о прекращении дела и предложений о производстве действий по дознанию и следствию» (ст. 10 УПК РСФСР 1923 года). Таким образом, законодатель четко разграничил понятия «определение» и «постановление», придав первому исключительно «судебный смысл», а второму сугубо «следственный».

Во-вторых, появились новые частные определения: 1) определение Военной и военнотранспортной коллегии Верховного суда о передаче дела из военного и военнотранспортного трибунала в другой военный и военнотранспортный трибунал или в губернский суд (ст. 32 УПК РСФСР 1923 года); 2) определение суда о допусшении к участию в деле в качестве обвинителя других лиц (ст. 50 УПК РСФСР 1923 года); 3) определение о приобщении к делу вещественных доказательств (ст. 67 УПК РСФСР 1923 года); 4) определение о несогласии суда с экспертизой (ст. 298 УПК РСФСР 1923 года).

В-третьих, был введен новый порядок обжалования частных определений.

Определения, предусмотренные ст. 201 (определение о приостановлении дела до выздоровления обвиняемого или о прекращении дела), ст. 267 (определение об избрании, изменении меры пресечения), ст. 341 (определение об избрании, изменении меры пресечения до вступления приговора в законную силу) являлись окончательными и обжалованию не подлежали, но могли быть отменены или изменены губернским судом в порядке надзора (ст. 347 УПК РСФСР 1923 года).

Пятый этап – принятие УПК РСФСР 1960 года [1].

Наряду с понятиями «определение» и «постановление», УПК РСФСР 1960 года (ст. 321) упоминается о частном определении, которое несет в себе несколько другой смысл. Частное определение выносилось в целях уголовно-правовой превенции (например, указать на допущенные уголовно-процессуальные нарушения на стадии предварительного расследования, обратить внимание общественных организаций на поведение отдельных граждан в быту и на работе). Причем, это являлось не правом суда, а его обязанностью (ст. 21 УПК РСФСР 1960 года).

Примечательно, что частное определение выносилось и в целях отметить чьи-либо заслуги, успешное выполнение кем-либо своего общественного долга, самоотверженность в охране интересов общества и граждан (например, мужественное поведение граждан, предотвративших преступление или защитивших потерпевшего от насилия со стороны преступника). Хотя и в ст. 321 УПК РСФСР 1960 года отсутствовало основание, по которому могло быть вынесено частное определение, ряд ученых считали, что такая судебная практика заслуживает одобрения [8, с. 355].

УПК РСФСР 1960 года позволил провести условную классификацию определений суда.

1. В зависимости от возможности обжаловать определение суда:

- определения, которые могли быть опротестованы только прокурором. Например, определение суда о предании обвиняемого суду (ст. 227 УПК РСФСР 1960 года), определение о возвращении дела прокурору для дополнительного расследования (ст. 232 УПК РСФСР 1960 г.), определение о возбуждении уголовного дела по новому обвинению (ст. 255 УПК РСФСР 1960 года), частное определение суда (ст. 321 УПК РСФСР 1960 года);

- определения, которые не могли быть обжалованы до вынесения приговора по делу. К ним относились определения о передаче уголовного дела по подсудности (ст. 43, 231 УПК РСФСР 1960 года), об удовлетворении или отказе в удовлетворении ходатайства (ст. 223, 276 УПК РСФСР 1960 года), о приостановлении производства по делу в связи с розыском обвиняемого или его тяжелой болезнью (ст. 231 УПК РСФСР 1960 года), о приводе подсудимого и избрании либо изменении ему меры пресечения (ст. 247 УПК РСФСР 1960 года) и т.д. [9];

- определения, которые могли быть обжалованы до вынесения приговора по делу (все иные определения суда).

2. В зависимости от формы составления определений (ст. 261 УПК РСФСР 1960 года):

- обязательная письменная форма (определение о направлении дела для производства дополнительного расследования, определение о возбуждении дела по новому обвинению или в отношении нового лица, определение о прекращении дела, определение об избрании,

изменении или отмене меры пресечения, определение об отводах, определение о назначении экспертизы);

- устная форма с обязательным занесением определения в протокол судебного заседания (все иные определения суда);

3. В зависимости от субъекта обжалования:

- определения, которые могли быть обжалованы только лицом, в отношении которого оно вынесено (ч. 1 ст. 331 УПК РСФСР 1960 года). Например, определение о наложении денежного взыскания на переводчика, поручителя, лицо, нарушившее порядок в зале судебного заседания (ст. 232 УПК РСФСР 1960 года) может обжаловать переводчик, поручитель, лицо, нарушившее порядок в зале судебного заседания. Определение о возбуждении уголовного дела (ст. 256 УПК РСФСР 1960 года) может быть обжаловано только подозреваемым или обвиняемым, а определение об отказе в возбуждении уголовного дела – потерпевшим или прокурором;

- все остальные определения, которые могли быть обжалованы только подсудимым, его защитником и законным представителем, а также потерпевшим и его представителем (ст. 325 УПК РСФСР 1960 года).

Подводя итог, отметим, что промежуточное судебное решение возникает в 1864 году, правда, под другим термином – «частное определение». Впервые появилось разграничение определений в зависимости от момента их обжалования. Принятие первого УПК РСФСР в 1922 году изменило перечневую систему частных определений: если ранее частные определения не обжаловались за некоторыми исключениями, то теперь любое частное определение могло быть обжаловано до вынесения приговора по делу, за исключением небольшого количества определений. Новизна УПК РСФСР 1923 года состояла в разграничении понятий «постановление» и «определение», были добавлены новые частные определения. УПК РСФСР 1960 года отметил более грамотным изложением текста, что позволило провести классификацию определений суда по нескольким основаниям; кроме того был расширен перечень определений, частное определение суда стало означать реализацию превентивной уголовно-правовой функции.

Литература

1. Закон РСФСР от 27 октября 1960 г. «Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» // Свод законов РСФСР. – 1988. – Т. 8. – 613 с.
2. Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. URL: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137>.
3. Постановление ВЦИК от 25 мая 1922 г. «Об Уголовно-процессуальном кодексе» // СУ РСФСР. – 1922. – № 20, 21. – Ст. 230.
4. Постановление ВЦИК от 15 февраля 1923 г. «Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» // СУ РСФСР. – 1923. – № 7. – Ст. 106.
5. Лыкошин, А. С. Частное определение /

А. С. Лыкошин. URL: <http://www.vehi.net/brokgauz/index.html>.

6. Познышев, С. В. Элементарный учебник русского уголовного процесса / С. В. Познышев. – М.: Изд-во Г. А. Леман, 1913. – 337 с.

7. Случевский, В. К. Учебник русского уголовного процесса / В. К. Случевский. – СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1913. – 683 с.

8. Строгович, М. С. Курс советского уголовного процесса / М. С. Строгович. – М.: Изд-во Наука, 1968. – 468 с.

9. Фойницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства / И. Я. Фойницкий. URL: <http://civil.consultant.ru/rerint/books/292/2.html>.

Клепиков Дмитрий Александрович – аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики, Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск). E-mail: dmitryklepicov@gmail.com.

Bulletin of the South Ural State University

Series “Law”

2013, vol. 13, no. 4, pp. 49–54

**DEVELOPMENT OF THE NOTION «INTERLOCUTORY JUDGMENT»
IN THE CRIMINAL PROCEDURE OF RUSSIA**

D. A. Klepikov

South Ural State University (Chelyabinsk)

The article considers the problems of interlocutory judgment in the Rules of the criminal procedure of 1864, Criminal Procedure Code of the Russian Soviet Federated Socialist Republics of 1922, Criminal Procedure Code of the Russian Soviet Federated Socialist Republics of 1923, Criminal Procedure Code of the Russian Soviet Federated Socialist Republics of 1960: notion, features of its appeal, classification. The conclusion is made that separate ruling has the same characteristics as modern interlocutory judgment. It is marked that with adoption of Criminal Procedure Code of the Russian Soviet Federated Socialist Republics of 1922 there is a fundamental change in the system of appeal of interlocutory judgments kept up to present from the closed till open list of notions for separate appeal.

Keywords: *interlocutory judgment, Rules of Criminal Procedure, separate ruling, separate appeal.*

Dmitry Aleksandrovich Klepikov – postgraduate student of Criminal Procedure and Criministics Department, South Ural State University (Chelyabinsk). E-mail: dmitryklepicov@gmail.com.

Статья поступила в редакцию 15 октября 2013 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ И ПОКАЗАНИЯ СПЕЦИАЛИСТА – ДВЕ ФОРМЫ ОДНОГО ВИДА ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Е. А. Мацун

**Следственный отдел по г. Троицк Следственного управления
Следственного комитета РФ по Челябинской области (г. Троицк)**

В статье исследованы вопросы применения в процессе доказывания по уголовному делу заключения и показаний специалиста, проведен анализ их формы и содержания. Автором предложена и обоснована собственная точка зрения на заключение и показания специалиста как на две формы одного вида доказательств. Суждения специалиста, выраженные в его заключении или показаниях, представляют сведения о юридически значимых обстоятельствах, представить которые может только специалист в силу обладания специальными познаниями и поэтому которые выступают в качестве самостоятельных доказательств. Заключение и показания специалиста – это две формы (источника) одного доказательства – сведений по специальным вопросам, поставленным перед специалистом сторонами, основанных на его суждении.

Ключевые слова: заключение специалиста, показания специалиста, суждение специалиста, доказательство, источник доказательств.

Проблема средств доказывания в уголовном процессе всегда являлась актуальной. Федеральный закон от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ» ввел в уголовное судопроизводство России такие два вида доказательств, как заключение и показания специалиста.

Часть 3 ст. 80 УПК РФ устанавливает, что заключение специалиста – это представленное в письменном виде суждение по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами, а часть 4 этой же статьи определяет показания специалиста как сведения, сообщенные им на допросе об обстоятельствах, требующих специальных познаний, а также разъяснения своего мнения в соответствии с требованиями ст. 53, 168 и 271 УПК РФ.

Заключение и показания специалиста имеют такую же доказательную силу, как и любое другое доказательство, которое должно быть оценено в соответствии с общими правилами оценки доказательств, т.е. с позиции допустимости, относимости и достоверности (ч. 1 ст. 88 УПК РФ), на что также обращает внимание и Верховный Суд РФ [1, п. 6, 20]. При этом мы допускаем возможным считать, что заключение и показания специалиста – это две формы одного вида доказательств. Для разъяснения сделанного предположения прежде всего обратимся к лингвистическому

толкованию используемых законодателем терминов при их нормативном регулировании.

Исходя из лингвистического толкования термин «сведения» означает «знания, представление о чем-нибудь, познание в какой-нибудь области, известие, сообщение» [6, с. 699]. Суждение означает мнение, заключение. В логике – это форма мышления, представляющая собой сочетание понятий, из которых одно (предикат) определяет и раскрывает содержание другого (субъекта). Мнение – суждение, выражающее оценку чего-нибудь, отношение к чему-нибудь, взгляд на что-нибудь [6, с. 347, 764].

Кроме того, часто как эквивалент таких понятий, как «данные», «сведения», «показания», а иногда и как «доказательства», используется понятие «информация» [4, с. 65].

Термин «информация» характеризуется как сведения, воспринимаемые человеком или специальным устройством [7, с. 245], разъяснение, изложение [9, с. 304].

В частности, была создана информационная модель доказательств, согласно которой доказательством является единство сведений о фактах и их источниках [8, с. 37, 38].

Справедливо обращает внимание Е. А. Доля на то, что объективно существуют не сведения (информация), а процессы, предметы, следы и их свойства, состояния. Доказатель-

ства (сведения) – это всегда единство объективного содержания (отраженного факта, обстоятельства) и субъективной формы (отражение в сознании конкретного субъекта). Информация, сведения о процессах, предметах, следах может появиться только в результате их восприятия человеком и выражения им в устной или письменной форме результатов этого восприятия. Информация, сведения – это не окружающая нас объективная действительность, а мысленный образ этой действительности, средство и результат ее чувственного познания [3, с. 47, 48].

Не вдаваясь в рамках настоящей статьи в содержание многочисленных дискуссий по поводу того, что считать источником, а что непосредственным доказательством, склоняемся к следующему. Источник доказательств представляет собой не только субъекта познания (участника уголовного процесса), а также предметы, документы, протоколы, любые вещные объекты (объекты материального мира), содержащие в себе те или иные сведения. Содержательную сторону доказательств представляют сведения, которые можно извлечь из их источников. Поэтому заключение специалиста и протокол его допроса выступают в качестве источников доказательств.

Учитывая приведенную этимологию используемых законодателем терминов и положения модели единства объективного содержания и субъективной формы доказательств, мы можем категорично заявить о том, что суждения специалиста, которые могут быть выражены как в его заключении, так и в показаниях, представляют сведения о юридически значимых обстоятельствах, представить которые может только специалист в силу обладания специальными знаниями. Заключение и показания специалиста содержат в себе сведения по вопросам, поставленным перед ним сторонами, которые основаны на его суждениях. И характер данных сведений, что и составляет содержание самого доказательства, может быть единым, независимо от формы выражения.

Как справедливо отмечает Н. С. Манова, отличительной особенностью показаний специалиста является то, что сведения, сообщаемые им, имеют (с точки зрения их доказательственного значения) характер нового, выводного знания, полученного путем логических умозаключений [5, с. 220]. Итак, и заключение и показания специалиста представляют его суждения.

Лицо может быть допрошено в качестве специалиста и до, и после дачи заключения, а также независимо от наличия или отсутствия последнего. Разъяснение своего мнения специалист может дать по любым обстоятельствам, а не только по своему заключению.

Обобщив мнения сторонников данной позиции, мы определили, что предмет допроса специалиста может содержать следующее [1, 2, 4, 5]:

- разъяснение, уточнение, дополнение своего суждения (мнения, выводов), изложенного в заключении, представленном им на стадии предварительного или судебного следствия;

- разъяснение, уточнение, дополнение своего суждения (мнения, выводов) и иных действий с использованием специальных познаний, представленных в ходе оказания научно-технической и консультационной помощи защитнику;

- сведения об обстоятельствах оказания им в непроцессуальной форме консультативной помощи при определении вида экспертизы, формулировании вопросов эксперту;

- разъяснение своего суждения (мнения, выводов) о любых обстоятельствах преступления, являющихся предметом судебного разбирательства и входящих в его профессиональную компетенцию;

- сведения о применяемых специальных знаниях, навыках, научно-технических и иных средствах и методах, особенностях их использования при оказании специалистом содействия следователю в обнаружении, фиксации и изъятии источников доказательств;

- сведения о любых обстоятельствах, характеризующих обстановку, порядок и иные условия (время, место и т.д.) производства того следственного действия, в котором он участвовал, а также действия участников следственного действия, в том числе и самого специалиста;

- разъяснение, уточнение своего мнения, выраженного специалистом в заявлениях и замечаниях, занесенных в протокол следственного действия, к производству которого он привлекался;

- сведения, касающиеся оценки заключения эксперта;

- сведения о любых иных обстоятельствах, имеющих значение по уголовному делу и требующих специальных знаний.

Также допрос специалиста может быть проведен перед дачей им заключения или

привлечения его к следственным действиям для установления и закрепления его компетентности.

За исключением случаев, когда специалист допрашивается, как и любой другой участник процесса (понятой, статист, эксперт, законный представитель и т.д.), в качестве свидетеля об обстоятельствах, характеризующих обстановку, порядок, действия участников и иные условия (время, место и т.д.) производства того следственного действия, в котором он участвовал, характер содержания предмета его показаний и заключения может быть единым.

Безусловно, в ходе допроса специалист может нуждаться в проведении некоторого исследования, что также включает в себя анализ документации, научной литературы, проведение расчетов и т.д. В данном случае возможны три варианта действий. Во-первых, проведение допроса может быть окончено, и по рекомендации специалиста ему назначается производство исследования для дачи по его результатам заключения. Во-вторых, допрос специалиста может быть отложен. В данном случае делается кратковременный перерыв, или же производство допроса с указанием в протоколе причин его окончания завершается, в дальнейшем производится дополнительный допрос специалиста. В-третьих, отдельные виды исследования (например, обращение к научной, справочной литературе, анализ представленных материалов дела и вещественных доказательств, проведение некоторых расчетов и т.д.) могут быть произведены специалистом непосредственно в ходе его допроса. Таким образом, и при даче заключения и при даче показаний специалист может проводить исследования.

Итак, заключение специалиста по содержанию аналогично его показаниям. Заключение и показания специалиста – это две формы выражения одного доказательства, содержанием которого являются мнения, суждения, выводы специалиста. В одном случае они представляются в письменной форме от лица специалиста, во втором случае – представляются устно и вносятся в протокол следователем. Это аналогично процедуре принятия сообщения о преступлении, которое может быть подано лицом в виде письменного заявления, составлено собственноручно либо же может быть представлено в виде устного заявления и

внесено в протокол принятия устного сообщения о преступлении. Содержание, условия, основания принятия и правила разрешения от формы не меняются. Таким образом, в силу характера заключения специалиста не всегда есть необходимость в его истребовании, а суждение специалиста может быть изложено в его показаниях, в том числе полученное с помощью производства некоторых исследований.

На приведенную нами мысль наталкивают и следующие обстоятельства. Во-первых, это отсутствие жесткой регламентации формы и структуры заключения специалиста. Во-вторых, в п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» указано, что если проведение экспертного исследования не требуется, то возможен допрос специалиста. Об истребовании заключения специалиста не говорится, что указывает на содержательное сходство данных видов доказательств.

Также обратим внимание на диспозицию ст. 307 УК РФ, в которой говорится о заведомо ложном заключении и показаниях эксперта и заведомо ложном показании специалиста. Прежде всего отметим, что исходя из смысла названия самой статьи «Заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод» уголовная ответственность специалиста наступает не только за заведомо ложные показания, но и за его заключение. Поэтому такое изложение диспозиции нормы является лишь несовершенством юридической техники и упущением законодателя, которое, невзирая на назревшую необходимость, не восполняется. В то же время подобная техника изложения данной нормы еще раз убеждает нас в сделанном предположении.

И в заключение еще один вопрос: возможно ли оглашение в суде показаний специалиста, данных в ходе допроса на предварительном следствии? Как правило, при допросе специалиста в суде последний в своих показаниях лишь дублирует данное им заключение. И поскольку показания специалиста по содержанию аналогичны его заключению, они могут быть оглашены в суде при согласии обеих сторон, без вызова сведущего лица. То есть при наличии показаний специалиста в материалах уголовного дела в общем

порядке специалист не вызывается, а решение о его вызове в суд принимается по результатам рассмотрения ходатайства одной из сторон при его наличии или по инициативе суда.

Литература

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» // *Российская газета*. – 2010. – 30 дек.

2. Данилова, Н. А. Использование государственным обвинителем заключения и показаний специалиста / Н. А. Данилова, Т. Г. Николаева, В. И. Рохлин // *Российский следователь*. – 2012. – № 10. – С. 14–18.

3. Доля, Е. А. Оперативная информация: происхождение и соотношение с доказательствами / Е. А. Доля // *Законность*. – 2012. – № 10. – С. 46–51.

4. Лившиц, Ю. Д. Понятие и виды инфор-

мации в уголовном процессе / Ю. Д. Лившиц, С. В. Зуев // *Вестник ЮУрГУ Серия «Право»*. – 2002. – Вып. 2. – № 4 (13). С. 64–72.

5. Манова, Н. С. Заключение и показания специалиста: опыт и перспективы использования в доказывании по уголовным делам / Н. С. Манова // *Известия вузов. Правоведение*. – 2011. – № 2. – С. 214–221.

6. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: Изд-во «Русский язык», 1986. – 797 с.

7. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: Изд-во «Русский язык», 1999. – 944 с.

8. Орлов, Ю. К. Основы теории доказательств в уголовном процессе / Ю. К. Орлов. – М., 2000. – 144 с.

9. Советский энциклопедический словарь / под ред. А. М. Прохорова. – М.: Изд-во «Советская Энциклопедия», 1979. – 1632 с.

Мацун Евгения Александровна – старший следователь, следственный отдел по г. Троицк Следственного управления Следственного комитета РФ по Челябинской области (г. Троицк). E-mail: mazuna@rambler.ru.

***Bulletin of the South Ural State University
Series “Law”
2013, vol. 13, no. 4, pp. 55–58***

EXPERT OPINION AND EVIDENCE ARE TWO FORMS OF A PROOF

E. A. Matsun

Investigation department for Troitsk, Criminal Investigation Office of Investigation Committee of the Russian Federation for Chelyabinsk region (Troitsk)

The article analyzes the problems of the use of expert opinion and evidence within the process of proof in a criminal case; the analysis of their forms and content is performed. The author gives and proves his view of expert opinion and evidence as two forms of a proof. Expert judgments in the form of his opinions and evidence are data on legally relevant facts, which can be given by the specialist due to his special knowledge and can be independent proof. Expert opinion and evidence are two forms (sources of one proof that is information in special questions to the specialist by the parties based on his judgments).

Keywords: *expert opinion, expert evidence, expert judgments, proof, proof sources.*

Evgenia Aleksandrovna Matsun – chief investigation officer, Investigation department for Troitsk, Criminal Investigation Office of Investigation Committee of the Russian Federation for Chelyabinsk region (Troitsk). E-mail: mazuna@rambler.ru.

Статья поступила в редакцию 20 сентября 2013 г.

ПОНЯТИЕ ТЕРМИНА «ИНФОРМАЦИЯ» И ЕГО ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

В. А. Пахомова

Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск)

Первостепенно информация связана с общением людей и носит социальный характер, но это не единственный ее способ существования и применения. Информация присуща иным живым существам, более того, она присуща и различным техническим устройствам. Информация стала основным ресурсом современного общества. Она выступает объектом отношений, целью деятельности, средством и условием достижения последней, результатом, а также товаром, который может иметь определенную стоимость в материальном и идеальном смыслах. «Информация» – одна из ключевых категорий современных процессов, в том числе процесса познания. Однако она неоднозначна и не имеет четких границ и рамок ее понимания в науке. Данный вопрос до сих пор требует своего разрешения.

Ключевые слова: информация, теория множеств и комбинаторики, категория отражения.

Термин «информация» (от латинского *information* – разъяснение, изложение) возник в социальной среде и первоначально применялся для обозначения сведений, которые один человек передает другому различными способами, будь то устный или письменный. Однако такое понимание не может считаться универсальным. Изменение социальных, экономических, культурных условий, в частности развитие информационных процессов, обуславливает соответственно и трансформацию самого термина. Это и предопределило неоднократность исследований в различные периоды времени сущности, природы «информации».

Необходимость перехода от бытового уровня употребления термина «информация» к научному, теоретически разработанному, была осознана в конце XIX века. В этот период свое начало берет теория информации, т.е. «наука о свойствах информации и закономерностях информационных процессов» [14]. Осуществлялся этот процесс в рамках такого явления, как энтропия, связанного с количеством информации, точнее с возможностью получения различного ее количества при различных исходах испытаний, опытов. Значимыми на этом этапе стали научные разработки Л. Больцмана, Д. У. Гиббса, Д. Неймана [22]. Однако более конкретную «форму» теория информации получает в XX веке с разра-

боткой теории множеств и комбинаторики Р. В. Хартли (1928 г.) [19, с. 122] и теории вероятностей К. Шеннона (1948 г.) [21, с. 23].

Подход Р. Хартли основан на выборе одного элемента из существующего множества. При этом осуществляется сообщение определенного количества информации, которое ставится в зависимость от множества элементов. Если элемент один, то и выбор становится понятен, отсутствует неопределенность, а, следовательно, и возможность получения новой информации. Если множество состоит из двух элементов, то неопределенность выбора есть, но она минимальна.

Дальнейшее развитие теории информации связано с деятельностью К. Шеннона. Он противопоставляет равновероятным элементам подхода Р. Хартли неопределенность и различные по мощности варианты исхода событий.

Рассмотренные выше подходы составляют так называемую традиционную теорию информации, связанную с управленческими процессами, выбором возможностей. Ценность данной теории заключается в допуске количественной оценки информации, иными словами, в определении одного из ее аспектов.

Большой вклад в развитие и обобщение теории информации внесли отечественные ученые А. Н. Колмогоров, А. А. Харкевич и

Р. Л. Стратанович [18, с. 53–57].

Другой аспект информации – качественный – раскрывается в синергетической теории информации. В настоящее время она активно разрабатывается учеными, в том числе В. Б. Вяткиным, который понимает информацию как «сведения о конечном множестве как едином целом» [7, с. 2]. В основе теории лежат две формулы. Первая – самоотражаемая множеством информация, т.е. отражение произвольным множеством сведений о самом себе как о целостном образовании. Вторая – отражение друг о друге, как едином целом, двух пересекающихся конечных множеств. При этом в информационных процессах принимают участие все элементы, варианты, события. Управленческий аспект в виде выбора отсутствует, что и обеспечивает получение качественных характеристик информации.

И все же вернемся к понятию «информации». Одни ученые определяли его через информационные процессы, другие – через свойства материи.

Так, Н. Винер полагал, что «информация – это обозначение содержания, полученного из внешнего мира в процессе нашего приспособления к нему и приспособления к нему наших чувств. Процесс получения и использования информации является процессом нашего приспособления к случайностям внешней среды и нашей жизнедеятельности в этой среде» [6, с. 31].

Н. С. Полевой к информации относил «то, что может быть воспринято познающим субъектом или техническим устройством, и тем самым она как бы отделена от ее первоисточника – отображения источника объекта познания; она может быть перенесена в пространстве, сохранена во времени, передана другому познающему субъекту или техническому устройству, подвергнута другим операциям, совокупность которых именуется информационными процессами» [12, с. 61].

Данный путь определения «информации» фиксирует внешние связи рассматриваемой категории, что, безусловно, значимо в теоретическом плане, однако он не в полной мере характеризует ее сущность. Усматривается ценность второго пути. Но и среди его представителей нет единства мнений, выделились две концепции: атрибутивная и функциональная, каждая из которых имеет своих сторонников. К первой относят В. М. Глушкова, А. Д. Урсула, ко второй – Г. Г. Вдовиченко,

Д. И. Дубровского, Н. И. Жукова, Б. С. Украинцева, М. Янкова.

«Атрибутивисты» определяют информацию как свойство всех без исключения материальных объектов – как живых, так и неживых, т.е. как атрибут материи»... «Функционалисты», напротив, связывают информацию лишь с функционированием самоорганизующихся систем, считая, что информация неразрывно связана лишь с высшими видами отражения, с высокоактивными его формами, характеризующими процессы управления. Информация понимается при этом как свойство не всей, а лишь высокоорганизованной материи» [20].

Вторая концепция представляется нам более оправданной. Действительно, все объекты несут в себе определенные сведения, однако в категорию «информация» они будут преобразованы исключительно под действием высокоорганизованной системы, ярким примером которой является человек. Все без исключения материальные объекты содержат не столько информацию, сколько сигнал, способный удовлетворить определенную потребность лица, который впоследствии и прибегает к его раскрытию.

Воздействие материального объекта на органы чувств человека приводит к формированию в его сознании образа этого объекта, некой модели, которая в дальнейшем и находит свое выражение с помощью знаковых средств. Таким образом, информация, полученная субъектом в результате его взаимодействия с объективным миром, есть результат отражения, есть сведения, знания об объективной действительности. Другими словами, это «не только образно-знаковая, но и образно-понятийная модель, так как знак, будучи специфической разновидностью сигнала, используется только в языковом общении между людьми и, в конечном итоге, применяется для классификации образов и выражения их с помощью понятий, суждений, умозаключений» [3, с. 25].

Все многообразие подходов и точек зрения, касаемо «информации», можно объединить присутствием в них определенной роли категории «отражения», пусть где-то в большей, а где-то в меньшей степени. На взаимосвязь сущности информации и категории отражения впервые указал в 1959 году И. Б. Новик [10, с. 165–181]. Рассмотрим их соотношение.

Возникновение самой теории отражения как основы познания связывается с марксистской философией, которая активно воздействовала на внешний мир путем взаимодействия чувственного и рационального познания, мыслительной и практической деятельности. Именно она заложила в данную категорию аспект взаимодействия нескольких объектов. Четкого же понятия отражения как свойства материи не выработано до настоящего момента. «Этот аспект заключается в том, что из всего содержания взаимодействия выделяется лишь то, что в одной системе появляется в результате воздействия другой системы и соответствует (тождественно) этой последней» [16, с. 132]. Иными словами, существенными признаками отражения являются взаимодействие и появляющееся в результате его тождество систем.

Соотношение категорий «отражение» и «информация» различно, причем существующие суждения взаимоисключают друг друга.

Представители первой позиции, например, Б. В. Ахлибининский [2, с. 114], склонны утверждать, что информация не связана с отражением. Другие полагают, что отражение это и есть информация. Этого мнения придерживается Л. Е. Анисимова [1].

Наиболее правильной кажется третья позиция, которая существенно связывает с понятием отражения информацию как нечто такое, что содержится в одном объекте относительно другого. «Информация представляет собой качественную и количественную характеристики организованности, упорядоченности отражения», – утверждал И. Б. Новик [11, с. 22]. Ф. П. Тарасенко полагал, что отражение и информация «являются абстракциями одного и того же свойства материи» [15, с. 80]. Также А. Р. Белкин видел в информации «меру связи события и вызванных этим событием изменений в среде» [4, с. 56]. Обстоятельное изучение этого вопроса было проведено А. Д. Урсолом, который пришел к выводу о том, что информацию «можно определить в самом общем случае как отраженное разнообразие» [17, с. 137]. Теория отражения в широком понимании являет собой отношение между передатчиком информации, информацией и субъектом. Передача информации происходит в форме сигнала, при этом ее содержание должно представлять собой особую форму адекватности, соответствия,

возникающего в процессе отражения. Важным моментом также следует считать, что с позиции теории отражения информация может быть представлена как отраженное разнообразие, как разнообразие, которое отражающий объект содержит об отражаемом. Из этого следует, что информация – это часть содержания отражения, это воспроизведение разнообразия одного объекта в другом объекте в результате их взаимодействия.

При этом важным условием уяснения сущности информации является адекватное отображение объекта отображающим его объектом. Каждый представитель социума обладает своим неповторимым мироощущением, мировосприятием и миропониманием. Конечный продукт, т.е. информация, всегда отражает своеобразие мировоззрения человека, более того, она ориентирована на его потребности и интересы. «Руководствуясь интересом, человек рассматривает открывающиеся его выбору возможности как благоприятные или неблагоприятные, желательные или нежелательные. Информация служит оценке этих возможностей» [8], а, значит, носит субъективную окраску. Соблюдение же принципа адекватного отображения объекта отображающим его объектом позволит достичь цели получения объективной, достоверной, истинной информации.

Существование информации, ее значение и роль в общественной жизни можно отразить, полагая, посредством выделения в ней двух важнейших составляющих, статической и динамической.

Первая включает в себя «сведения». Возникает вопрос: что есть сведения и как они соотносятся с понятием «информация»? В словаре русского языка С. И. Ожегова информация определяется как сведения об окружающем мире и протекающих в нем процессах, воспринимаемые человеком или специальным устройством [9, с. 248]. Там же раскрывается понятие «сведения» – это познания в какой-либо области, известия, сообщения, знания, представление о чем-либо [9, с. 688].

Данное определение отражает непосредственное взаимодействие этих понятий, выводит область их пересечения и взаимопроникновения. Также в общих чертах закрепляет все вышесказанное, обладает некой степенью универсализма, в то же время оставляет почву для размышлений об элементах и алгоритмах

информационного процесса.

Сведения являются источником информации. В этом качестве прослеживается однородность их по назначению с фактами, знаками, сообщениями и другими идеальными отображениями материальных явлений в сознании человека.

Сведения представляют собой элементы, отражающие наличие информации, создающие соответствующие предпосылки для дальнейшего продвижения по пути ее преобразования и использования. Эта составляющая является воплощением традиционного подхода к данной категории.

Однако среди ученых встречаются и противники отождествления понятий «информация» и «сведения». Это Ю. В. Жолобов, размышляющий следующим образом: «В социальной сфере пользователь информации интересуется не количеством добытых сведений, а конечным результатом работы информационных систем. Этим результатом, на наш взгляд, является новое, дополнительное знание о проблемной ситуации, необходимое для сравнения, оценки и выбора альтернатив» [8]. Данную позицию нельзя оставить без внимания. Здесь мы также видим определенную взаимосвязь количественного и качественного аспектов информации, причем акцент сделан на качественном аспекте, что наталкивает на необходимость подробного рассмотрения свойств информации, раскрывающихся посредством еще одной составляющей.

Вторая составляющая категории «информация», на наш взгляд, демонстрирует некий действенный аспект. Это «функция отражения свойств реального мира», о которой уже упоминалось ранее. Сведения становятся фактором выбора решений в конкретной проблемной ситуации. Рассматриваемая категория приобретает ценностную, аксиологическую окраску только при изучении этих составляющих вкупе.

Вопрос о свойствах информации не столь плюралистичен, как вопрос о понятии информации, однако и здесь ряд ученых имеет свое видение.

Так, В. М. Хургин в качестве основных свойств информации выделял ее неразрывную связь с определенной саморегулирующейся системой, структурированность и ценность.

«Структурированность информации – это свойство, которое позволяет рецептивной системе выделять информацию из физических процессов или объектов, воспринимать неко-

торые явления внешнего мира как сигналы... Структурирование информации происходит параллельно с формированием модели внешнего мира» [20].

Элемент самоорганизации системы он связывал с движением, стремлением к цели. Все, что обеспечивает это движение, и является для системы ценным.

Следует также обратить внимание на свойства информации, отраженные в работе Л. Бриллюэна. «Установлено, что количество информации связано с изменением разнообразия в системе, которое вызывается наличием информации» [5, с. 209]. Информация заставляет материю двигаться. Затрата определенной доли информации оборачивается прогрессивными изменениями в виде усложнения системы. Постепенно информация скапливается вновь, образуется ее избыток и процесс повторяется, информация переходит на новый уровень «разнообразия».

Важнейшим свойством информации является чистота (свобода), т.е. независимость ее от интонации, эмоционального сопровождения информационного процесса. Так называемые шумы, или «эстетическая информация» [13, с. 81] (сообщение, передавать субъекту которое источник не собирался), могут оказать негативное воздействие на ценностную составляющую информации.

Несмотря на многоплановость категории «информация» и разнообразие подходов к ее пониманию, можно выделить ряд неотъемлемых ее свойств, характерных для любой сферы жизни общества.

Во-первых, информация имеет определенную структуру. Можно выделить организационную (управляющую) и смысловую части, предопределенные динамическим и статическим аспектом информации соответственно.

Во-вторых, информация может трансформироваться, частично изменяться, переходя от источника к субъекту, ее получающему. При возникновении необходимости хранения и использования смысловой части (сведений) свою роль выполняет другой элемент, другая составляющая информации – организационная часть, подразумевающая наличие определенных операций, действий, программ.

В-третьих, информация имеет направленный характер (от объекта к субъекту). Подлежит непосредственному исследованию субъектом, к которому она обращена. Субъекты и объекты-носители имеют различия в воспри-

ятии и отражении сведений как с качественной, так с количественной стороны. Восприятие информации зависит от свойств субъекта, таких, как интеллектуальный уровень, в том числе словарный запас, психологическое своеобразие, уровень эмоциональной устойчивости, потребности, интересы. Восприимчивость же объектов-носителей связана с физическими свойствами.

В-четвертых, информация, будучи всегда связана с некоторым материальным носителем, составляет с ним некое единство сведений.

В-пятых, она множественна, поскольку несколько объектов-носителей могут отражать в себе сведения об одном и том же явлении или событии. На одном и том же носителе может одновременно находиться информация от нескольких источников, не связанных друг с другом. Одна и та же информация может переходить с одного носителя на другой.

В-шестых, информация может быть выражена в различных формах (устной и письменной).

Некоторым свойствам информации необходимо уделить особое внимание и рассмотреть их более подробно.

Отличительным свойством информации является полезность, которая оценивается субъектом, принимающим решение, с точки зрения первичных признаков: релевантности (отнесения сведений к проблемной ситуации) и новизны (способность сведений дополнить знания о проблемной ситуации).

В данном случае «проблемной для субъекта, принимающего решения, является ситуация неопределенности (свободы) выбора. Проблемная ситуация – расхождение между действительным и желаемым состоянием, которое можно ликвидировать не единственным путем» [8]. Назначением информации становится снятие неопределенности (свободы) выбора. Потенциальная ценность сведений и их реальная информационная полезность различны. Полезность информации находится в прямой зависимости от способности сведений повлиять на выбор решения в конкретной проблемной ситуации.

Возможность сведений быть точными, относимыми, полными, достоверными, своевременными, оперативными и достаточными делает их статический аспект predisposed к воздействию динамического аспекта. Активность последнего приводит к опре-

деленной ценностной реализации, удовлетворению потребностей, интересов, достижению целей, разрешению проблем.

Литература

1. Анисимова, Л. Е. Информация как отражение / Л. Е. Анисимова // Вестник ЛГУ. – 1968. – № 11. – Вып. 2.
2. Ахлибининский, Б. В. Информация и система / Б. В. Ахлибининский. – Л.: Изд-во Лениздат, 1969. – 211 с.
3. Бедняков, Д. И. Непроцессуальная информация и расследование преступлений / Д. И. Бедняков. – М.: Изд-во Юридическая литература, 1991. – 208 с.
4. Белкин, А. Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве / А. Р. Белкин. – М.: Изд-во Норма, 2005. – 528 с.
5. Бриллюэн, Л. Наука и теория информации / Л. Бриллюэн. – М.: Изд-во Физматгиз, 1960. – 391 с.
6. Винер, Н. Кибернетика и общество / Н. Виннер. – М.: Издательство иностранной литературы, 1958. – 199 с.
7. Вяткин, В. Б., Синергетическая теория информации: пояснения и терминологические замечания // Научный журнал КубГАУ. – 2012. – № 80. – С. 2.
8. Жолобов, Ю. В. Социальная информация – определение понятия / Ю. В. Жолобов. URL: http://libconfs.narod.ru/2000/1s/1s_p10.htm.
9. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М.: Изд-во ОНИКС, 2006. – 976 с.
10. Новик, И. Б. В. И. Ленин о единстве мира / И. Б. Новик. – М.: Изд-во Соцэкономиздат, 1959.
11. Новик, И. Б. Философские идеи Ленина и кибернетика / И. Б. Новик. – М.: Изд-во Знание, 1969. – 48 с.
12. Полевой, Н. С. Криминалистическая кибернетика / Н. С. Полевой. – М.: Изд-во МГУ, 1989. – 328 с.
13. Романенко, В. Н. Многозначность понятия «информация» / В. Н. Романенко, Г. В. Никитина // Философия науки. – 2010. – № 4. – С. 81.
14. Симанков, В. С. Адаптивное управление сложными системами на основе теории распознавания образов / В. С. Симанков, Е. В. Луценко. URL: <http://victor-safronov.narod.ru/systems-analysis/books/simankov-lucenko/17.html>.

15. Тарасенко, Ф. П. К определению понятия «информация» в кибернетике / Ф. П. Тарасенко // Вопросы философии. – 1963. – № 3. – С. 80.

16. Урсул, А. Д. Информация. Методологические аспекты / А. Д. Урсул. – М.: Изд-во Наука, 1971. – 295 с.

17. Урсул, А. Д. Природа информации / А. Д. Урсул. – М.: Изд-во Политиздат, 1968. – 288 с.

18. Харкевич, А. А. О ценности информации / А. А. Харкевич. – М.: Изд-во Физматгиз, 1960. – 305 с.

19. Хартли, Р. В. Передача информации / Р. В. Хартли. – М.: Изд-во Физматгиз, 1959. – 328 с.

20. Хургин, В. М. Об определении понятия «информация» / В. М. Хургин. URL: http://www.aselibrary.ru/digital_resources/journal/irr/2007/number_3/number_3_6/number_3_6571/.

21. Шеннон, Р. Имитационное моделирование систем - искусство и наука / Р. Шеннон. – М.: Изд-во Мир, 1978. – 424 с.

22. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Хронология_развития_теории_информации.

Пахомова Виталия Анатольевна – аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики, Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск). E-mail: murzina_vitaliya@mail.ru.

Bulletin of the South Ural State University
Series "Law"
2013, vol. 13, no. 4, pp. 59–64

THE NOTION OF INFORMATION AND ITS HISTORICAL DEVELOPMENT

V. A. Pakhomova
South Ural State University (Chelyabinsk)

Originally information is connected with communication between people and it is of a social character but it is not the only way of its existence and application. Information is also peculiar to other human beings; moreover, it is peculiar to different devices. Information is a basic source of modern society. It is an object of relations, an objective, means and a term to achieve the results; it is a product of a specific price in a material and theoretical meanings. Information is one of the key categories of modern processes as well as the process of cognition. However it is ambiguous and doesn't have any borders and limits of its understanding in science. This problem is still to be solved.

Keywords: information, theory of sets and combinatorics, reflection category.

Vitalia Anatolievna Pakhomova – postgraduate student of Criminal Procedure and Criminalistics Department, South Ural State University (Chelyabinsk). E-mail: murzina_vitaliya@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 17 октября 2013 г.

СОДЕРЖАНИЕ ФУНКЦИИ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ

Н. В. Ткачева

Уральский филиал Российской академии правосудия (г. Челябинск)

Исследуется определение понятия «функция» в правовой науке. Делается вывод о том, что данное понятие употребляется для характеристики социальной роли государства и права. Данный термин многозначен и приемлем для характеристики любых динамических структур. С функцией связывается направленное избирательное воздействие системы (структуры, целого) на определенные стороны внешней среды. Определяется природа понятий «функция государства», «функция права», «функция судебной власти» с точки зрения мнений ученых по данному вопросу. Анализ понятий «функция государства» и «функция права» позволяет сделать вывод о том, что базовой функцией государства является организация социума для его развития с использованием при этом права как инструмента для регулирования общественных отношений. Формулируется вывод о том, что содержание функции судебной власти базируется на функциях права и производно от функций государства.

Ключевые слова: функция права, функция государства, функция судебной власти, регулирование общественных отношений, содержание функции.

В правовой науке понятие «функция» употребляется для характеристики социальной роли государства и права. Данный термин многозначен и приемлем для характеристики любых динамических структур. С функцией связывается направленное избирательное воздействие системы (структуры, целого) на определенные стороны внешней среды. Чтобы определиться с природой функции рассмотрения и разрешения уголовного дела, стоит обратить внимание на то, как к понятию «функция» и понятиям «функция государства», «функция права», «функция судебной власти» подходят ученые-юристы.

Относительно понятий «функция государства», «функция права», «функция судебной власти» нам удалось обнаружить следующие высказывания ученых.

Начать исследование данного вопроса хотелось бы с высказывания И. Я. Фойницкого: «Суд в современном процессуальном строе есть функция государственной власти» [27, с. 13]. Большинство авторов современности придерживаются определения функций государства через направления его деятельности, при этом к числу функций они относят самые разнообразные направления его деятельности [21]. Некоторые авторы дополняют этот подход более расширительным толкованием, суть

определения от которого не меняется. Например, функции государства – основные направления его деятельности, направленные на поддержание собственной системной целостности [17, с. 548]; в направлениях деятельности выражается сущность государства как социального явления [14, с. 169]. Абсолютно согласны с авторами, которые высказывают точку зрения о подвижности, эволюционности функций государства. Так, В. В. Сорокин и В. А. Владимиров считают, что функции государства изменяются по мере развития общественных отношений и государственно-правовой системы [5, 20]. Функции государства определяются как основные направления его деятельности, направленные

на поддержание собственной системной ценности [17, с. 548–549]. При этом автор данного понятия А. В. Поляков подчеркивает, что, с одной стороны, через свои функции государство задает параметры социально-правовой коммуникации и ее конфигурацию, а, с другой стороны, функции зависят от типа и формы государства. Полагаем, что наличие такой двухсторонней зависимости важно, так как, переложив эту зависимость на понятие функции уголовного судопроизводства и в частности на понятие функции рассмотрения и разрешения уголовного дела, мы выявим

подобные зависимости. Функции государства определяются как «основные направления его политической деятельности, в которых выражается сущность и социальное назначение власти» [18, с. 193]; «основные направления его деятельности, выражающие сущность и назначение государства в обществе» [4, с. 124]. Представляется, что такой подход наиболее приемлем, поскольку он затрагивает, на наш взгляд, наиболее важные отправные понятия – цели и задачи государства, которые должны быть положены в основу функционирования. Полагаем, что именно с этой точки зрения необходимо подходить к определению уголовно-процессуальных функций, т.е. с точки зрения цели и задач уголовного судопроизводства.

Термин «функция права» встречается в юридической литературе в различных смысловых значениях.

В первую очередь следует отметить, что еще И. Кант определил: «Право – это совокупность условий, при которых произвол одного [лица] совместим с произволом другого с точки зрения всеобщего закона свободы» [7, с. 285]. Именно поэтому необходимо рассматривать функции права с позиции того, что право есть регулятор общественных отношений, так как «право ... нацелено на то, чтобы ввести в жизнь людей начала всеобщей «нормальности», единой упорядоченности, общепризнанности» [1, с. 313]. Представляется, что определение И. Г. Фихте предназначения позитивного права можно взять за основу при определении функции права – «максимально унифицировать сферу грубого, материального плана человеческого бытия» [25, с. 177].

Функция права – социальное назначение права, либо направление правового воздействия на общественные отношения, либо и то, и другое вместе взятое [22, с. 252]. В. И. Гойман и Т. Н. Радько отмечают следующие особенности функций права, которые, на наш взгляд, отражают сущность понятия «функция»: функции права, производные от его сущности (функции – это «свечение» сущности права в общественных отношениях); функции права – это такие направления его воздействия на общественные отношения, потребность в осуществлении которых порождает необходимость существования права как социального явления; функции права направлены на осуществление коренных задач, стоящих перед правом на данном этапе развития общества;

признаками функции права является ее динамизм, движение, действие; функция характеризуется постоянством, т.е. непрерывностью, длительностью ее действия [16, с. 124].

Как отмечает С. С. Алексеев, что «представляется принципиально важным с необходимой строгостью очертить функции права как регулятора. Это: воспроизводство данной социальной системы; утверждение в жизни общества нормативных начал; регулятивное правовое воздействие на общественные отношения». Более того, С. С. Алексеев подчеркивает, что «в последнее время в связи с углубляющейся разработкой общетеоретических и философско-правовых проблем намечаются новые подходы к освещению функций права как нормативно-ценностной регулирующей системы» [1, с. 314].

Е. Г. Лукьянова детализирует функцию процессуального права, указывая, что под ней следует понимать «основное направление правового воздействия на общественные отношения, обусловленное его служебной ролью – регулированием юрисдикционной и иной охранительной деятельности уполномоченных субъектов» [13, с. 88].

Анализ понятий «функция государства» и «функция права» позволяет сделать вывод о том, что базовой функцией государства является организация социума для его развития с использованием при этом права как инструмента для регулирования общественных отношений.

«Право по своей сути определяется деятельностью беспристрастного суда, арбитра, решающего споры и конфликты, определяющего ... было ли совершено правонарушение и, если было, какому наказанию (взысканию) подлежит виновный» [11, с. 81]. Поэтому полагаем, что самое время определиться с функциями судебной власти. Сделать это будет не просто, так как данному вопросу уделяется большое внимание ученых, однако единого мнения до сих пор не сформировалось. Обратим внимание на то многообразие точек зрения, которое сложилось в юридической литературе на этот счет.

Еще Аристотель говорил о судебной власти с точки зрения способов ее устройства: «различие судов складывается в трех отношениях: из кого судьи, что подлежит их суду, каким образом судьи назначаются; иными словами, кто судьи, т.е. назначаются они из числа всех граждан или из числа некоторых; что подлежит их суду – иначе, сколько иде-

альных видов суда существует; как судьи назначаются – по жребию или путем избрания» [3, с. 523].

Взяв за основу традиционный подход к определению функций судебной власти как основных направлений деятельности судебной власти [2, с. 62], приведем мнения ученых относительно разнообразия функций судебной власти. Так, к функциям судебной власти относят «ограждение прав, законом дарованных, против всех нарушителей». «Суд ограждает права государственные, общественные и личные. Поэтому естественно, что одной из важнейших функций судебной власти признается ограждение свободы личности, на стражу которой становится суд для устранения посягательств, направленных против нее как преступными действиями частных лиц, так и распоряжениями властей посторонних» [26, с. 183–184]. Функциями судебной власти являются правосудие, судебный контроль, конституционный контроль, толкование Конституции, судебный надзор, воспитательная функция, функция предупреждения правонарушений, выступление с законодательной инициативой, обобщение судебной практики, анализ судебной статистики [12, с. 13]; надзор за судебной деятельностью нижестоящих судов со стороны вышестоящих, контроль за организацией работы судебных органов [19, с. 97, 99]; правотворчество [6, с. 20]; защита конституционных прав и свобод человека и гражданина как единственная функция судебной власти [9, с. 45]; защита судом прав и свобод личности [23, с. 26]; судопроизводство – основная функция судебной власти, ибо ее социальное назначение реализуется только в форме судопроизводства [15, с. 18]; судебная власть должна обеспечить господство права [10, с. 5]; наряду с правосудием в механизме государства суды вынуждены выполнять и иные функции [8, с. 180].

Д. В. Фетищев подчеркивает связь функций судебной власти и состав ее полномочий в системе государственно-властного механизма [24, с. 60]. Более того, интересен вывод Н. А. Колоколова о том, что понятие «функции государственной власти» полностью охватывает понятие «функции власти судебной», поскольку судебная власть, во-первых, является составной частью государственной власти, в силу чего суды, действуя во имя достижения общегосударственных целей, только им свойственными методами и средств-

вами разрешают задачи, стоящие не столько перед судами как носителями власти сначала государственной, а затем уже и судебной, сколько перед государством в целом. Во-вторых, все свои решения суды принимают именем государства [8, с. 199].

Таким образом, содержание функции судебной власти базируется на функциях права и производно от функций государства. Представляется, это объясняется тем, что судебная власть в России – одна из трех равноправных ветвей государственной власти, действующая самостоятельно и независимо от законодательной и исполнительной ветвей. Заложенные в Конституции России основы судебной власти позволяют говорить о том, что государство строго устанавливает принадлежность реализации функций судебной власти: «Правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом» (ч. 1 ст. 118 Конституции РФ). При этом Основным законом устанавливаются исчерпывающие виды судопроизводств, среди которых указано и уголовное судопроизводство (ч. 2 ст. 118 Конституции РФ).

Литература

1. Алексеев, С. С. *Право: азбука – теория – философия: опыт комплексного исследования* / С. С. Алексеев. – М.: Статут, 1999. – 712 с.
2. Анишина, В. И. *Основы судебной власти и правосудия в РФ: курс лекций* / В. И. Анишина. – М.: Эксмо, 2008. – 272 с.
3. Аристотель. *Политика: соч. в 4 т.* / под общ. ред. А. И. Доватура / Аристотель. – М.: Мысль, 1983. – Т. 4. – 456 с.
4. Афанасьев, В. С. *Общая теория государства и права: учебник* / под ред. В. В. Лазарева / В. С. Афанасьев. – М.: НОРМА, 1996. – 765 с.
5. Владимиров, В. А. *Основные функции посткоммунистического государства в области внутренней политики: учебное пособие* / В. А. Владимиров. – Тверь: ТГУ, 1992. – 82 с.
6. Жуйков, В. М. *К вопросу о судебной практике как источнике права. Судебная практика как источник права* / В. М. Жуйков. – М.: Институт государства и права РАН, 1997. – 345 с.
7. Кант, И. *Критика практического разума: соч. в 6 т.* / И. Кант. – СПб.: Дом книги, 2007. – Т. 4. – Ч. 1, 2. – 418 с.

8. Колоколов, Н. А. О праве, суде и правосудии (избранное) / Н. А. Колоколов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2006. – 687 с.
9. Лазарева, В. А. Судебная власть и ее реализация в уголовном процессе / В. А. Лазарева. – Самара: Самарский университет, 1999. – 136 с.
10. Лебедев, В. М. Судебная власть в современной России: проблемы становления и развития / В. М. Лебедев. – СПб.: Лань, 2001. – 384 с.
11. Лейст, О. Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права / О. Э. Лейст. – М.: Зерцало, 2002. – 279 с.
12. Ливиц, Р. З. Государство и право в современном обществе. Теория права: новые идеи. – М.: ИГиП РАН, 1991. – Вып. 1. – 184 с.
13. Лукьянова, Е. Г. Теория процессуального права / Е. Г. Лукьянова. – М.: НОРМА, 2003. – 240 с.
14. Милль, Дж. С. Утилитаризм. О свободе / С. Дж. Милль. – СПб.: Типография М. О. Вольфа, 1882. – 602 с.
15. Михайловская, И. Б. Общая теория судебной власти. Судебная власть в системе разделения властей / И. Б. Михайловская. – М.: Проспект, 2003. – 720 с.
16. Общая теория государства и права: учебник / под ред. В. В. Лазарева. – М.: Юрист, 1996. – 472 с.
17. Поляков, А. В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: курс лекций / А. В. Поляков. – СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2004. – 864 с.
18. Раянов, Ф. М. Проблемы теории государства и права (юриспруденции): учебный курс / Ф. М. Раянов. – М.: Право и государство, 2003. – 304 с.
19. Ржевский, В. А. Судебная власть в Российской Федерации: конституционные основы организации и деятельности / В. А. Ржевский, Н. М. Чепурнова. – М.: Юрист, 1998. – 216 с.
20. Сорокин, В. В. Государство переходного периода: теоретические вопросы / В. В. Сорокин. – Барнаул: Алтайский полиграфический комбинат, 2000. – 512 с.
21. Сырых, В. М. Теория государства и права / В. М. Сырых. – М.: Былина, 1998. – 512 с.
22. Теория государства и права / под ред. В. К. Бабаева. – М.: Юрист, 1999. – 592 с.
23. Топорнин, Б. Суд и разделение властей / Б. Топорнин // Вестник Верховного Суда СССР. – 1991. – № 6.
24. Фетищев, Д. В. Судебная власть в механизме государства: вопросы теории и практики: монография / Д. В. Фетищев. – М.: Научная книга, 2007. – 285 с.
25. Фихте, И. Г. Соч.: в 2 т. – СПб.: Дом книги, 1993. – Т. 2. – 678 с.
26. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства / И. Я. Фойницкий. – СПб.: Альфа, 1996. – Т. 2. – 607 с.
27. Фойницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Хрестоматия по уголовному процессу России: учебное пособие / И. Я. Фойницкий. – М.: Городец, 1999. – Т. 1. – 272 с.

Ткачева Наталья Викторовна – кандидат юридических наук, доцент, заместитель директора по научной работе, заведующий кафедрой уголовно-процессуального права, Уральский филиал Российской академии правосудия (г. Челябинск). E-mail: tanavi@list.ru.

THE CONTENT OF FUNCTIONS FOR JUDICIAL POWER

N. V. Tkachyova

Russian Academy of Justice, Ural branch (Chelyabinsk)

The notion of function in law is analyzed. The conclusion is made on the fact that this term is used to characterize a social role of state and law. This term has a lot of meanings and is used to characterize any dynamic structure. The function is connected with an intent selective effect of the system (structure, the whole) on specific components of external environment. The notion of the terms state function, function of law, judicial power function are determined from the viewpoints of the scholars. Analysis of the terms «State function» and «function of law» helps to make the conclusion that basic function of a state is the environment to develop a state with the use of law as a tool for regulation of public relations. The conclusion on the fact, that judicial power function is based on the function of law and is derived from state function, is made.

Keywords: function of law, state function, judicial power function, regulation of public relations, subject of function.

Natalia Viktorovna Tkachyova – Candidate of Science (Law), Associate Professor, Vice-director for Scientific Research, head of Criminal Procedure Law, Russian Academy of Justice, Ural branch (Chelyabinsk). E-mail: tanavi@list.ru.

Статья поступила в редакцию 23 сентября 2013 г.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ СРОКОВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

К. Ю. Хатмуллин

Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск)

Статья посвящена различному пониманию правовой природы процессуальных сроков в уголовном судопроизводстве. Подробно рассматриваются точки зрения на процессуальные сроки как один из видов право-временных средств в правовом регулировании уголовного судопроизводства, проводится разграничение понятия процессуальных сроков и длительностей в уголовном судопроизводстве. Анализируется понятие процессуальных сроков как гарантий правосудия и гарантий прав личности, как одного из элементов уголовно-процессуальной формы, а также механизма процессуального регулирования. Соблюдение процессуальных сроков рассматривается как критерий эффективности уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: гарантии прав личности, гарантии правосудия, процессуальные сроки и длительности, механизм процессуального регулирования, процессуальная форма, эффективность уголовного судопроизводства.

Введение ст. 6.1 в Уголовно-процессуальный кодекс РФ является следствием решений Европейского Суда по правам человека, принятых в отношении России о чрезмерном затягивании сроков расследования и разрешения уголовных дел. В связи с этим по-новому звучит вопрос в теории уголовного судопроизводства о процессуальных сроках, их видах и природе.

В учении о право-временных средствах в уголовном судопроизводстве природа процессуальных сроков рассматривалась в зависимости от тех задач, которые решал тот или иной исследователь данной проблемы.

Рассмотрим наиболее известные точки зрения на природу процессуальных сроков.

В юридической литературе используется термин «право-временные средства», который охватывает своим содержанием не только процессуальные сроки, установленные уголовно-процессуальным кодексом, соблюдение которых требуется от государственных органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, и граждан, участвующих в уголовном судопроизводстве, но и так называемые длительности.

В частности, В. М. Жуковский делит право-временные средства на длительности-сроки и длительности, сроками не являющиеся [3, с. 7]. Процессуальные сроки, определенные уголовным процессуальным законом, выражены в определенном промежутке вре-

мени, границами которого является определенное количество времени, исчисляемое месяцами, сутками, часами. Процессуальные сроки формально определены и не могут превышать определенное количество времени, указанное в законе для совершения действия или принятия решения.

Длительности же не задаются формально-определенными временными показателями в определенном точно установленном количестве промежутка времени, они определяются через оценочные категории (например, требование УПК РФ о немедленном допросе лица после предъявления ему обвинения). Такие длительности, как протяженность судебного следствия, судебных прений, момент возможности предъявления гражданского иска в уголовном процессе, разумность сроков уголовного судопроизводства, являются основой для оценки с точки зрения своевременности и разумности совершения действий и принятия решений, для толкования норм права, устанавливающих такие длительности, разумность которых определяется не только определенной протяженностью во времени, но целой совокупностью условий, которые подлежат оценке. Поэтому с точки зрения правовой природы именовать эти длительности процессуальными сроками не совсем верно. Следует согласиться с мнением Г. Б. Петровой, которая верно отметила: «Если относить к числу процессуальных сроков все временные про-

тяженности в уголовном процессе, то это приведет к смешению таких временных связей и отношений как длительность, последовательность и одновременность, с одной стороны, и такого явления, как срок, с другой стороны» [8, с. 15–16].

В юридической литературе также высказывается точка зрения относительно существования процессуальных сроков-моментов, под которыми понимаются протяженности во времени, регламентированные в уголовно-процессуальном законе путем указания на совершение процессуального действия или принятия решения сразу после начала его течения максимально короткого времени, «до» или одновременно с производством другого процессуального действия либо сразу после его осуществления [14, с. 148]. Для обозначения данных сроков-моментов законодатель использует такие термины, как «немедленно», «незамедлительно».

По нашему мнению, такие сроки-моменты являются разновидностью длительностей как право-временных средств.

В юридической литературе процессуальные сроки рассматриваются как разновидность гарантий прав личности и правосудия, как элемент процессуальной формы, как элемент механизма уголовно-процессуального регулирования.

Рассмотрим право-временные средства как разновидность процессуальных гарантий уголовного судопроизводства. Данный взгляд на природу процессуальных сроков и длительностей получил достаточно широкое распространение.

Гарантии рассматриваются как система средств, способов и условий, установленных в нормах уголовно-процессуального права, которые содействуют успешному осуществлению задач уголовного судопроизводства, обеспечению и защите прав и законных интересов участвующих в уголовном судопроизводстве лиц [10, с. 56]. Поскольку процессуальные сроки и длительности также установлены уголовно-процессуальными нормами, то их также необходимо относить к уголовно-процессуальным гарантиям. В теории уголовного процесса уголовно-процессуальные гарантии принято делить на процессуальные гарантии уголовного судопроизводства и гарантии прав личности [10, с. 56]. В. И. Каминская высказала мысль о том, что такое деление не вполне корректно, поскольку любая

гарантия прав личности является одновременно и гарантией правосудия и уголовного судопроизводства, поскольку конечной целью уголовного судопроизводства является соблюдение прав личности [5, с. 56]. Мы полагаем, что в современном уголовном процессе особое внимание уделяется правам личности, и провозглашение в ст. 6 УПК РФ в качестве назначения уголовного судопроизводства не только привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших преступление, но и освобождение от уголовной ответственности невиновных, а также защита прав и интересов потерпевших от преступления свидетельствуют о некоторой условности деления гарантий на гарантии прав личности и гарантии уголовного судопроизводства. Применительно к право-временным средствам можно сказать, что часть процессуальных сроков и длительностей направлена на обеспечение прав личности в большей степени, в меньшей – на обеспечение уголовного судопроизводства, например, речь может идти о сроке задержания. Часть процессуальных сроков направлена в большей степени на законность уголовного судопроизводства и в меньшей – является гарантией права личности (например, к таким процессуальным срокам можно отнести процессуальные сроки обжалования, не вступивших в силу решений по уголовным делам). Эти примеры показывают условность приведенной классификации право-временных средств как гарантий уголовного судопроизводства, о чем неоднократно указывалось в литературе [2, с. 11–12; 7, с. 27].

Впервые мысль о значении процессуальных сроков в уголовном судопроизводстве как средств регулирования уголовно-процессуальных правоотношений была высказана А. П. Гуляевым [2, с. 5]. Данная идея получила дальнейшее развитие в диссертации Г. Б. Петровой и вышедшей в 2006 году ее монографии [8].

На механизм правового регулирования и его элементы имеется несколько точек зрения. В частности, под механизмом правового регулирования понимают «системно-динамический срез правовой действительности, анатомию юридического воздействия, взятую в единстве всю совокупность юридических средств, при помощи которых обеспечивается воздействие на общественные отношения» [1, с. 29–30].

Также под механизмом правового регулирования понимают систему правовых средств, организованных наиболее последовательным образом в целях преодоления препятствий, стоящих на пути удовлетворения интересов субъектов права [6, с. 625].

Л. Б. Зусь механизм правового регулирования определяет как «целостное системное правовое образование, которое состоит из основных предпосылок возникновения, изменения и прекращения уголовно-процессуальных отношений, а также самих уголовно-процессуальных отношений, в совокупности обеспечивающих правовое регулирование общественных отношений в сфере уголовного судопроизводства [4, с. 7–8].

В. Д. Холоденко под механизмом уголовно-процессуального регулирования понимает созданную посредством метода регулирования систему правовых средств, содержащихся в нормах разного содержания и уровня, характерных своими правовыми способами воздействия на предмет регулирования [12, с. 11].

Однако, несмотря на различие в понимании механизма правового регулирования, большинство ученых выделяют следующие элементы механизма правового регулирования: нормы права, акты реализации прав и обязанностей, акты применения права и юридические факты. С. С. Алексеев в своих работах выделял такой элемент механизма правового регулирования, как общественные отношения.

Поскольку временно-правовые средства могут выступать в качестве норм права, в качестве юридических фактов, а также сроки могут быть установлены правоприменительными актами, их роль в правовом воздействии неодинакова.

По значению для правового регулирования все временно-правовые средства могут быть разделены на несколько видов.

Во-первых, нормативно-правовые сроки, временные промежутки, установленные для совершения определенных действий и принятия соответствующих решений в нормах права и являющиеся нормативно-правовым средством воздействия на правоотношения. Нормативно-правовые сроки установлены в диспозициях норм права с целью неперсонифицированного воздействия на однотипные правоотношения, складывающиеся в процессе расследования и разрешения уголовных дел в виде дозволений, обязываний и запретов.

Таким образом, процессуальные сроки не сами по себе являются элементом механизма правового воздействия, а только в тех случаях, когда они закреплены в норме права.

Во-вторых, казуальные сроки. Под казуальными сроками принято понимать индивидуально-определенные границы времени, установленные правоприменительным актом в целях реализации субъективных прав и юридических обязанностей участников правоотношений на основе минимально или максимально установленных законом пределов временных границ. В механизме правового регулирования данные сроки являются составной частью правоприменительных актов и, будучи установленными применительно к конкретному случаю и обязывающими соблюдать этот срок конкретного субъекта уголовно-процессуальных отношений, воздействуют на их возникновение, изменение или прекращение.

Данные право-временные средства носят индивидуальный характер, основаны на нормах права и конкретных процессуальных обстоятельствах, сложившихся к моменту совершения процессуального действия и принятия решения по уголовному делу.

Фактические правовые сроки представляют собой промежутки времени, истечение которых влечет за собой возникновение, изменение и прекращение правоотношения. Именно истечение данных сроков выступает в роли юридических фактов как элемента механизма регулирования уголовно-процессуальных правоотношений. Характерно, что фактические сроки обычно закреплены в гипотезе нормы права и их истечение является предпосылкой, условием возникновения, изменения или прекращения правоотношения.

Фактические сроки и их истечение имеют конкретный характер и применяются к конкретному процессуальному правоотношению, являясь юридическим фактом.

Следующий взгляд на право-временные средства как на элемент процессуальной формы передает функциональное назначение процессуальных сроков и длительностей в уголовном судопроизводстве: процессуальные сроки помогают избежать чрезмерной торопливости, поспешности и поверхностности в расследовании и разрешении уголовных дел, а

с другой стороны – бесконечности расследования и волокиты в деятельности правоприменителей.

Под процессуальной формой следует понимать явление предельной общности, которое представляет собой установленные нормами права условия совершения процессуальных действий и принятия процессуальных решений органами, осуществляющими уголовное судопроизводство, а также условия реализации прав и исполнения обязанностей иными участвующими в уголовном судопроизводстве лицами [13, с. 7].

Право-временные средства большинством авторов включаются в число элементов процессуальной формы, как в широком, так и в узком смыслах, т.е. они считают их элементом как процессуального порядка производства отдельных процессуальных действий, так и принятия процессуальных решений [11, с. 50]. Указание в нормах уголовно-процессуального права на время совершения определенного действия или принятия решения является неотъемлемой частью процессуального порядка производства данного следственного действия. Например, производство следственного действия и получение в ходе его доказательств за пределами сроков предварительного расследования дела делают это следственное действие и его результаты юридически ничтожными. Составление обвинительного заключения за пределами сроков предварительного расследования также делает данное обвинительное заключение юридически ничтожным и влечет за собой возвращение дела на дополнительное расследование прокурором или возвращение дела прокурору судом.

М. С. Строгович определял процессуальные сроки и их соблюдение как необходимое условие для того, чтобы определенное процессуальное действие имело юридический эффект [10, с. 201]. Другими словами, соблюдение процессуальных сроков является одним из критериев эффективности уголовного судопроизводства. Именно такой взгляд на природу процессуальных сроков имеет практическое значение критерия эффективности уголовного судопроизводства, который требует исследования и разработки в свете решений Европейского Суда по правам человека.

Литература

1. Алексеев, С. С. *Механизм правового регулирования в социалистическом государстве* / С. С. Алексеев. – М.: Юрид. лит., 1966. – 187 с.

2. Гуляев, А. П. *Процессуальные сроки в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования* / А. П. Гуляев. – М.: Юрид. лит., 1976. – 144 с.

3. Жуковский, В. М. *Проблема времени и своевременности в советском уголовном процессе: автореферат дис. ... канд. юрид. наук* / В. М. Жуковский. – Свердловск: Сверд. юрид. ин-т, 1989. – 18 с.

4. Зусь, Л. Б. *Механизм уголовно-процессуального регулирования: учебное пособие* / Л. Б. Зусь. – Владивосток: РИО Дальневосточного ун-та, 1978. – 56 с.

5. Каминская, В. И. *В чем значение процессуальных гарантий в советском уголовном процессе?* / В. И. Каминская // *Советское государство и право*. – 1950. – № 5. – С. 56.

6. Малько, А. В. *Механизм правового регулирования. Теория государства и права. Курс лекций* / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. – М., 1997. – 139 с.

7. Маслов, И. В. *Правовая регламентация уголовно-процессуальных сроков (досудебное производство): монография* / И. В. Маслов. – М.: Юрлитинформ, 2004. – 160 с.

8. Петрова, Г. Б. *Сроки как элемент правового регулирования уголовно-процессуальной деятельности* / Г. Б. Петрова. – Саратов: Изд-во Саратовской государственной академии права, 2006. – 182 с.

10. Строгович, М. С. *Курс советского уголовного процесса. в 2 т.* / М. С. Строгович. – М.: Наука, 1968. – Т. 1. – 468 с.

11. Холоденко, В. Д. *Процессуальный порядок производства отдельных следственных действий и вопросы его совершенствования* / В. Д. Холоденко // *Проблемы повышения качества следствия в органах прокуратуры: материалы научно-практической конференции*. – Саратов, 1994. – С. 50.

12. Холоденко, В. Д. *Уголовно-процессуальное регулирование деятельности следователя: автореферат дис. ... канд. юрид. наук* / В. Д. Холоденко. – Саратов, 1979.

13. Якуб, М. Л. *Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве* / М. Л. Якуб. – М., Юрид. лит., 1981. – 144 с.

14. Якупов, Р. Х. *Уголовный процесс: учебник для вузов* / Р. Х. Якупов. – М.: ЗЕРЦАЛО, 1999. – 464 с.

Хатмуллин Камиль Юнусович – адвокат, соискатель кафедры уголовного процесса и криминалистики, Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск).

Bulletin of the South Ural State University
Series "Law"
2013, vol. 13, no. 4, pp. 70–74

LEGAL NATURE OF PROCEDURAL PERIODS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

K. Y. Khatmullin
South Ural State University (Chelyabinsk)

The article considers various views on legal nature of procedural periods in criminal proceedings. It is thoroughly studied the view on procedural periods as one of a temporary means in legal regulation of criminal proceedings; distinction between procedural periods and length in criminal proceedings is shown. The notion of procedural periods as a guarantee of justice and human rights, as an element of a criminal procedure form and as a mechanism of procedural regulation is analyzed. Compliance with procedural periods is considered to be a criterion of criminal proceedings efficiency.

Keywords: guarantees of human rights, guarantees of justice, procedural periods and length, mechanism of procedural regulation, procedural form, criminal proceedings efficiency.

Khatmullin Kamil Yunusovitch – attorney, aspirant of the Criminal Procedure and Criminalistics department of the South Ural State University (Chelyabinsk).

Статья поступила в редакцию 10 октября 2013 г.

Проблемы и вопросы гражданского права

УДК 340.141
ББК Х404.12+Х404.212.47

ПРАВОВАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ ОТНОШЕНИЙ ПО УПРАВЛЕНИЮ МНОГОКВАРТИРНЫМИ ДОМАМИ

Т. А. Береговая

Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск)

В статье рассматриваются отношения по управлению многоквартирными домами, исследуются зафиксированные законодателем цели управления (требования к управлению). Анализируя суть управления многоквартирным домом, автор пришел к выводу о том, что в основе управления заложен механизм по оказанию собственникам помещений в многоквартирном доме соответствующих услуг и выполнения работ, обеспечивающих благоприятные и безопасные условия проживания, надлежащее содержание общего имущества и предоставление коммунальных услуг. В статье проводится дифференциация исследуемых отношений исходя из принадлежности этих отношений к сферам частноправового и публично-правового регулирования.

Ключевые слова: управление многоквартирным домом, требования к деятельности по управлению многоквартирным домом.

В период действия ЖК РСФСР [1] отношения по управлению и эксплуатации жилищного фонда являлись сугубо публичными, в том числе административными. Поэтому некоторые авторы, по инерции перечисляя отношения, входящие в круг жилищных, управление многоквартирными домами относят к группе административных отношений [3, с. 41; 2, с. 9]. Другие, наоборот, утверждают, что управление домами из административно-правового регулирования перешло в гражданско-правовое [7, с. 7, 4].

Не соглашаясь ни с тем, ни с другим, приведем следующие доводы.

В советское время отношения по управлению жилищным фондом входили в круг как жилищной политики, так и жилищного законодательства. Управление возлагалось на специально уполномоченные государственные органы, а непосредственно управление осуществлялось жилищно-эксплуатационными организациями (см.: раздел II (ст. 16–27) Жилищного кодекса РСФСР). В названный раздел входили нормы, регулирующие отношения по техническому учету и контролю над использованием и сохранностью, которые также осуществлялись специальными государственными органами. Следовательно, эти органы и организации в рамках своей компетенции осуществляли управленческие функ-

ции самого государства. Соответственно управление жилищным фондом относилось к административному (публичному) регулированию и входило в круг жилищного законодательства.

Ныне действующий ЖК РФ содержит раздел VIII, но уже под иным названием: «Управление многоквартирными домами». Из оглавления и названия статей видно, что речь идет об управлении не всей совокупностью жилых помещений, которая и составляет жилищный фонд, а об управлении конкретными многоквартирными домами.

Раздел начинается со ст. 161 ЖК РФ, посвященной выбору способа управления многоквартирным домом, а впоследствии дополненной общими требованиями к деятельности по управлению многоквартирным домом [6]. Объем статьи при этом оказался большим и трудно воспринимаемым для рядовых собственников помещений. На наш взгляд, законодатель стоило требования к деятельности по управлению многоквартирным домом установить в отдельной статье. Данные требования обращены к лицам, которые по договорам с собственниками осуществляют деятельность по управлению и направлены на регулирование иного по существу процесса, чем выбор способа управления, обращенного непосредственно к собственникам помещений в мно-

гоквартирном доме. Тем более требования названы общими, что предполагает наличие специальных требований.

При диспозитивности, выражающейся в существовании нескольких вариантов способов управления многоквартирным домом, которые собственники помещений могут выбрать самостоятельно на общем собрании, законодатель установил императивную обязанность выбора соответствующего способа управления. Правовым последствием неисполнения данной обязанности является то, что орган местного самоуправления, на территории которого находится многоквартирный дом, проводит конкурс по отбору управляющей организации для управления этим домом. Тем самым в частный интерес внедряется публичный элемент в виде обязанностей органов местного самоуправления.

При анализе общих требований к деятельности по управлению многоквартирным домом прослеживаются многочисленные императивные нормы в виде установления ответственности субъектов, осуществляющих деятельность по управлению перед собственниками помещений в многоквартирном доме в зависимости от выбранного способа управления. Данные изменения мы расцениваем позитивно, так как это дает возможность более четкого выстроить отношения между собственниками помещений и субъектами, осуществляющими управление. Недоработкой законодателя считаем то, что не определено понятие управления многоквартирным домом, а перечисляются только его цели (требования к управлению). При этом раскрывается содержание только одной из них – надлежащее содержание общего имущества собственников помещений в многоквартирном доме. Данное требование тесно связано с другим, поставленным законодателем на первое место, – обеспечение благоприятных и безопасных условий проживания, соответственно то и другое требования не возможны без третьего – предоставление коммунальных услуг гражданам, проживающим в многоквартирном доме. Представляется, что перечисленные цели выражают в первую очередь общественный (публичный) интерес, так как в них отражена одна из важных функций государства – обеспечение жизнедеятельности людей, гарантированность беспрепятственного осуществления гражданами права на жилище. Направлены они не собственникам помещений непосредственно, а тем лицам (в большинстве

субъектам, профессионально занимающимся данным видом деятельности), с которыми собственники заключают договоры на оказание соответствующих услуг и выполнение работ. Поэтому так много императивных установлений при регулировании деятельности, направленной на обеспечение перечисленных целей и осуществления контроля над ней.

Заметим еще одну немаловажную деталь. В названии раздела VIII и ст. 161 ЖК РФ указывается объект управления – многоквартирный дом. Это вполне объяснимо с технической точки зрения, так как обеспечить безопасность и благоприятность проживания, предоставление коммунальных услуг, надлежащее содержание общего имущества в многоквартирном доме невозможно без осуществления тех же требований по отношению к жилым и нежилым помещениям. Поэтому деятельность по управлению распространяется на весь многоквартирный дом в целом.

Остается еще одна цель, ради которой устанавливается управление многоквартирным домом, – решение вопросов пользования общим имуществом в многоквартирном доме. На наш взгляд, здесь на первом месте стоит частный интерес собственников помещений, которые реализуют свои собственнические правомочия по владению, пользованию и в установленных законом пределах распоряжению общим имуществом в многоквартирном доме. Эти вопросы собственники помещений могут решить самостоятельно, не привлекая других лиц, хотя не исключена возможность делегирования своих полномочий другим лицам. Обозначенная цель управления направлена только на общее имущество в многоквартирном доме и практически не нормируется ЖК РФ, поэтому применим общедозволительный метод регулирования, т.е. собственники помещений могут использовать общее имущество в многоквартирном доме так, как не запрещено жилищным законодательством.

Представляется, что законодатель, определяя суть управления многоквартирным домом, заложил в основу управления не реализацию собственнических правомочий и обязанностей, входящих в содержание права общей собственности на общее имущество, а в первую очередь обеспечение механизма по оказанию собственникам помещений в многоквартирном доме соответствующих услуг и выполнению работ, обеспечивающих благоприятные и безопасные условия проживания,

надлежащее содержание общего имущества и предоставление коммунальных услуг.

Этот вывод подтверждается также и анализом ст. 162 ЖК РФ, посвященной договору управления многоквартирным домом при реализации самого распространенного способа управления управляющей организацией. Предметом данного договора выступает оказание услуг и выполнение работ управляющей организацией, что доказывает тезис о том, что данный договор призван обеспечить потребность собственников помещений в надлежащем содержании и ремонте общего имущества, предоставлении коммунальных услуг. Управляющая организация вправе осуществлять и иную направленную на достижение целей управления многоквартирным домом деятельность, например, собственники могут делегировать ей полномочия по решению вопросов пользования общим имуществом в многоквартирном доме. Но это, как представляется, вторично.

Нормы данной статьи, хотя и регулируют гражданско-правовой договор, имеют преимущественно императивную направленность.

В ст. 165 ЖК РФ даются указания органам местного самоуправления о необходимости создания условий для управляющих организаций, ТСЖ, жилищных кооперативов, собственников помещений, которые должны быть направлены на создание эффективного управления многоквартирными домами. В данной статье содержатся положения о полномочиях органов местного самоуправления по контролю над деятельностью управляющих организаций; об обязанностях управляющих организаций, ТСЖ, кооперативов предоставлять гражданам по их запросам соответствующую информацию, касающуюся оказания услуг и выполнения работ по содержанию и ремонту общего имущества в многоквартирных домах; об обязанностях различных организаций, осуществляющих поставки коммунальных ресурсов и оказывающих услуги и выполняющих работы по содержанию и ремонту общего имущества в многоквартирных домах предоставлять органам местного самоуправления соответствующую информацию о своей деятельности. Нормы данной статьи носят обязывающий и императивный характер регулирования.

Итак, управление жилищным фондом в широком понимании как функция государства

по строительству и эксплуатации жилищного фонда, обеспечению его безопасности и сохранности, коммунальному обслуживанию, техническому учету, контролю и надзору является проявлением публичного интереса и относится к области жилищной политики. Регулирование отношений по управлению жилищным фондом входит в круг жилищного законодательства только по некоторым вопросам, а именно по вопросам государственного технического учета жилищного фонда, осуществления контроля над его использованием и сохранностью; государственного жилищного надзора; по вопросам создания условий для эффективного управления многоквартирными домами; по контролю над деятельностью управляющих организаций, организаций, осуществляющих поставки ресурсов, необходимых для предоставления коммунальных услуг в многоквартирные дома, жилые дома, а также за лицами, оказывающими услуги и выполняющими работы по содержанию и ремонту общего имущества собственников помещений в многоквартирных домах.

Управление многоквартирным домом является проявлением как частного, так и публичного интересов, относится к комплексному институту, подпадающему, как под частноправовое, так и публично-правовое регулирование.

Есть и другое мнение по этому вопросу. Так, А. Е. Тарасова считает, что институт управления многоквартирным домом нельзя отнести к разновидности частного, он является публично ориентированным явлением, направленным на обеспечение и защиту общих и публичных интересов в равной степени с интересами частными [5, с. 90].

Поскольку многоквартирный дом состоит не только из жилых помещений, находящихся в индивидуальной собственности, но и из общего имущества, находящегося в общей собственности собственников помещений, то управление этим имуществом можно рассматривать как осуществление права собственности, в котором проявляется частный интерес. Однако, исходя из более широких целей управления многоквартирным домом, направленных на обеспечение благоприятных и безопасных условий проживания граждан, надлежащее содержание, предоставление коммунальных услуг, выполнение мероприятий по энергосбережению, осуществление капитального ремонта, видно, что в таком

управлении заинтересованы не только собственники, но и государство, и общество в целом.

Управление общим имуществом в многоквартирном доме мы рассматриваем как составную часть управления многоквартирным домом, но только в узком проявлении, как одну из составляющих цели управления многоквартирным домом – решение вопросов пользования и в установленных законом пределах распоряжения указанным имуществом. Это является проявлением частного интереса собственников общего имущества в конкретном многоквартирном доме и подпадает под регулирование жилищным и гражданским законодательством.

Исходя из принадлежности отношений по управлению жилой недвижимостью к сферам частноправового или публично-правового регулирования, выделим несколько групп:

- управление жилищным фондом как функция государства по строительству и эксплуатации жилищного фонда, обеспечению его безопасности и сохранности, организации коммунального обслуживания, техническому учету, контролю и надзору является проявлением публичного интереса, относится к сфере комплексного, преимущественно административного регулирования;

- управление многоквартирным домом в виде обеспечения надлежащей эксплуатации является проявлением частного и публичного интересов и относится к сферам частного и публичного регулирования, подпадает под регулирование жилищным, гражданским, административным законодательством;

- управление общим имуществом собственников помещений, расцениваемое как составная часть управления многоквартирным домом, в виде решения вопросов пользования и в установленных законом пределах распоряжения указанным имуществом является

проявлением частного интереса и относится к сфере частного регулирования, подпадает под регулирование жилищным и гражданским законодательством.

Представляется, что такая дифференциация отношений обусловлена комплексностью правового регулирования деятельности по управлению многоквартирными домами, и учет ее будет способствовать повышению эффективности осуществления данной деятельности.

Литература

1. Жилищный кодекс РСФСР от 24 июня 1983 г. // *Ведомости Верховного Совета РСФСР*. – 1964. – № 24. – Ст. 406.

2. *Комментарий к Жилищному кодексу Российской Федерации (постатейный)* / А. Ю. Бушуев (и др.) / под ред. О. А. Городова. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. – 320 с.

3. *Постатейный комментарий к Жилищному кодексу Российской Федерации* / под ред. П. В. Крашенинникова. – М.: Статут, 2005. – 653 с.

4. *Социальное законодательство. Научно-практическое издание* / отв. ред. Ю. А. Тихомиров, В. Н. Зеньков (автор главы IX «Современное жилищное законодательство» Т. Е. Мельник) // СПС «КонсультантПлюс».

5. Тарасова, Е. А. Правовая квалификация модели управления многоквартирными домами в жилищном законодательстве РФ / Е. А. Тарасова // *Жилищное право*. – 2011. – № 9. – С. 69–95.

6. Федеральный закон от 4 июня 2011 г. № 123-ФЗ «О внесении изменений в Жилищный кодекс РФ и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // *СЗ РФ*. – 2011. – № 23. – Ст. 3263.

7. Шешко, Г. Ф. Качество закона, или работа над ошибками / Г. Ф. Шешко, В. Н. Литовкин // *Закон*. – № 6. – 2005. – С. 6–12.

Береговая Татьяна Александровна – доцент кафедры гражданского права и процесса, Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск). E-mail: borzenkova87@rambler.ru.

LEGAL ASPECT OF THE TERMS OF APARTMENT BLOCKS ADMINISTRATION

T. A. Beregovaya
South Ural State University (Chelyabinsk)

The article considers the terms of apartment blocks administration; administrative objectives (requirements to administration) stipulated by law-maker are studied. Analyzing the core of apartment blocks administration the author comes to the conclusion that mechanism of services delivery and work performance to the owners of apartment blocks, which guarantee favourable and safe living conditions, proper treatment of common property and communal services. Differentiation of studied terms due to various spheres of private and public regulation is given in the article.

Keywords: apartment blocks administration, requirements to apartment blocks administration.

Tatiana Aleksandrovna Beregovaya – Associate Professor of Civil Law and Procedure Department, South Ural State University (Chelyabinsk). E-mail: borzenkova87@rambler.ru.

Статья поступила в редакцию 19 сентября 2013 г.

Проблемы и вопросы конституционного и административного права

УДК 342.4(470)+342.7
ББК Х400.11(2)+Х400.3

КОНСТИТУЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ИНСТИТУТ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

А. П. Гаранжа

Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск)

В статье рассматриваются вопросы совершенствования института Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. Акцент делается на фактическом отсутствии регулирования данного института в Конституции Российской Федерации. В статье обращается внимание на неполноту законодательного регулирования института Уполномоченного по правам человека как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов Федерации. Высказываются конкретные предложения в этой сфере.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, статус Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и уполномоченного по правам человека в субъектах Российской Федерации, поправки в Конституцию Российской Федерации, ответственность за вмешательство в деятельность омбудсменов.

Значительная часть отечественных и зарубежных исследователей отмечают, что институт Уполномоченного по правам человека на конституционном уровне в России фактически не урегулирован. Статья 103 Конституции Российской Федерации ограничивается лишь упоминанием об одном из полномочий Государственной Думы – назначении на должность и освобождении от должности Уполномоченного по правам человека, действующего в соответствии с федеральным конституционным законом [1]. Уместно обратить внимание на то, что большинство конституций зарубежных демократических государств содержат наиболее значимые положения об институте уполномоченного по правам человека.

Многие исследователи делают акцент и на имеющей место неполноте законодательного регулирования этого важнейшего института как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов Российской Федерации. Кроме того, как отмечает Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации в своем Докладе за 2012 год, в результате обострения конфликта между государственной властью и активной частью гражданского общества, возникло заметно больше, чем в

прошлые годы ситуаций, в которых Уполномоченный был вынужден действовать на основании ст. 21 «своего» Федерального конституционного закона, т.е. по собственной инициативе принимать к рассмотрению информацию о массовых или грубых нарушениях прав и свобод граждан, не дожидаясь поступления соответствующих жалоб. Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации обращает внимание Президента, Федерального Собрания, Правительства на то, что «в настоящее время в России происходит усиление «корпоративного» подхода некоторых государственных органов, зачастую рассматривающих своих критиков не просто как политических оппонентов, но и как «заклятых врагов». В итоге чрезмерной политизации многих традиционных аспектов правозащитной тематики сложились новые очаги напряженности в обществе, возник дефицит взаимной терпимости и самоограничения. Такое положение чревато радикализацией общественного протеста и мер противодействия ему со стороны государства, что не замедлило случиться. В подобных условиях защищать права и свободы человека на объективной неполитической основе чрезвычайно трудно» [4].

Возникает насущная необходимость комплексного научного исследования всех сторон деятельности института Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации с соответствующими выводами о его значении, целях, задачах, принципах, функциях, с рекомендациями по совершенствованию правового регулирования этой сферы.

Некоторые исследователи предлагают достаточно масштабные поправки в Конституцию России. Габриэль Гарсиа Альварес (испанский омбудсмен, профессор Леонского госуниверситета) говорит о «четырех основных направлениях конституционного реформирования:

- 1) разграничение объекта деятельности омбудсмена;
- 2) закрепление форм осуществления его деятельности;
- 3) установление порядка замещения его должности;
- 4) определение форм сотрудничества омбудсмена с органами государственной власти и местного самоуправления» [5, с. 31].

Г. Г. Альварес полагает, что «основной целью внесения поправок в Конституцию относительно Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации необходимо считать расширение его функций как гарантии всей системы прав человека и гражданина. Закрепление на конституционном уровне вышеприведенных положений чрезвычайно важно, поскольку подразумевает признание Основным законом ключевой роли омбудсмена среди институтов социального государства, провозглашенного в ст. 7 Конституции России» [5, с. 32–33].

При этом следует помнить, что в процессе разработки проекта Конституции нашей страны в 1991–1993 гг. Конституционной комиссией Верховного Совета статус Уполномоченного по правам человека был установлен весьма основательно. В ст. 48 проекта, опубликованного в апреле 1993 года, определялся не только порядок назначения Уполномоченного, но и основы его правового статуса.

Такие исследователи, как А. П. Евдошенко, М. В. Мархгейм, Н. Ю. Хаманева и др., обращают внимание на то, что ст. 104 Конституции России не включает в число субъектов права законодательной инициативы Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. Как справедливо

указывает А. П. Евдошенко, «предоставление права законодательной инициативы Уполномоченному неизбежно укрепит публичность его статуса, повысит его авторитет и ответственность за свою деятельность по охране и защите прав и свобод человека. Это право должно быть не общим, а специальным, т.е. касаться основной деятельности Уполномоченного – защиты прав и свобод человека и гражданина» [6, с. 230].

Очевидна также целесообразность внесения поправки в ст. 125 Конституции России о наделении Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации правом на обращение в Конституционный Суд России по вопросам соответствия Конституции России федеральных законов, подзаконных нормативных правовых актов и международных договоров.

В научной среде имеют место многочисленные предложения о совершенствовании федерального и регионального законодательства в рассматриваемой сфере.

В связи с тем, что порядок рассмотрения ежегодного доклада Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и принятия решения, связанного с информацией, представленной в нем, не предусмотрен никаким нормативным правовым актом, т.е. фактически отсутствует механизм реагирования на доклад Уполномоченного, есть необходимость дополнить ст. 33 Федерального Конституционного закона «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации», предусмотрев обязанность Государственной Думы по итогам рассмотрения ежегодного доклада Уполномоченного принять постановление о мерах по устранению причин и условий, способствующих нарушениям прав и свобод человека и гражданина, указанных в докладе [2].

Не может не вызывать интереса зарубежный положительный опыт, в частности, Великобритании, Австрии, Испании, других стран, законодательство которых устанавливает уголовную ответственность за вмешательство в деятельность омбудсмена. Это немаловажно в свете того, что российский законодатель устанавливает недостаточно высокий уровень ответственности за вмешательство в деятельность Уполномоченного по правам человека.

Серьезного внимания требует к себе проблема становления и функционирования

Уполномоченного по правам человека субъектов Российской Федерации.

На начало 2013 года Этот институт не функционировал в 12 субъектах Российской Федерации. В Ярославской и Владимирской областях проекты региональных законов об уполномоченном по правам человека все еще находятся на стадии обсуждения, а в Курганской и Магаданской областях даже не приступили к их разработке.

В целом ряде субъектов Федерации, где имеется институт омбудсмена, сложилось крайне неблагоприятное положение с его функционированием. Как указывает Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации в своем докладе за 2012 год, «в 11 субъектах РФ – в республиках Башкортостан, Карелия и Чувашской республике, в Ивановской, Псковской, Рязанской и Челябинской областях, в Еврейской автономной области, в Ненецком, Ханты-Мансийском, Ямало-Ненецком автономном округах – уполномоченные по правам человека по-прежнему не имеют ни статуса государственного органа, ни рабочего аппарата, ни отдельного финансирования. Работать они, по существу, не в состоянии. Причем не только потому, что, кроме самого уполномоченного, работать зачастую просто некому, но еще и потому, что уполномоченные не получили организационных, материальных и финансовых гарантий независимости от расположения как раз тех органов региональной власти, которые они призваны при необходимости критиковать» [4].

Известно, что еще в 2010 году Волгоградская областная Дума обратилась в Государственную Думу и к Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации с предложением принять федеральный закон «Об основах деятельности уполномоченного по правам человека в субъекте РФ», который должен определить гарантии их независимости и самостоятельности, формы их взаимодействия с органами государственной власти и федеральным омбудсменом. Уполномоченный по правам человека в РФ поддержал указанную инициативу и обратился к Председателю Государственной Думы с предложением о создании рабочей группы для подготовки этого законопроекта, одновременно предложил дополнить Федеральный Конституционный закон «Об уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» главой, регулирующей его компетенцию по обеспече-

нию единства государственной защиты прав и свобод человека в РФ в рамках взаимодействия с омбудсменами в субъектах Федерации [3].

Назрела и необходимость корректировки Регламента Государственной Думы, в котором отсутствует глава «Порядок рассмотрения вопросов, связанных с взаимоотношениями Государственной Думы и Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации». Немаловажно также, чтобы проект федерального бюджета в части финансирования деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации разрабатывался Правительством России при обязательном взаимодействии с Уполномоченным, который вправе участвовать при обсуждении проекта бюджета в Федеральном Собрании.

Особого внимания заслуживает инициатива Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, высказанная им в докладе за 2012 год, по вопросу создания на базе сообщества российских уполномоченных по правам человека единой системы государственной правозащиты. Ее формирование, как полагает Уполномоченный, «возможно только при возникновении целого ряда стартовых условий, когда институт уполномоченного по правам человека будет:

- 1) создан во всех без исключения субъектах Российской Федерации;
- 2) являться государственным органом с правом юридического лица;
- 3) располагать собственным рабочим аппаратом;
- 4) финансироваться отдельной защищенной строкой соответствующего бюджета;
- 5) действовать на основе максимально унифицированного мандата;
- 6) иметь общую методологию и приоритеты в работе;
- 7) пользоваться надежными гарантиями независимости в принятии решений» [4].

Литература

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законом Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ и от 30 декабря 2008г. № 7-ФКЗ) // Российская газета. 2009. 21 янв.
2. Федеральный конституционный закон Российской Федерации от 26 февраля 1997 г. № 1 // СЗ РФ. – 1997. – № 9. – Ст. 1011.

3. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2011 год // Российская газета. – 2012. – 13 мая.

4. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2012 год // Российская газета. – 2013. – 29 марта.

5. Альварес, Г. Г. Об актуальных задачах конституционного реформирования инсти-

тута омбудсмана в Испании и России / Г. Г. Альварес // Конституционное и муниципальное право. – 2013. – № 1. – С. 29–33.

6. Евдошенко, А. П. Место и роль уполномоченного по правам человека в РФ в системе органов государственной власти / А. П. Евдошенко // Известия РГПУ имени А. И. Герцена. – СПб., 2009. – № 110. – С. 230.

Гаранжа Анатолий Петрович – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права, Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск). E-mail: garanzhaap@susu.ac.ru.

Bulletin of the South Ural State University
Series "Law"
2013, vol. 13, no. 4, pp. 80–83

CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE INSTITUTE OF HUMAN RIGHTS COMMISSIONER

A. P. Garanzha
South Ural State University (Chelyabinsk)

The article highlights problems of modernization of Human rights commissioner institution in the Russian Federation. The emphasis is made on the fact that there is no actual regulation of the institution in the Constitution of the Russian Federation. Special attention is made to imperfection of legal regulation of Human rights commissioner institution at the federal level and the level of the constituent entities of the Federation. Specific proposals are given in the article.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, Human rights commissioner in the Russian Federation and Human rights commissioner in the constituent entities of the Russian Federation, liability for interference with ombudsman actions.

Anatoly Petrovich Garanzha – Candidate of Science (Law), Associate Professor of Constitutional and Administrative Law Department, South Ural State University (Chelyabinsk). E-mail: garanzhaap@susu.ac.ru.

Статья поступила в редакцию 25 сентября 2013 г.

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ВВЕДЕНИЯ МОНИТОРИНГА ЭКСПЕРТИЗ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ ПОЛИЦИЕЙ

А. В. Горелик

Сибирский юридический институт ФСКН России (г. Красноярск)

Статья посвящена анализу сложившегося положения в производстве по делам об административных правонарушениях, связанного с отсутствием учета назначенных и проведенных экспертиз. В специальной литературе по административному праву проблема учета и анализа экспертиз в производстве по делам об административных правонарушениях является одной из дискуссионных. Автором обосновывается необходимость введения мониторинга экспертиз при осуществлении производства по делам об административных правонарушениях полицией.

Ключевые слова: экспертиза, полиция, производство по делам об административных правонарушениях, мониторинг.

Основная роль в противодействии административной деликтности принадлежит полиции, так как она – одна из самых полифункциональных правоохранительных структур, в связи с этим полиция несет основную нагрузку в сфере правоохранительной деятельности государства. При этом от своевременного выявления, достоверности и четкого документирования собранных доказательств в рамках производства по делу об административных правонарушениях зависит юридическая обоснованность выносимых решений.

Кроме того, полиция согласно ст. 11 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» обязана в своей деятельности использовать достижения науки и техники, информационные системы, сети связи».

Анализ специальной литературы и административной практики показал, что актуальной проблемой в производстве по делам об административных правонарушениях в последнее время являются вопросы экономической эффективности данного вида юрисдикционной деятельности [3].

К числу процессуальных инструментов, умелое применение которых позволяет эффективно осуществлять доказывание по делам об административных правонарушениях, относится экспертиза. Исследования, проводимые в форме экспертизы, основаны на достижениях науки и техники.

Можно согласиться с мнением о том, что «если эффективность управления проведением экспертиз выражается соотношением между достигнутым результатом и целью, поставленной в правовой норме или ином управленческом решении, то об экономичности можно судить по соотношению между достигнутым положительным результатом и осуществленными для его достижения затратами» [4].

Как было отмечено в письме начальника Экспертно-криминалистического центра МВД России В. В. Мартынова, «сбор статистических данных о количестве экспертиз по делам об административных правонарушениях нормативными правовыми актами МВД России не предусмотрен», но в результате мониторинга экспертно-криминалистической деятельности органов внутренних дел Российской Федерации в 2008 году удалось установить точное количество экспертиз по делам об административных правонарушениях в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел – 38094 [1]. В настоящий момент ситуация не изменилась, отсутствуют данные, позволяющие точно установить количество проведенных экспертиз по делам об административных правонарушениях, и соответственно отсутствует анализ финансовых затрат в этом направлении.

В этой связи мы поддерживаем позицию авторов, которые считают, что «обеспечение широкого использования специальных познаний и технических средств в процессе произ-

водства по делу об административном правонарушении поставит административно-юрисдикционную деятельность на научную основу и потребует повышения профессиональной квалификации должностных лиц, рассматривающих дела об административных правонарушениях, путем их информирования о современных возможностях экспертных исследований» [2, с. 84].

Выход из сложившейся ситуации видится в необходимости проведения мониторинга назначаемых и произведенных экспертиз, так как полученные данные будут способствовать оптимизации правоприменительной деятельности в этой сфере и позволят достоверно говорить об имеющейся потребности в экспертизах.

Мониторинг экспертиз по делам об административных правонарушениях в целом соответствует самой идеологии процессуальной части КоАП РФ, требующей от правоприменителя вдумчивого, в определенном смысле размеренного поведения, связанного со всесторонним исследованием обстоятельств каждого правонарушения, убедительной аргументацией принимаемых решений.

В рамках проводимого мониторинга необходимо проводить следующие мероприятия:

1) учет количества назначаемых экспертиз по делам об административных правонарушениях;

2) учет количества проведенных экспертиз по делам об административных правонарушениях по вынесенным определениям уполномоченных должностных лиц;

3) анализ качества поставленных вопросов перед экспертом и качества предоставляемых образцов для проведения исследования;

4) учет мотивированных отказов экспертов от проведения экспертиз и анализ причин таких отказов;

5) анализ необходимости проведения экспертиз для доказывания по конкретным делам об административных правонарушениях;

6) анализ общих материальных и иных расходов на проведение экспертиз, анализ финансовой целесообразности производства экспертиз по конкретным делам об административных правонарушениях;

7) разработка рекомендаций для сотрудников органов внутренних дел по вопросам назначения и проведения экспертиз по делам об административных правонарушениях.

Разработка методических рекомендаций для сотрудников органов внутренних дел по вопросам назначения и проведения экспертиз по делам об административных правонарушениях будет способствовать эффективности и оптимизации административного расследования, удешевлению производства по делам об административных правонарушениях, упрощению и сокращению сроков его проведения.

Литература

1. Письмо Экспертно-криминалистического центра МВД России от 20 января 2009 г. № 37/2-206.

2. Бочаров, С. Н. Административная юрисдикция: учебное пособие / С. Н. Бочаров. – М.: Изд-во «Щит-М», 2006. – 318 с.

3. Цуканов, Н. Н. Об одном из значений увеличения объемов практики производства по делам об административных правонарушениях в органах внутренних дел / Н. Н. Цуканов // Актуальные проблемы административной ответственности: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Омск: Омский юридический институт, 2010.

4. Линдмяз, Х. Управление проведением судебных экспертиз в советском уголовном судопроизводстве: монография / Х. Линдмяз. – Таллин: Изд-во «Ээсти раамат», 1988. – 231 с.

Горелик Андрей Витальевич – преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин, Сибирский юридический институт ФСКН России (г. Красноярск). E-mail: andgorelik@yandex.ru.

**TO THE NECESSITY TO INTRODUCE MONITORING
OF EXPERT EXAMINATION AT ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS
BY THE POLICE**

A. V. Gorelik

***Siberian Institute of Law of Federal Drug Control Service of Russia
(Krasnoyarsk)***

The article analyzes situation in administrative proceedings connected with the lack of the list of assigned and conducted expert examinations. In professional literature in administrative law the problem of recording and analysis of expert examination at administrative proceedings is one under question. The author proves the necessity to monitor expert examination at administrative proceedings by the police.

Keywords: expert examination, police, administrative proceedings, monitoring.

Andrey Vitalievich Gorelik – lecturer of Civil Disciplines Department, Siberian Institute of Law of Federal Drug Control Service of Russia (Krasnoyarsk). E-mail: andgorelik@yandex.ru.

Статья поступила в редакцию 20 октября 2013 г.

НОРМОТВОРЧЕСТВО ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ В СФЕРЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ЮРИСДИКЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

О. В. Гречкина

Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск)

Статья посвящена нормотворческой деятельности таможенных органов в сфере административной юрисдикции. В российской доктрине административно-процессуального права нормотворчество таможенных органов в сфере административной юрисдикции является одной из дискуссионных проблем. Автором проведен детальный анализ системы правовых актов, регулирующих административно-юрисдикционную деятельность таможенных органов. На основе исследования различных мнений ученых, представленных в литературе, сформулирован вывод о том, что совершенствование административно-юрисдикционной деятельности таможенных органов должно осуществляться посредством построения упрощенной типологии структуры правовой системы административной юрисдикции таможенных органов. По мнению автора, такая цель позволит достичь ожидаемого эффекта сокращения количества ведомственных нормативных правовых актов в сфере административной юрисдикции таможенных органов.

Ключевые слова: административная юрисдикция, таможенное законодательство, нормотворчество таможенных органов.

Совершенствование правового регулирования административной юрисдикции таможенных органов должно осуществляться посредством формирования комплексной, скоординированной системы правовых актов, которая позволит оптимизировать административно-юрисдикционную деятельность таможенных органов.

В условиях, когда весь цикл законодательных актов нуждается в серьезном реформировании, принципиальное обновление состоящего с ними в субординационной связи правового регулирования административно-юрисдикционной деятельности таможенных органов может быть оправдано лишь очень существенной причиной. В данном случае такой причиной явилась острая необходимость приведения национального таможенного законодательства в соответствие с союзным. С 1 июля 2010 г. на территории России действует Таможенный кодекс таможенного союза.

В свою очередь в рамках совершенствования национального таможенного законодательства в России разработан и принят новый таможенный закон – Федеральный закон «О таможенном регулировании в Российской Фе-

дерации» (далее Закон). Дата вступления в силу Закона – 1 января 2011 г. При оценке данного Закона в первую очередь возникает вопрос: почему инициативное законодательное предложение облечено в рамки закона, а не кодифицированного акта? Многолетние фундаментальные разработки ученых-правоведов свидетельствуют о том, что отраслью права может быть признана лишь такая группа норм, которая оформилась законодательно в форме единого кодифицированного акта, отсутствие которого не позволяет говорить о существовании данной отрасли права [3, с. 7]. Таможенное право давно признано многими учеными самостоятельной развивающейся комплексной отраслью права [1, с. 27]. К тому же пристальное изучение предложенного закона позволяет сделать вывод о том, что его структура сохранила традиционные элементы кодифицированного акта, которые, как правило, не включаются в содержание рамочного закона.

С введением в действие Закона сохраняют действие следующие положения, касающиеся сферы административной юрисдикции:

– обжалование решений, действий (бездействия) таможенных органов и их должностных

стных лиц (ст. 36–49 Закона);

- структура таможенных органов, функции и полномочия, содержащиеся, в том числе, административно-юрисдикционные полномочия (ст. 9–25 Закона);

- порядок и условия применения должностными лицами таможенных органов мер пресечения: физической силы, специальных средств и оружия (ст. 26–30 ФЗ Закона).

Наряду с нормативными правовыми актами федерального значения в сфере таможенного регулирования действует внушительный набор ведомственных актов, регулирующих административно-юрисдикционную деятельность таможенных органов. Для примера приведем классификационный ряд актов Федеральной таможенной службы (далее – ФТС России), образующих следующие направления в сфере административной юрисдикции:

- организация дисциплинарного производства [4];

- организация приема граждан, обеспечения своевременного и полного рассмотрения обращений [5];

- организация производства по делам об административных правонарушениях [6];

- установление процессуальных полномочий должностных лиц по составлению протоколов и применению мер обеспечения [7];

- регулирование особенностей административного расследования [8];

- регламентация применения мер обеспечения производства и процессуальных действий [9];

- рекомендации по квалификации правонарушений [10];

- организация ведомственного контроля [11];

- рекомендации по рассмотрению жалоб [12];

- организация взаимодействия при рассмотрении жалоб [13];

- утверждение форм актов и процессуальных документов [14];

- установление порядка хранения изъятых вещей и документов [15];

- установление порядка регистрации решений по жалобам [16].

Среди регулирующих административную юрисдикцию актов ФТС России, хотя и не имеющих статус нормативных правовых актов, однако, предпочтительным образом влияющих на неукоснительное исполнение таможенными органами, следует также выде-

лить письма, обобщения, обзоры правоприменительной практики таможенных органов и анализы судебной практики, такие как:

- письма, содержащие анализы прекращенных дел об административных правонарушениях [17];

- письма (анализы), обзоры нарушений служебной дисциплины [18];

- обзоры судебной практики по делам об административных правонарушениях [19].

В практике таможенных органов наряду с перечисленными актами «работают» также акты, характеризующие квазисудебную административную юрисдикцию таможенных органов, которые в свою очередь корректируют административно-юрисдикционную деятельность первого звена (т.е. звена, действия, решения, постановления которого обжалуются в вышестоящих таможенных органах):

- анализы, обобщения практики рассмотрения жалоб лиц и протестов прокуроров на постановления по делам об административных правонарушениях [20];

- обзоры практики рассмотрения жалоб лиц на решения, действия (бездействие) таможенных органов [21].

Приведенный классификационный ряд актов ФТС России, причем далеко не полный [22], зрелищно демонстрирует, какой объем ведомственных актов, регулирующих административно-юрисдикционную деятельность таможенных органов, фигурирует в таможенной сфере.

Как видим, ведомственное нормотворчество активно вторгается в сферу таможенного дела. В последнее время ФТС России принят ряд концептуальных документов в области таможенного дела [23]. Однако при детальном рассмотрении можно обнаружить, что в данных документах административно-юрисдикционной деятельности практически не уделяется внимание. Эта сфера деятельности инициирована иными процессуальными документами ФТС России, которым не свойственен уровень нормативного правового регулирования. Они остаются в формате «локальных» организационно-распорядительных и официально не публикуются [2, с. 349].

Между тем административная практика таможенных органов и особенно судебная практика показывают, что необходимо обновлять и совершенствовать не только акты законодательства, но и правовые акты ФТС России. Такие же цели преследует Правительство Российской Федерации в контексте реализа-

ции административной реформы и концепции развития таможенных органов, фокусируя внимание на определении наиболее эффективных методов реализации задач в области таможенного дела в соответствии с международными стандартами и законодательством Российской Федерации [24].

Очевидно, что быстрое реагирование правотворческой деятельности на все изменения в политической и экономической сферах затрудняет выработку единой концептуальной основы правового регулирования, способствует фрагментарности, нарушает и затягивает процессы кодификации, нарушает логику правовой реформы и в целом снижает качество нормативных актов. Новые нормативные акты не всегда надлежащим образом соотносятся с существующей правовой системой.

В свою очередь регулирование правоотношений в сфере таможенного дела ведомственными нормативными правовыми и иными актами ФТС России является необходимым средством оперативного реагирования на изменения экономической конъюнктуры, поведение участников внешнеэкономической деятельности и иных лиц, чья деятельность связана с осуществлением внешней торговли. Необходимость детальной регламентации действий должностных лиц таможенных органов при таможенном оформлении товаров и транспортных средств, перемещаемых через таможенную границу таможенного союза, многочисленность и разнообразие таможенных операций не позволяют регулировать все правоотношения в сфере таможенного дела актами таможенного законодательства таможенного союза, федеральными законами и иными правовыми актами федерального уровня.

В то же время multifunctional ведомственные правовые акты страдают отсутствием коммуникаций, согласованности, а порой вступают в противоречие с нормативными актами более высокого порядка. Главной озабоченностью таможенного ведомства является их многочисленность. Так, разрабатывая Целевую программу развития таможенной службы на 2004–2008 гг., ФТС России планировала существенное сокращение количества ведомственных нормативных правовых актов – до 100 кодифицированных актов [25]. Надо признать, что и до настоящего времени правотворческая активность

ФТС России не стала более сдержанной.

Так, административно-юрисдикционные производства (по жалобам, по делам об административных правонарушениях, дисциплинарное производство) характеризуются многочисленными актами соответствующей тематической направленности.

Правовые акты производства по жалобам содержат рекомендации по: рассмотрению жалоб; организации взаимодействия при рассмотрении жалоб; установлению порядка регистрации решений по жалобам; утверждению форм актов и процессуальных документов; организации ведомственного контроля по рассмотрению жалоб и протестов прокуроров.

Дисциплинарное производство также включает значительный круг актов, регламентирующих вопросы: организации производства; проведения служебных проверок; ведомственного контроля по вопросам дисциплины; воспитательно-профилактической работы.

Пожалуй, наибольшее количество ведомственных актов сконцентрировано в производстве по делам об административных правонарушениях. Данное производство интегрировано актами (приказами, письмами), регламентирующими вопросы: организации производства; установления процессуальных полномочий должностных лиц; особенностей административного расследования; применения мер обеспечения производства и процессуальных действий; квалификации правонарушений; применения административных наказаний.

Сфера таможенного администрирования обширна, в ней немало зон недостаточного либо неэффективного правового регулирования, что всегда оставляет значительное поле для административного усмотрения. Принятие концептуальных документов требует углубленной и четкой регламентации в правовых актах, составляющих совокупность элементов системы правового регулирования административной юрисдикции таможенных органов.

Представляется, что совершенствование административно-юрисдикционной деятельности таможенных органов должно осуществляться посредством построения упрощенной типологии структуры правовой системы административной юрисдикции таможенных органов. Такая цель позволит достичь ожидаемого эффекта сокращения количества ве-

домственных нормативных правовых актов в сфере административной юрисдикции таможенных органов.

Литература

1. Бакаева, О. Ю. Таможенное право России: учебник / отв. ред. Н. И. Химичева / О. Ю. Бакаева, Г. В. Матвиенко – М.: Юрист, 2003. – 496 с.; Таможенное право: учебное пособие / под ред. В. Г. Драганова, М. М. Рассолова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. – 639 с.; Тимошенко, И. В. Таможенное право России / И. В. Тимошенко. – Ростов-н/Д.: Феникс, 2002. – 512 с.

2. Новиков, А. Б. Административный процесс в механизме таможенного регулирования Российской Федерации: монография / А. Б. Новикова – СПб.: Бизнес-Пресса, 2008. – 504 с.

3. Сорокин, В. Д. Административный процесс и административно-процессуальное право / В. Д. Сорокин. – СПб.: Изд-во Юридического института, 2002. – 474 с.

4. Приказ ФТС России от 2 сентября 2008 г. № 1083 «Об утверждении Инструкции об организации и о проведении служебной проверки в таможенных органах Российской Федерации» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2008. – № 40.

5. Приказ ФТС России от 10 сентября 2009 г. № 1660 «Об утверждении Административного регламента Федеральной таможенной службы по исполнению государственной функции организации приема граждан, обеспечения своевременного и полного рассмотрения обращений граждан, принятия по ним решений и направления ответов заявителям в установленный законодательством Российской Федерации срок» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2010. – № 9.

6. Приказ ФТС России от 24 апреля 2007 г. № 523 «Об утверждении Инструкции о порядке истребования сведений, подготовки и исполнения поручений, запросов по делам об административных правонарушениях» // СПС «Кодекс»; Приказ ФТС России от 27 июля 2006 г. № 703 «Об утверждении Инструкции о порядке подготовки международных запросов по делам об административных правонарушениях и в связи с проведением оперативных проверок» // СПС «Кодекс».

7. Приказ ФТС России от 15 марта 2005 г. № 198 «О должностных лицах тамо-

женных органов Российской Федерации, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях и осуществлять административное задержание» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2005. – № 14.

8. Письмо ФТС России от 6 октября 2004 г. № 01-06/2587 «О направлении методических рекомендаций» // СПС «Кодекс».

9. Письмо ГТК России от 2 августа 2000 г. № 01-06/41014 «О применении мер обеспечения по делам об административных правонарушениях, возбужденным по ч. 1 ст. 16.18, ч. 1 ст. 16.19 КоАП РФ» // СПС «Кодекс».

10. Письмо ФТС России от 9 марта 2005 г. № 01-06/6814 «О квалификации административных правонарушений при периодическом временном декларировании российских товаров» // Таможенный вестник. – 2005. – № 7; Письмо ФТС России от 12 июля 2005 г. № 01-06/23399 «Об отнесении административных правонарушений к длящимся» // Документ опубликован не был.

11. Письмо ФТС России от 18 июля 2007 г. № 01-06/26709 «О направлении Методических рекомендаций по проведению ведомственного контроля» // Документ опубликован не был. СПС «Кодекс»; Приказ ФТС России от 5 апреля 2007 г. № 434 «О контроле за производством по делам об административных правонарушениях» // СПС «Кодекс»; Приказ ГТК России от 25 июня 2002 г. № 657 «Об утверждении Инструкции об организации контрольно-наблюдательного производства по делам об административных правонарушениях» // СПС «Кодекс»; Приказ ФТС России от 29 января 2007 г. № 109 «Об утверждении Порядка регистрации и учета решений, вынесенных по результатам ведомственного контроля деятельности таможенных органов» // Документ опубликован не был.

12. Письмо ФТС России от 29 июня 2010 г. № 01-11/31888 «О направлении методических рекомендаций по рассмотрению жалоб на решения, действия (бездействие) в сфере таможенного дела» // Документ опубликован не был.

13. Приказ ФТС России от 30 июля 2009 г. № 1378 «Об утверждении Инструкции о порядке взаимодействия правовых подразделений с функциональными подразделениями таможенных органов при рассмотрении жалоб на решения, действия (бездейст-

вие) в сфере таможенного дела» // Документ опубликован не был.

14. Письмо ФТС России от 11 августа 2006 г. № 01-06/28137 «О направлении Методических рекомендаций по применению постановлений-квитанций о наложении административного штрафа и образца постановления-квитанции» // Таможенный вестник. – 2006. – № 17; Приказ ФТС России от 25 ноября 2009 г. № 2133 «Об утверждении форм решения по жалобе и акта о рассмотрении жалобы в упрощенном порядке» // Документ опубликован не был; Приказ ГТК России от 20 октября 2003 г. № 1166 «О формах актов таможенного досмотра (осмотра) товаров и транспортных средств» // Российская газета. – 2003. – 21 нояб.

15. Приказ ФТС России от 18 декабря 2006 г. № 1339 «О порядке хранения изъятых вещей и документов, имеющих значение доказательств по делам об административных правонарушениях» // Российская газета. – 2007. – 23 мая; Приказ ФТС России от 24 апреля 2007 г. № 524 «Об утверждении Положения о порядке учета, регистрации, формирования и хранения дел об административных правонарушениях в таможенных органах Российской Федерации» // СПС «Кодекс».

16. Приказ ГТК России от 25 ноября 2004 г. № 324 «Об утверждении Инструкции о порядке регистрации решений по жалобам на решения, действия (бездействие) в сфере таможенного дела» // СПС «Кодекс»; Приказ ФТС России от 24 января 2008 г. № 45 «Об утверждении Положения о порядке учета и регистрации жалоб лиц и протестов прокуроров на постановления по делам об административных правонарушениях, а также принимаемых по ним решений» // СПС «Кодекс».

17. Письмо Уральской оперативной таможни от 17 мая 2010 г. № 04-18/2890 «О направлении информации» // Архив УОТ.

18. Письма Уральского таможенного управления от 11 января 2007 г. № 29-14/106 «О направлении обзора по дисциплине»; от 12 июля 2007 г. № 20-14/6130 «О направлении обзора по служебной дисциплине»; от 17 октября 2006 г. № 33-25/10153 «Об итогах проверки деятельности Ханты-Мансийской та-

можни» и др. // Архив УТУ.

19. Письмо ФТС России от 28 апреля 2010 г. № 18-12/21167 «О направлении обзора» // Документ опубликован не был.

20. Письма Уральской оперативной таможни от 21 июля 2009 г. № 19-07/4199 и от 27 июля 2010 г. № 26-07/4261 «О направлении обобщения» // Архив УОТ.

21. Письмо ФТС России от 28 марта 2008 г. № 01-11/11710 «О направлении обзора практики рассмотрения жалоб» // Документ опубликован не был.

22. По некоторым оценкам в сфере таможенного дела насчитывается около трех тысяч документов. См.: Ванин, М. В. Повышение эффективности управления таможенной службой России: автореферат дис. ... канд. экон. наук / М. В. Ванин. – М., 2000.

23. См., например: Концепция системы предварительного информирования таможенных органов Российской Федерации, утв. Приказом ФТС России от 10 марта 2006 г. № 192 // Таможенный вестник. – 2006. – № 7; Концепция развития таможенного контроля после выпуска товаров и (или) транспортных средств, утвержденная Приказом ФТС России от 7 декабря 2007 г. // Таможенный вестник. – 2008. – № 1; Концепция таможенного оформления и таможенного контроля в местах, приближенных к государственной границе Российской Федерации, утв. Приказом ФТС России от 1 октября 2008 г. № 1221. URL: <http://www.customs.ru>.

24. См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25 октября 2005 г. № 1789-р «О концепции административной реформы в Российской Федерации в 2006–2010 годах» // СЗ РФ. – 2005. – № 46. Ст. 4720; Концепция развития таможенных органов Российской Федерации, одобренная распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 декабря 2005 г. № 2225-р // СЗ РФ. – 2006. – № 2. – Ст. 260.

25. См.: Приказ ФТС России от 20 декабря 2004 г. № 403 «О целевой программе развития таможенной службы Российской Федерации на 2004–2008 годы» // Таможенные ведомости. – 2005. – № 2.

Гречкина Ольга Владимировна – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и административного права, Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск). E-mail: grechkina74@rambler.ru.

RULE-MAKING OF THE CUSTOMS AUTHORITIES IN THE SPHERE OF ADMINISTRATIVE COMPETENCE AT MODERN STAGE

O. V. Grechkina

South Ural State University (Chelyabinsk)

The article deals with rule-making of the Customs in the sphere of administrative competence. In the Russian doctrine of Administrative Procedure Law rule-making of the customs authorities is one of the most controversial in administrative competence. The author analyzes the system of legal acts governing administrative jurisdictional actions of the customs authorities. Based on the analysis of different views of scholars introduced in references the conclusion is made on modernization of administrative jurisdictional actions of the customs authorities which is to fulfill by means of a simple typology of the structure of legal system of administrative competence of the customs authorities. The author believes that this purpose allows us to achieve desired results of decrease in the number of department legal acts in the sphere of administrative competence of the customs authorities.

Keywords: administrative competence, customs legislation, rule-making of the customs authorities.

Olga Vladimirovna Grechkina – Doctor of Science (Law), Professor, head of Constitutional and Administrative Law Department, South Ural State University (Chelyabinsk). E-mail: grechki-na74@rambler.ru.

Статья поступила в редакцию 8 октября 2013 г.

КОНСТИТУЦИЯ РОССИИ И КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ XXI ВЕКА: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

А. Н. Классен

Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск)

Статья посвящена вопросам оценки роли Конституции Российской Федерации в развитии российского общества и государства, обеспечении достойного уровня жизни каждого человека и гражданина. Рассматриваются тенденции развития российского конституционализма и их влияние на развитие конституционных положений. Исследуются основные ценности Конституции – идея народовластия и народного суверенитета и их взаимосвязь с иными конституционными ценностями.

Ключевые слова: конституция, конституционализм, народовластие, народный суверенитет.

Юбилей Конституции Российской Федерации – возможность обратиться к вопросам ее стабильности и неизменности, аспектам возможного реформирования, ее роли и назначению в жизни российского общества.

Являясь основным законом государства, принятым в довольно сложных политических условиях, Конституция РФ вызывала и продолжает вызывать большое количество споров, предложений о внесении изменений, об устранении ряда дефектов и несогласованностей – особенно широко эти вопросы обсуждаются в преддверии юбилейных дат.

Какова же ценность Конституции России сегодня для общества и государства, отдельного человека и гражданина?

Известно, что современные конституции независимо от особенностей различных государств не могут не закреплять присущих обществу ценностей, имеющих общее значение для всех социальных слоев и социальных групп. По сути, современные конституции воспринимают общечеловеческие ценности прошлого, поднимают их на новый уровень и формулируют новые приоритеты – приоритеты свободного общества, в котором созданы условия для человека с достойным жизненным уровнем.

Как отмечает С. А. Авакьян, любые обращения к ценности Конституции РФ 1993 года неизбежно упираются в два фактора: во-первых, в историю появления этой Конституции, во-вторых, в заложенные в ней идеи и решения [1, с. 11]. При этом, по его мнению, говоря о конституционных ценно-

стях, нельзя не отметить, что «действующая Конституция РФ либо намеренно, либо по незнанию оплетается многими мифами о ее заслугах, о том, что она «впервые» что-то закрепила, первой открыла дорогу развитию новых общественных отношений», на самом деле это не совсем так [1, с. 11].

По мнению В. В. Невинского, и сегодня еще можно говорить о том, нужна или не нужна была новая конституция вообще; насколько демократичной была процедура разработки проекта конституции и ее принятия. Однако нельзя игнорировать то, что значительная часть социально активного населения того периода одобряла обновление российского конституционализма путем принятия новой конституции; новая конституция учла отчасти собственно российский исторический опыт и опыт конституционализма ряда зарубежных государств с развитой демократией, некоторые общепризнанные в мире стандарты обеспечения прав граждан и управления человеческим сообществом, как нельзя отвергать и тот очевидный факт, что Конституция РФ при всей своей уязвимости с точки зрения наличия некоторых недоговоренностей, противоречивости отдельных норм стала фактором стабилизации общества, нацеленности его на демократические преобразования, системообразующим фактором в развитии российского права [8, с. 73]. В. В. Невинский обращает внимание на то, что существенно изменилось и отношение к роли конституции в жизни отдельного человека, всего общества и соответственно в механизме правового регулирова-

ния общественных отношений. Решающее значение для переосмысления этой роли имела происходившая в 1989–1993 гг. дискуссия по вопросу об обновлении системы общественных ценностей, форме придания им легитимных стратегических ориентиров развития российского общества и государства [8, с. 73].

Представляется, что основная идея и ценность Конституции РФ – это идея народовластия и народного суверенитета. Эта идея пронизывает конституционные положения и является отправной точкой возможных направлений конституционного и муниципального строительства, таких как совершенствования политической системы страны; дальнейшей институционализации политических партий и других общественных институтов; совершенствования системы разделения власти, недостатки которой заложены уже в тексте Конституции РФ; реформирования федеративного устройства; необходимости ликвидации противоречий и дефектов в Конституции РФ. При всех возможных преобразованиях в ходе конституционного строительства необходимо сохранить основные провозглашенные ценности, идеи Конституции РФ и в первую очередь – идею народовластия и народного суверенитета.

Признание Конституцией РФ человека, его прав и свобод высшей ценностью (ст. 2) определяет и основную ценность самой Конституции РФ. Эта высшая ценность является общей для всех субъектов конституционного права, она выполняет интегрирующую функцию, объединяя и направляя усилия всех участников конституционно-правовых отношений к достижению главной цели – созданию таких условий функционирования общества и государства, когда человек, его права и свободы действительно являются единственной «самоцелью» их деятельности и развития [4, с. 123–124]. Помимо названной Конституция РФ закрепляет и иные ценности – народовластие, демократию, правовое, социальное государство (ст. 1–3, 7, 15), которые вместе с высшей ценностью (ст. 2) лежат в основе конституционного закрепления целей, задач и функций Российского государства.

По мнению Е. А. Тихона, сущность государственно-правовой стратегии, направленной на достижение глобальных и долгосрочных целей и ценностей Российского государства, главной из которых выступают права и свободы человека и гражданина (ст. 2 Конституции РФ), заключается в решении вопро-

сов теории и практики развития государства; в эффективном осуществлении правового статуса личности, в том числе в области правового обеспечения прав и свобод человека и гражданина; в совершенствовании деятельности органов власти. Она (государственно-правовая стратегия) выражается посредством деятельности реализующих ее субъектов (главы государства, парламента, правительства) и содержится в Основном законе государства, федеральных законах, в посланиях Президента РФ, а также его обращениях к народу, в концепциях и программах [10, с. 9].

Известно, что при общегражданском подходе национальный суверенитет отождествляется с государственным и народным суверенитетом, а понятие нации охватывает всех граждан государства вне зависимости от их национальной принадлежности, выступающих в данном случае как сограждане одной нации, создавшей государство. Как отмечается в литературе, отождествление национального суверенитета с народным суверенитетом характерно для развитых стран со сложившимся гражданским обществом [6, с. 15].

В рамках этнического подхода национальный суверенитет рассматривается как способность этноса к самоопределению, включая выбор формы политической организации государственного устройства. Следует согласиться с мнением, что данное видение национального суверенитета можно рассматривать как первую попытку осмысления природы верховной власти, так как наибольшую эффективность этническое понимание национального суверенитета имело в эпоху, предшествующую образованию государства, во времена, когда верховная власть действительно была субстратом этнического самосознания людей, а национальные общества можно было охарактеризовать как достаточно автономные системы. И хотя, как отмечается в литературе, государственный, народный и национальный суверенитет – это не всегда одно и то же, сегодня нельзя воспринимать их иначе, чем в синтезе, поскольку термин «национальная государственность» может и должен иметь общегражданский смысл, а понятия «нация», «народ» и «государство» в отношении суверенитета могут и должны стать синонимами [7, с. 3].

Полагаем в российских условиях вряд ли уместно использование термина «национальный» применительно к реализации интересов

общества в русле отождествления понятий «нация» и «национальность».

Помимо собственно выбора категории «национальный» или «народный» суверенитет, необходимо отметить, что само понимание данных категорий меняется. Так, академики О. Т. Богомолов и А. Д. Некипелов указывают на причинно-следственную связь между процессом глобализации, с одной стороны, и нарастающим стремлением многих стран обеспечить в этих условиях свой суверенитет – с другой. По их мнению, «глобализация понижает эффективность макроэкономической политики государств, уменьшая способность национальных правительств собирать налоги и финансировать «государство благосостояния», контролировать инфляцию и валютный курс. Она приводит к значительной неустойчивости внутренних рынков, урезая конкурентные преимущества, национальных процентов. Обеспечение приемлемой прибыли в жесткой глобальной конкурентной среде достигается нередко ценой ухудшения экологических стандартов... Неудивительно, что обеспечение суверенитета своего государства приобретает для многих стран, особенно развивающихся, особое значение.

Следует согласиться с мнением В. А. Затонского, полагающим, что России необходима такая система государственной власти, которая, не поступаясь принципами демократизма, продолжая совершенствоваться, строить, развивать демократический политический режим, повышая в то же время степень способности эффективно контролировать ситуацию в стране, была бы в состоянии вести борьбу с террористической и иными опасностями, стимулировать хозяйственную и общественную инициативу граждан, укрепляя тем самым российскую государственность [5, с. 126].

Полагаем основное направление конституционной реформы – не просто провозглашение, но реальное гарантирование народовластия, в том числе через обеспечение общественного контроля. Как верно отмечает С. А. Авакьян, как-то так получилось, что в основном народовластие у нас свелось к выборам [2, с. 5]. Но стоит ли ограничиваться только такой формой? Каковы основания для контроля граждан за деятельностью государства и отдельных публично-властных субъектов? Ответ очевиден – такие основания содержит Конституция РФ, провозглашая народ единственным источником власти и носите-

лем суверенитета. Аксиоматическое деление форм демократии на прямые и представительные зачастую приводит к их абсолютному отделению друг от друга. Однако, если мы ведем речь о том, что парламент помимо именованных в Конституции РФ представительной и законодательной функции должен исполнять (и по факту исполняет) не упоминаемую в Конституции РФ контрольную функцию, почему следует лишать этой функции самих граждан? При этом граждане не могут быть ограничены теми формами контроля, которые санкционированы и закреплены государством. Деятельность общественных палат, общественных и экспертных советов, привлечение представителей общественности для участия в публичных слушаниях, иные формы контроля со стороны общества – безусловно, важны, однако зачастую они могут превратиться в квазиобщественные органы, стать «излишне огосударственными». Одними из условий эффективного контроля со стороны граждан являются высокий уровень политической культуры, как самих граждан, так и публично-властных субъектов, готовность к совместной солидарной работе. Однако эти условия, скорее, благоприятный фон для действенного контроля, который может осуществляться только через механизм ответственности [9, с. 13]. Причем государство не имеет права исключать из механизма такой ответственности граждан, не вправе монополизировать эту сферу.

Очевидно, что одно из необходимых условий этого – установление конституционализма и гарантирование устойчивости конституционного развития. Последнее предполагает одновременно с Конституцией РФ наличие необходимой политической и конституционной культуры, гарантирование верховенства права посредством демократических институтов, формирование необходимой среды общественного согласия, плюрализма и толерантности, последовательное обеспечение общественного согласия.

Развитие конституционализма не может служить политической целесообразности, не может нарушать баланс разделения властей, приводить к нарушению конституционного равновесия, способствовать слиянию политических, административных и экономических сил. Конституционно-правовые процессы не могут ослабить гарантии защиты прав человека, ограничить их свободы, препятствовать

развитию самоуправления. Понятия «права человека», «демократия» и «правовое государство» выступают как органическое триединство, и именно гарантирование этого – цель принятия либеральной, демократической конституционной доктрины, установления в стране конституционализма [3, с. 4].

В одной из своих статей в преддверии 20-летнего юбилея Конституции России профессор С. В. Авакьян, задаваясь вопросами реформирования Конституции РФ, приходит к выводу, к которому можно со всей ответственностью присоединиться: если власть прислушается к конструктивным призывам, она имеет все шансы достойно завершить 20-летие, оставить в прошлом просчеты и ошибки, учесть разумные предложения и создать прочный (и спокойный!) фундамент будущего нашей страны [2, с. 9].

Литература

1. Авакьян, С. А. Конституция как символ эпохи / С. А. Авакьян // Конституция как символ эпохи: в 2 т. / под ред. С. А. Авакьяна. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – Т. 1. – 369 с.
2. Авакьян, С. А. Нужна ли конституционная реформа в России? / С. А. Авакьян // Конституционное и муниципальное право. – 2012. – № 9. – С. 2–9.
3. Арутюнян, Г. Г. Гарантии реализации основополагающих конституционных ценностей на уровне государственной политики и в общественной практике / Г. Г. Арутюнян. URL: http://www.concourt.am/armenian/structure/president/articles/yerevah2008_ru.pdf.
4. Бутусова, Н. В. Социальное назначение конституции / Н. В. Бутусова // Конституция как символ эпохи: в 2 т. / под ред. С. А. Авакьяна. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – Т. 1. – 369 с.
5. Затонский, В. А. Эффективная государственность / под ред. А. В. Малько / В. А. Затонский. – М.: Юрист, 2006. – 286 с.
6. Золотарева, М. Проблемы суверенитета: на стыке права и политики / М. Золотарева // Федерализм. – 1999. – № 3. – С. 12–17.
7. Конева, Н. С. Народовластие как объединяющая категория концепции суверенной демократии / Н. С. Конева // Конституционное и муниципальное право. – 2008. – № 9. – С. 2–4.
8. Невинский, В. В. Юридические свойства российской Конституции: испытание временем / В. В. Невинский // Конституция как символ эпохи: в 2 т. / под ред. С. А. Авакьяна. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – Т. 1. – 369 с.
9. Окулич, И. П. Гражданский контроль за соблюдением депутатами этических норм / И. П. Окулич, Н. С. Конева // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. – 2013. – № 3. – С. 11–15.
10. Тихон, Е. А. Приоритетные национальные проекты как форма государственной стратегии по обеспечению прав человека в России / Е. А. Тихон // Социальное и пенсионное право. – 2007. – № 2. – С. 9–11.

Классен Александр Николаевич – кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета, Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск). E-mail: ur-dek@susu.ac.ru.

RUSSIAN CONSTITUTION AND THE CONSTITUTIONAL SYSTEM OF THE XXI CENTURY: PROSPECTS OF DEVELOPMENT

A. N. Klassen
South Ural State University (Chelyabinsk)

The article deals with assessment of the Constitution of the Russian Federation in the development of the Russian state and society, provision of high standards of living of people and citizens. Prospects of the Russian constitutional system development as well as their influence on constitutional provisions are considered in the article. Basic values of the Constitution such as the ideas of democracy and sovereignty and their connection with other constitutional values are studied.

Keywords: Constitution, constitutional system, democracy, sovereignty.

Aleksander Nikolaevich Klassen – Candidate of Science (Law), Associate Professor, Dean of the Faculty of Law, South Ural State University (Chelyabinsk). E-mail: ur-dek@susu.ac.ru.

Статья поступила в редакцию 16 октября 2013 г.

ПРАВОВЫЕ ПОЗИЦИИ ВЫСШЕГО АРБИТРАЖНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ФАКТОР РЕФОРМИРОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

А. Г. Кузьмин

Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск)

В статье рассматривается одна из наиболее дискуссионных проблем современной юриспруденции – обеспечение единства судебной практики посредством официального признания прецедентного характера правовых позиций «высших» судов. На примере правовых позиций Высшего Арбитражного Суда РФ автор приходит к выводу, что в условиях реформирования государства и общества, несовершенства законодательства правовые позиции, сформулированные высшим судебным органом, выполняют функцию регулятора общественных отношений и одновременно обеспечивают их стабильность.

Ключевые слова: правовая позиция, Высший Арбитражный Суд РФ, правоприменение, судебный прецедент.

Выступая в январе 2012 года на Международной научно-практической конференции, посвященной двадцатилетнему юбилею создания арбитражных судов в России, А. А. Иванов обоснованно заметил, что основные результаты работы в указанном направлении, как и ее масштаб, еще только предстоит оценить. Это связано с тем, что история не содержит много примеров «столь быстрого и успешного внедрения новой модели правосудия в обществе, не имевшем до того ни экономических свобод, ни независимых судов, ни системы институтов, способных разрешать споры, неизбежно возникающие в конкурентной экономической среде». В начале своего формирования, – отметил Председатель Высшего Арбитражного Суда РФ, – у арбитражных судов отсутствовала возможность опираться на накопленный практический опыт, поскольку существовавшая в то время система госарбитража не могла быть эффективно применена в условиях конкурентной экономики. В связи с этим важной задачей представлялась разработка механизма, способного реагировать не на уже возникшие вызовы, а на те, которые еще только могут возникнуть в будущем, с тем чтобы попытаться решить их прежде, чем они приобретут характер кризиса [4, с. 14].

Важнейшую роль в формировании такого механизма сыграло официальное признание правовых позиций Высшего Арбитражного Суда РФ в качестве «фундамента» для осуще-

ствления разъяснений по вопросам судебной практики, обеспечивающих ее единство. Так, в Постановлении от 21 января 2010 г. № 1-П Конституционный Суд РФ указал, что вытекающее из ст. 127 Конституции РФ правомочие Высшего Арбитражного Суда РФ давать разъяснения по вопросам судебной практики направлено на поддержание единообразия в толковании и применении норм права арбитражными судами и является одним из элементов конституционного механизма охраны единства и непротиворечивости российской правовой системы. Указанный механизм основан на предписаниях ст. 15 (ч. 1), 17, 18, 19 и 120 Конституции РФ, а его реализация в процессуальном регулировании обеспечивается установленной законом возможностью отмены судебных актов, в том числе в случае их расхождения с актами высшего суда в системе арбитражных судов Российской Федерации, дающими разъяснения по вопросам судебной практики.

«Осуществление Высшим Арбитражным Судом РФ этого правомочия, – отметил Конституционный Суд РФ, – объективно не может не основываться на вырабатываемых им правовых позициях, содержащих толкование разъясняемых положений законодательства. Отрицание права Высшего Арбитражного Суда РФ давать на основе обобщения судебной практики абстрактное толкование применяемых арбитражными судами норм права и формировать соответствующие правовые по-

зиции означало бы умаление его конституционных функций и предназначения как высшего суда в системе арбитражных судов, – при том, что он не вправе выходить за пределы своих полномочий, определяемых Конституцией РФ и федеральными конституционными законами, и вторгаться в компетенцию других органов государственной, в том числе судебной, власти» [7].

Значимость правовых позиций Высшего Арбитражного Суда РФ как инструмента, использование которого позволяет достичь унификации судебной практики и, как следствие, стабильности экономических отношений, трудно переоценить. По мнению И. П. Малиновой, интерпретационные акты Высшего Арбитражного Суда РФ, наряду с интерпретационными актами Конституционного Суда РФ, в полной мере обладают качествами доктринального толкования, поскольку составляются на высоком научном уровне. В контекстуальную базу официального толкования входят концепции юридической науки, и субъект, осуществляющий интерпретацию, «в соответствии со своим юридическим мировоззрением совершает выбор, опираясь при толковании на ту научную концепцию, которая, по его мнению, наиболее адекватно отражает правовую реальность и методологически плодотворна» [6, с. 25]. Необходимо согласиться и с классиком юридической герменевтики Х.-Г. Гадамером, считающим, что в каждом судебном разбирательстве в результате аппликации правовой нормы на конкретную правовую ситуацию происходит «продуктивное расширение закона», при котором исторические контексты возникновения последнего уступают место современным контекстам. При этом традиция применения указанного закона за счет интерпретации обогащается новыми смыслами, и юридическая догма, сохраняя свою правовую сущность, становится, таким образом, более адекватной новым общественным отношениям и правовым ситуациям [2, с. 389].

Следует заметить, что до принятия Конституционным Судом РФ Постановления от 21 января 2010 г. № 1-П, фактически легализующего применение правовых позиций ВАС РФ, их внедрение в юридическую практику подвергалось значительной критике, что затрудняло формирование единообразной практики правоприменения. Такая ситуация, в частности, сложилась в связи с выходом в свет

Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 февраля 2008 г. № 14, расширившим перечень оснований пересмотра судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам. Подход, сформулированный в указанном постановлении, вызвал в юридической среде достаточно неоднозначную реакцию и обвинения Высшего Арбитражного Суда РФ в попытках введения прецедентной системы права в России. Между тем, как обоснованно заметил в связи с этим С. В. Сарбаш, указанная оценка связана, скорее, с непониманием существа вопроса. Она не учитывает того, что в силу п. 1 ст. 304 АПК РФ важнейшей государственной функцией Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ является обеспечение единообразия в толковании и применении арбитражными судами норм права. В то же время следует признать, что определенные категории дел, рассматриваемых арбитражными судами, характеризуются той или иной степенью стереотипности, т.е. при их рассмотрении устанавливаются схожие фактические обстоятельства и применяются одни и те же нормы законодательства. Рассмотрение одного из таких дел Президиумом Высшего Арбитражного Суда РФ, сопровождающееся толкованием конкретных норм закона и формированием тем самым правовой позиции высшей судебной инстанции, затрагивает и другие аналогичные дела, число которых может достигать десятков, а иногда и сотен. Очевидно, что передача их всех на рассмотрение Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ негативным образом сказалась бы на исполнении данным судебным органом своей основной функции. В то же время отказ в пересмотре судебных актов означал бы явно несправедливое решение в отношении стороны по делу, чьи права нарушены, и ставил бы субъектов экономических отношений в неравное положение. Таким образом, подход, основанный на применении правовых позиций Высшего Арбитражного Суда РФ, позволяет разрешить указанную дилемму, не нарушая «дееспособности» его Президиума и одновременно предусматривая процессуальный механизм защиты нарушенных прав посредством перераспределения нагрузки между судами различных инстанций. При этом прецедентной системы не создается, поскольку Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ не создает новой нормы права, а лишь истолковывает уже имеющуюся норму, которая и

должна применяться нижестоящими судами при рассмотрении споров. Постановление же Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ служит лишь юридическим инструментарием устранения неясности нормы закона, ее противоречивости или иного дефекта. Использование в данном случае института вновь открывшихся обстоятельств, – полагает С. В. Сарбаш, – представляет собой юридический прием толкования законодательства и обусловлено отсутствием специальных институтов, предназначенных для разрешения указанной правовой ситуации. Кроме того, необходимо принимать во внимание то обстоятельство, что в периоды социального и государственного реформирования законодательство зачастую содержит пробелы, противоречия, неясные по содержанию нормы, и в этих условиях установление единообразного толкования норм права оказывается особенно важным [8].

О необходимости единства судебной практики как обязательном условии эффективного разрешения юридических конфликтов свидетельствуют позиции и многих других ученых. При этом в последнее время внимание все чаще акцентируется на объективно обусловленном процессе сближения англосаксонской и континентальной систем права. Как известно, для первой характерен прецедентный подход к разрешению споров, когда суд в результате рассмотрения дел вырабатывает общеобязательные положения, которым другие суды должны следовать при рассмотрении аналогичных дел. В континентальной системе права суд не обладает указанными полномочиями, а применяет созданные законодателем нормы права. Однако на современном этапе развития, характеризующемся интенсивным воздействием глобализационных процессов и «интернационализацией» права, наблюдается взаимное обогащение и взаимопроникновение этих двух систем.

Указанная тенденция, с точки зрения Б. Я. Полонского, должна оцениваться положительно: ведь ценность права заключается в том, что оно обеспечивает равенство всех граждан перед законом, и соблюдение этого правового принципа призван гарантировать именно суд, который применяет закон. Именно поэтому, по мнению ученого, следует стремиться к единству судебной практики, которое выражается в том, что конкретная правовая норма при аналогичных обстоятельствах должна применяться единым образом.

Это представляет собой непростую задачу, актуальную для большинства современных государств, и ее решение должно достигаться исключительно с помощью законных способов и средств. Наиболее известным из них является обращение суда с запросом в Конституционный Суд РФ о соответствии применяемого или подлежащего применению в конкретном деле закона Конституции РФ. Рассматривая указанное обращение, Конституционный Суд РФ формулирует соответствующую правовую позицию, которая становится обязательной не только для суда, направившего запрос, но и для всех других судов. Фактически указанная правовая позиция приобретает нормативный характер, в результате чего вырабатываются единые подходы к применению закона [9].

При формировании отношения к правовым позициям «высших» судов следует принимать во внимание и то обстоятельство, что в России, в отличие от ряда других государств, отсутствует специальный орган, наделенный правом официального разъяснения положений закона в случае его неясности. Это обуславливает актуальность интерпретационной деятельности Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ, основанной на обобщении судебной практики. Кроме того, потребность в единообразном толковании норм права вызвана динамичным развитием российского законодательства, которое в условиях перехода от административных методов регулирования к рыночным отношениям нуждается в постоянной коррекции. Однако юридические конфликты между участниками правовых отношений нуждаются в своевременном, безотлагательном разрешении, что фактически накладывает на суд обязанность преодолевать дефектность законодательства в процессе рассмотрения дела. Поэтому судебная практика дает ответы на возникающие вопросы, а в ее формировании участвуют все судебные инстанции. «В мире общепризнанно, – замечает Б. Я. Полонский, – что, в конечном счете, ответственным за единообразное толкование и применение закона является высший или верховный суд государства. Совет Европы в своих документах прямо записал, что высший суд государства обязан решать две задачи: обеспечивать единство судебной практики и содействовать развитию права. ВАС РФ постоянно практически их решает» [9].

Правовые позиции Высшего Арбитражного Суда РФ, как и других «высших» судов,

аккумулируют в себе основной ориентирующий потенциал решений и могут быть систематизированы различным образом. Однако, по мнению Н. А. Власенко и А. В. Гриневой, в наиболее общей форме можно выделить две разновидности правовых позиций ВАС РФ: законопроектные и правореализационные [1, с. 92]. Существование первых предопределено предоставлением Пленуму и Президиуму Высшего Арбитражного Суда РФ права законодательной инициативы.

Исследование законопроектной деятельности Высшего Арбитражного Суда РФ позволяет утверждать, что она основывается на коллегиальных правовых позициях, вырабатываемых на основе постоянного анализа юридической практики с учетом специфики правовых отношений, свойственной каждому этапу развития государства и общества. При этом, несмотря на то что все органы судебной системы России действуют в едином правовом пространстве, взгляды высших судов, формирующие те или иные концепции совершенствования правосудия, могут существенным образом отличаться друг от друга.

В ряде случаев законодательная инициатива Высшего Арбитражного Суда РФ выражается в форме вносимых в Государственную Думу законодательных предложений, которые так же, как и законопроекты, основаны на коллегиальной правовой позиции Высшего Арбитражного Суда РФ. Кроме того, Высший Арбитражный Суд РФ является достаточно активным субъектом законодательной инициативы. Однако, несмотря на его достаточно интенсивную законопроектную деятельность, необходимо отметить, что в большинстве случаев правовые позиции носят правореализационный характер и направлены на преодоление дефектов нормативного регулирования, выявляемых юридической практикой.

Возвращаясь к проблеме сущности правовых позиций ВАС РФ и их оценки в качестве судебного прецедента, следует констатировать, что указанный вопрос не может считаться однозначно разрешенным. По мнению В. Д. Зорькина, проблема судебного прецедента представляет собой одну из кардинальных проблем развития современного права – и в смысле правотворчества, и в смысле правоприменения. «Правотворческая деятельность судов, – пишет ученый, – в правовой системе России формально (официально) не признается, в доктрине интерпретируется противоре-

чиво, но реально существует и через высшие судебные инстанции влияет на развитие права, как это имеет место и в ряде других стран Европейского континента (Греция, Италия, Нидерланды, ФРГ и др.). Действующая Конституция России (ст. 126 и 127) не придает обязательного характера разъяснениям Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ по вопросам судебной практики. Вместе с тем традиция судебного правоприменения стремится сохранить за ними такой характер. Решения и разъяснения этих судов в системе судов общей юрисдикции и арбитражных судов оказывают значительное влияние на последующие судебные решения и в определенной мере фактически приобретают прецедентное значение, способствуя в правоприменительной практике судов формированию оптимальных моделей для последующих судебных решений по конкретным делам» [3].

Выявляя общие свойства прецедентов и решений высшего суда на примере Конституционного Суда РФ, В. Д. Зорькин отмечает, что последним присущ ряд соответствующих признаков. Так, указанные решения распространяются не только на рассматриваемую правовую ситуацию, но и на все аналогичные ситуации и имеют официальный характер, делающий их реализацию обязательной на всей территории страны. «Поскольку Конституционный Суд обладает самостоятельной правотворческой функцией, – утверждает ученый, – следует признать, что его решения приобретают прецедентный характер и становятся источниками права. Логика такого подхода закономерна для стран, проводящих радикальные социальные, экономические и политические реформы. Нормативное регулирование в таких странах находится в постоянном противоречивом развитии: то отстает от проводимых реформ, то опережает их, что вызывает потребность в конституционализации отраслевого и регионального законодательства, то есть во встраивании его в непротиворечивую правовую систему, основанную на верховенстве Конституции. Создание значимых прецедентов в этой ситуации играет важную и даже направляющую роль» [3].

Таким образом, создание судебного прецедента, основанное на использовании правовых позиций, рассматривается многими учеными и практиками в качестве одного из основных механизмов правовой модернизации. В условиях реформирования государства и

общества, несовершенства законодательства правовые позиции, сформулированные высшим судебным органом, выполняющие функцию регулятора общественных отношений и одновременно обеспечивают их стабильность. Необходимость такого подхода согласуется с правовыми позициями Конституционного Суда РФ, согласно которым изменение законодателя (в том числе посредством временного регулирования) ранее установленных правил должно осуществляться таким образом, чтобы соблюдался принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства. Он предполагает наличие правовой определенности, сохранение разумной стабильности правового регулирования, недопустимость внесения произвольных изменений в действующую систему норм и предсказуемость законодательной политики. Это необходимо для того, чтобы участники соответствующих правоотношений могли в разумных пределах предвидеть последствия своего поведения и быть уверенными в неизменности своего официально признанного статуса, приобретенных прав и действительности их государственной защиты.

Следует согласиться с Председателем Высшего Арбитражного Суда РФ А. А. Ивановым в том, что тенденция к введению прецедентной системы способствует и снижению коррупции в судах. Формирование прецедентной системы осуществляется за счет достаточно широкого набора правовых позиций, известных участникам рынка и обеспечивающих предсказуемость решений судов. Именно прецеденты, по мнению ученого, позволяют выявлять «странные» решения, отклоняющиеся от сложившейся практики, сформированной высшими судами, и оценивать решения нижестоящих судов с позиции того, насколько их принятие продиктовано не внутренним убеждением судьи, а влиянием внепроцессуальных, внесудебных факторов.

Решения высших судебных органов представляют собой своеобразные национальные «фильтры» для оценки судебных решений, а их наличие способствует возрастанию авторитетности правовых позиций и означает возможность направленного воздействия на будущие решения судов нижестоящих инстанций. Прецедентные свойства правовых позиций, по мнению А. А. Иванова, обладают рядом достоинств. К ним могут быть отнесены относительная стабильность и отсутствие «резких, революционных изменений», что

представляется особенно важным в сфере частного права; внутренняя логика и последовательность развития; фотографическое отображение проблем практики и четкая реакция на них [5].

Известно, что, в отличие от Конституционного Суда РФ, обладающего исключительным полномочием по выявлению конституционно-правового смысла законов, Высший Арбитражный Суд РФ не наделен этим правом. Однако представляется, что это обстоятельство не исключает участия Высшего Арбитражного Суда РФ в конституционализации правового пространства. Это участие выражается в активной интерпретационной деятельности суда и формулировании правовых позиций, направленных на повышение стабильности гражданского оборота, предсказуемости исхода юридических конфликтов, возникающих между его участниками, и, следовательно, последовательное социально-экономическое развитие российского общества в соответствии с его конституционной моделью.

Литература

1. Власенко, Н. А. Судебные правовые позиции (основы теории) / Н. А. Власенко, А. В. Гринева. – М.: ИД Юриспруденция, 2009. – 168 с.
2. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики / Х.-Г. Гадамер. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
3. Зорькин, В. Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации / В. Д. Зорькин // Журнал российского права. – 2004. – № 12. – С. 3–9.
4. Иванов, А. А. Правовые позиции Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации и развитие гражданского права на современном этапе / А. А. Иванов // Российский судья. – 2012. – № 3. – С. 14.
5. Итоги работы Высшего Арбитражного Суда РФ за 2009 год и стратегия развития арбитражной системы РФ: интернет-конференция Председателя Высшего Арбитражного Суда РФ А. А. Иванова. URL: <http://www.garant.ru>.
6. Малинова, И. П. Интерпретационная деятельность в праве (методологические основания и систематизация) / И. П. Малинова // Российский юридический журнал. – 2011. – № 1. – С. 25.
7. По делу о проверке конституционности положений части 4 статьи 170, пункта 1 статьи 311 и части 1 статьи 312 Арбит-

ражного процессуального кодекса РФ в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Производственное объединение «Берег», открытых акционерных обществ «Карболит», «Завод «Микропровод» и «Научно-производственное предприятие «Респира-тор»: Постановление Конституционного Суда РФ от 21 января 2010 г. № 1-П // СЗ РФ. 2010. – № 6. – Ст. 699.

8. Трикоз, Е. Н. Новое постановление ВАС

РФ № 14: введение прецедента или распределение судебной нагрузки? / Е. Н. Трикоз // Арбитражное правосудие в России. – 2008. – № 4. – С. 73–89.

9. Шиняева, Н. В поисках правовой позиции (интервью с Б. Я. Полонским, заслуженным юристом РФ, профессором-консультантом Российской академии государственной службы при Президенте РФ) / Н. Шиняева // ЭЖ-ЮРИСТ. – 2008. – № 14. – С. 3.

Кузьмин Андрей Георгиевич – кандидат юридических наук, профессор кафедры предпринимательского и коммерческого права, Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск). E-mail: akuzmin@chelarbitr.ru.

**Bulletin of the South Ural State University
Series "Law"**

2013, vol. 13, no. 4, pp. 98–103

LEGAL POSITION OF HIGHER ARBITRATION COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION AS A FACTOR OF LEGAL PRACTICE REFORMING

A. G. Kuzmin
South Ural State University (Chelyabinsk)

The article considers one of the most controversial problems of modern law which is the provision of integrity of precedents by means of official recognition of precedent character of legal position of higher courts. On the basis of legal positions of Higher Arbitration Court of the Russian Federation the author comes to the conclusion, that in terms of society and state reforming, imperfection of legislation, legal positions stated by higher judicial authorities fulfills the function of a regulator of public relations and provide their stability at the same time.

Keywords: legal position, Higher Arbitration Court of the Russian Federation law enforcement, legal precedent.

Andrey Georgievich Kuzmin – Candidate of Science (Law), Professor of Entrepreneurship and Commercial Law Department, South Ural State University (Chelyabinsk). E-mail: akuzmin@chelarbitr.ru.

Статья поступила в редакцию 15 сентября 2013 г.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ ПО ПЕРЕХОДУ К КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЕ В СФЕРЕ ЗАКУПОК ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ НУЖД

К. И. Фамиева

Администрация города (г. Челябинск)

Статья посвящена анализу изменений законодательства в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд. Выработаны основные направления деятельности органов государственной власти и местного самоуправления по реализации перехода к контрактной системе и выстраиванию контрактных отношений применительно к отдельным субъектам. Автор приходит к выводу о том, что построение контрактной системы должно происходить по принципу централизации, который заключается в создании уполномоченного органа и наделении его функциями в сфере закупок.

Ключевые слова: контрактная система, закупки, государственные и муниципальные нужды.

С 1 января 2014 г. вступает в силу Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон о контрактной системе).

Закон о контрактной системе принципиально меняет подходы к осуществлению государственных и муниципальных закупок и предусматривает регулирование полного цикла закупок, включая планирование закупок, осуществление закупочных процедур, а также последующее исполнение контрактов, содержательный аудит полученных по ним результатов, контроль в сфере закупок и осуществление постоянного мониторинга закупок (ст. 3).

При этом субъектам Российской Федерации предоставлено право принимать активное участие в формировании региональных контрактных систем, начиная от возможности издания нормативных правовых актов в сфере закупок, определения оптимальной схемы централизации закупок для нужд субъекта Российской Федерации и муниципальных образований, находящихся на территории соответствующего субъекта Российской Федерации, создания и развития региональной информационной системы в сфере закупок, заканчивая проведением мониторинга закупок, а также осуществлением контроля и аудита в сфере закупок.

Основные процессы в контрактной системе условно можно разделить на следующие группы:

- планирование закупок;
- определение поставщиков (подрядчиков, исполнителей);
- исполнение контрактов;
- мониторинг закупок;
- контроль и аудит в сфере закупок.

Законодательно установлен новый порядок проведения процедур торгов: появляются новые процедуры, такие как конкурс с ограниченным участием, двухэтапный конкурс; меняются критерии оценки заявок на участие в конкурсе; повышаются требования к участникам закупок и к составу заявки на участие в закупке; вводятся новые правила расчета и обоснования начальной (максимальной) цены контракта; появляются антидемпинговые механизмы.

Вышеперечисленные изменения в законодательстве обуславливают изменения в функциях и полномочиях государственных и муниципальных органов, осуществляющих реализацию отдельных элементов контрактной системы.

Благодаря тому, что расширяются возможности по централизации и оптимизации закупок, уполномоченный орган субъекта Российской Федерации по решению высшего органа исполнительной власти может исполнять полномочия не только по определению

поставщиков (подрядчиков, исполнителей), но и полномочия по планированию закупок, исполнению контрактов, в том числе по обеспечению приемки и оплаты по контрактам (ст. 26 Закона о контрактной системе). Устанавливается возможность централизовать закупки муниципальных образований, находящихся на территории субъекта Российской Федерации, а также закупки, финансовое обеспечение которых частично или полностью осуществляется за счет межбюджетных трансфертов. Появляется схема ведомственной централизации закупок. Максимальный уровень централизации существует при создании специального ведомства, отвечающего за закупки.

В настоящее время в большинстве субъектов Российской Федерации применен принцип централизации закупок. Централизация закупок предполагает создание уполномоченного в сфере осуществления закупок органа. Под уполномоченным органом в контрактной системе понимается орган, который осуществляет полномочия на определение поставщиков (подрядчиков, исполнителей) и иные полномочия по осуществлению закупок для других заказчиков. К уполномоченным органам относятся, например, Государственный комитет Республики Карелия по управлению государственным имуществом и размещению заказов для государственных нужд, Управление государственных закупок Республики Татарстан, Главное управление материальных ресурсов Челябинской области.

С целью оптимизации закупочной деятельности заказчиков Закон о контрактной системе, как и действующее законодательство, предусматривает возможность создать уполномоченный орган субъекта Российской Федерации либо наделить соответствующими полномочиями какой-либо из существующих органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации.

При этом в условиях перехода к контрактной системе появляются новые факторы, свидетельствующие о целесообразности внедрения большей степени централизации закупок в субъектах:

1) установление в Законе о контрактной системе ограничений на применение упрощенных способов закупок (запрос котировок, запрос предложений, у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя));

2) изменение (усложнение) правил проведения конкурсов, аукционов, запросов котировок, а также появление новых способов закупок (запрос предложений, конкурс с ограниченным участием, двухэтапный конкурс);

3) закрепление в Законе о контрактной системе требования об осуществлении закупок на профессиональной основе (ст. 9 Закона о контрактной системе).

С учетом изложенного, при формировании контрактной системы в субъектах Российской Федерации должен быть сохранен принцип централизации закупок для заказчиков в уполномоченном органе.

Также данная схема может применяться в целях передачи несвойственных профильным государственным органам закупочных функций уполномоченному органу, что позволит оптимизировать штатную численность государственных гражданских служащих, а это отвечает требованиям основных принципов административной реформы; необходимости повышения эффективности административно-управленческих процессов органов исполнительной власти путем выведения за рамки их полномочий избыточных и не свойственных обеспечивающих функций.

Создание или наделение уже существующих государственных, муниципальных органов функциями, установленными Законом о контрактной системе, повысит эффективность осуществления административно-управленческих процессов исполнительных органов государственной власти, позволит контролировать издержки их основной деятельности, повысит эффективность закупочной деятельности, сократит капитальные затраты и число административного и управленческого персонала, что приведет к экономии бюджетных средств. Успешное функционирование системы закупок оказывает благоприятное влияние на все стороны развития города: укрепление экономики, повышение качества жизни населения [1, с. 85].

Исходя из анализа Закона о контрактной системе, можно выделить следующие направления совершенствования деятельности уполномоченного органа.

1. Организация эффективного планирования, осуществление закупок в строгом соответствии с сформированными планами-графиками.

2. Проведение проверки конкурсной документации, документации об аукционе, извещения о проведении запроса котировок на соответствие нормам действующего законодательства о закупках, гражданского и антимонопольного законодательства перед размещением на официальном сайте Российской Федерации в информационно-коммуникационной сети «Интернет».

3. Повышение уровня оказания методической и консультационной помощи заказчикам. Информирование заказчиков об изменениях в законодательстве путем размещения сведений на сайте уполномоченного органа, проведение семинаров, разработка методических рекомендаций, анализ судебной практики и практики контролирующих органов в сфере размещения заказов с целью повышения уровня профессионализма заказчиков, консультирование заказчиков по возникающим вопросам как на стадии размещения заказа, так и в ходе исполнения контракта, совместная проработка правовой позиции для защиты интересов в контролирующих органах, а также в судах.

4. Размещение заказов только при наличии доведенных лимитов.

5. Объективное рассмотрение заявок участников размещения заказа, создаваемыми уполномоченным органом конкурсными, аукционными и котировочными комиссиями, в состав которых входят представители как заказчика, так и уполномоченного органа.

6. Повышение уровня подготовки специалистов для системы размещения государственных и муниципальных заказов.

Кроме того, Законом о контрактной системе введены новые виды контроля: ведомственный контроль (ст. 100), контроль, осуществляемый заказчиком (ст. 101), общественный контроль (ст. 102), контроль, осуществляемый финансовым органом (ст. 99), внут-

ренний государственный финансовый контроль (ст. 99).

Увеличилось число субъектов, имеющих право на обжалование действий (бездействия) заказчиков, контрактных служб, контрактных управляющих, комиссий по осуществлению закупок и их членов, уполномоченных органов, специализированных организаций. Кроме участников закупок, жалобы могут подаваться общественными объединениями, объединениями юридических лиц (ст. 105 Закона о контрактной системе).

С учетом изложенных обстоятельств в целях реализации положений Закона о контрактной системе перед органами исполнительной власти субъектов РФ и органами местного самоуправления стоят следующие задачи:

- разработать и принять соответствующие правовые акты, устанавливающие оптимальную для субъекта РФ схему организации управления в сфере закупок;

- осуществить оптимизацию процесса определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей), в том числе путем перехода к осуществлению закупок с использованием автоматизированных систем;

- разработать и принять методические документы, обеспечивающие осуществление стадии определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей);

- в целях реализации принципа профессионализма обеспечить организацию обучения специалистов, занятых в сфере осуществления закупок.

Литература

1. Каранатова, Л. Г. *Управление государственными закупками в Санкт-Петербурге* / под ред. В. В. Бланка, Ю. П. Панибратова, С. Р. Тажетдинова / Л. Г. Каранатова. – СПб.: СПбГАСУ, 2005. – 279 с.

Фамиева Карина Ильдаровна – соискатель кафедры конституционного и административного права, Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск), Администрация г. Челябинска. E-mail: zvillinga@mail.ru.

ADMINISTRATIVE ACTIVITIES IN TRANSITION TO THE CONTRACT SYSTEM IN THE SPHERE OF PURCHASING FOR STATE REQUIREMENTS BY STATE POWER AUTHORITIES

K. I. Famieva
Administrative Authority of Chelyabinsk

The article deals with the analysis of modifications in legislation of purchasing for the state and public requirements. Basic actions of the state power authorities and local government are worked out to implement the transition to the contract system and building of contractual relations in respect to some entities. The author comes to the conclusion that contract system development is to follow the principle of centralization which is connected with the formation of a competent authority and empowering it with the functions in the sphere of purchasing.

Keywords: contract system, purchasing, state and public requirements.

Karina Ildarovna Famieva – degree-seeking student of Constitutional and Administrative Law Department, South Ural State University (Chelyabinsk), Administrative Authority of Chelyabinsk.
E-mail: zvillinga@mail.ru.

К ВОПРОСУ О ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЕ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛ В АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

А. В. Торопов

Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск)

Статья посвящена проблеме процессуальной (исковой) форме рассмотрения дел в административном судопроизводстве в свете проекта Кодекса административного судопроизводства (КАС). В статье рассматриваются общие характеристики и отличительные признаки административного иска, круг субъектов публично-правовых отношений, защита субъективных публичных прав и законных интересов которых возможна с использованием административного иска. Автором исследуется понятие административного иска, освещается дискуссионный вопрос теоретического определения понятия административного иска. Автором делается вывод о том, что административное исковое заявление является процессуальным средством реализации права на иск в административном судопроизводстве. На основе исследования различных мнений ученых сформулировано авторское определение понятия административного иска, учитывающее его процессуальную форму – административное исковое заявление.

Ключевые слова: административный иск, административная юстиция, административное судопроизводство.

Процесс становления административной юстиции как самостоятельного института судопроизводства и неотъемлемого элемента правового государства предполагает совершенствование процессуальных форм разрешения административных споров и создание эффективного способа защиты субъективных публичных прав.

Актуальность вопроса о процессуальной форме рассмотрения дел, возникающих в сфере публичных правоотношений, в значительной мере определена принятием в первом чтении проекта Кодекса административного судопроизводства (далее – проект КАС) [1].

Проект КАС впервые в российском праве вводит в понятие административного искового заявления. Принятие законодателем в первом чтении проекта КАС позволяет предполагать, что в ближайшем будущем административный иск станет неременным атрибутом административной юстиции, как это имеет место в гражданском и арбитражном процессах, где иск является основной формой разрешения гражданских дел. Как справедливо указывает А. Б. Зеленцов, «признание административного иска как средства обращения в суд с требованием о защите нарушенного публичного права ведет к усилению состязательных начал в административном судопроизводстве и повышению правовых гарантий

для участников административного процесса. Оно предполагает возможность предоставления сторонам многообразных исковых средств защиты права, в том числе в рамках уже действующего законодательства» [3].

Между тем вопрос об административном иске как основной процессуальной форме разрешения споров в сфере публичных правоотношений и способе защиты субъективных публичных прав в отечественном административном праве всегда являлся дискуссионным.

Советская юридическая наука не допускала существование административного иска в правоприменительной практике и отвергала саму концепцию искового производства в сфере судебного обжалования актов органов государственного управления, обосновывая это неравноправным положением сторон в регулятивных публично-правовых отношениях и отсутствием в делах, возникающих из административных правоотношений, спора о праве [2, с. 292]. Суть данной концепции сводилась к тому, что при рассмотрении этой категории дел суд не разрешал, как в гражданских исковых производствах, спор о праве, а осуществлял судебный контроль за законностью действий органов власти по отношению к частным лицам, и, таким образом, данное производство являлось не формой осуществ-

ления права (как в исковом процессе), а формой ограниченного контроля суда за законностью действий административных органов. Данная позиция обуславливалась ориентированностью советского государства исключительно на защиту и охрану существующего правопорядка, при этом игнорировались вопросы защиты прав личности, включая и субъективные публичные права.

С принятием Конституции Российской Федерации административное судопроизводство провозглашено в качестве одной из форм осуществления судебной власти, наряду с конституционным, гражданским и уголовным судопроизводством (ст. 118 Конституции РФ). Вместе с тем вопрос правового регулирования процедуры рассмотрения дел в административном судопроизводстве оставался открытым.

Принятие КАС – первого кодифицированного нормативного акта в области административного процесса – даст возможность реализовать в правоприменительной практике концепцию административного иска, давно существующую в зарубежных правовых системах.

Однако оставленные за рамками КАС вопросы рассмотрения дел об административных правонарушениях и административных споров в сфере предпринимательской деятельности, сохранение в арбитражном процессе деления производств на исковое по гражданским делам и неисковое по административным делам не позволяют говорить об окончательном решении вопроса единой процессуальной регламентации рассмотрения судами дел, возникающих в сфере публично-правовых отношений.

Вместе с тем предлагаемый проект КАС достаточно последовательно реализует идею исковой защиты прав граждан и организаций в административном судопроизводстве. Законодательно устанавливаются понятия «административное исковое заявление», «административный истец», «административный ответчик».

Предусмотрены общие положения, характерные для всех видов исковых производств: право административного истца изменить основание или предмет административного иска, отказаться от административного искового заявления полностью или в части. Административному ответчику КАС предоставляет право признать административный иск пол-

ностью или в части. Сторонам предоставлено право заключать мировое соглашение. Предусматриваются возможность предъявления встречного административного искового заявления, осуществление процессуального правопреимства и процессуального соучастия, замены ненадлежащего административного ответчика. Законодательно устанавливаются состязательность и равноправие сторон административного судопроизводства при активной роли суда.

При этом положения КАС учитывают специфику рассмотрения дел в порядке административного судопроизводства, а именно фактическое неравенство субъектов административно-правовых отношений. Вследствие этого в целях реализации принципа равенства сторон в административном судопроизводстве КАС предоставляет административному истцу определенные преференции, например, в виде возложения обязанности доказывания законности оспариваемых по административным делам и нарушающих права (в том числе избирательные права и право на участие в референдуме), свободы и законные интересы административного истца или неопределенного круга лиц нормативных правовых актов, решений, действий (бездействия) органов и организаций, должностных лиц, наделенных государственными или иными публичными полномочиями, на соответствующие орган, организацию и должностное лицо. Кроме того согласно положениям КАС указанные органы, организации и должностные лица обязаны также подтверждать фактические данные, на которые они ссылаются как на основание своих возражений. По таким делам административный истец не обязан доказывать незаконность оспариваемых ими нормативных правовых актов, решений, действий (бездействия).

При этом необходимо отметить, что подобные императивные требования не исключают состязательность процесса административного судопроизводства и не противоречат сути исковой формы рассмотрения административных дел.

Устанавливая исковую форму рассмотрения дел в административном судопроизводстве, КАС определяет административное исковое заявление как обращение в суд за защитой прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций в сфере административных или иных публичных правоотношений.

В этой связи интерес представляет дискуссия относительно теоретического определения понятия административного иска.

Ряд ученых трактует административный иск как «процессуальное требование», расходясь, впрочем, в составе возможных субъектов такого иска. Так, Ю. А. Попова определяет административный иск как процессуальное требование к суду, предъявленное гражданином (группой граждан) или прокурором, о проверке законности актов, решений, действий, которыми, по мнению лица, обращающегося в суд, нарушены его публично-правовые интересы или субъективные материальные права [5, с. 31]. По мнению Г. Л. Осокиной, административный иск есть требование о защите установленного правопорядка, прав, свобод граждан, организаций и государства от административных правонарушений, т.е. правонарушений в сфере административно-правовых (публичных) отношений [4, с. 46]. По нашему мнению, определение Ю. А. Поповой существенно ограничивает круг субъектов, имеющих право на предъявление административного иска, поскольку из числа лиц, обращающихся с административным иском, исключены организации. Однако организации, наряду с гражданами, являются субъектами публичных правовых отношений, в связи с чем права и законные интересы организаций также нуждаются в эффективном механизме правовой защиты, в том числе и с использованием административного иска, что закреплено в проекте КАС. Поэтому определение административного иска, предложенное Г. Л. Осокиной, представляется более универсальным и содержательным.

Профессор А. Б. Зеленцов определяет административный иск как требование к юрисдикционному органу о проверке законности административного акта, защите субъективных публичных прав и законных интересов или публичного правопорядка, исходящее из указанного заявителем спорного публично-правового отношения и предполагающее разрешение конфликтной ситуации посредством применения праввосстановительных либо административно-наказательных мер [3].

Данное определение вызывает интерес в первую очередь в связи с указанием на цель административного иска – не только установление законности акта, но в первую очередь защита субъективных публичных прав частных лиц. Однако предложенное А. Б. Зелен-

цовым определение не учитывает процессуальную регламентацию относительно формы заявленного требования.

С учетом искового характера административного судопроизводства, предложенного КАС, вероятно, следует дополнить теоретическое определение административного иска указанием на его процессуальную форму, поскольку административный иск является в первую очередь процессуальным средством требования заявителя к суду о защите публичного права, как субъективного, так и объективного, а реализация административного иска возможна лишь при условии, что такое требование (обращение) к суду облечено в определенную процессуальную форму – административного искового заявления (п. 2 ст. 18 проекта КАС). Административное исковое заявление, таким образом, является процессуальным средством реализации права на иск в административном судопроизводстве.

Предмет исковой защиты определяет и основное отличие административного иска от гражданского. Административный иск возникает из спорных административно-правовых отношений и имеет своей целью защиту субъективного публичного права, проверку законности нормативного правового акта или восстановление публичного правопорядка, которые административный истец полагает нарушенными.

Следовательно, административный иск можно определить как обращенное к суду и изложенное в форме административного искового заявления требование о проверке законности административного акта, защите субъективных публичных прав, свобод граждан, прав и законных интересов организаций или публичного правопорядка, исходящее из указанного заявителем спорного публично-правового отношения и предполагающее разрешение конфликтной ситуации посредством применения праввосстановительных либо административно-наказательных мер.

Литература

1. Проект Федерального закона Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации. URL: http://www.rg.ru/pril/article/78/40/32/proektpervoe_chtenie.pdf.

2. Абрамов, С. Н. Советский гражданский процесс / С. Н. Абрамов. – М.: Госюриздат, 1952. – 420 с.

3. Зеленцов, А. Б. Теоретические проблемы административного иска / А. Б. Зеленцов // Правоведение. – 2005. – № 6. – С. 26–41.

4. Осокина, Г. Л. Иск (теория и практика) / Г. Л. Осокина. – М.: Городец, 2000. – 192 с.

5. Попова, Ю. А. Административное судопроизводство в системе судов общей юрисдикции / Ю. А. Попова // Государство и право. – 2002. – № 5. – С. 30–34.

Торопов Алексей Владимирович – адвокат, соискатель кафедры конституционного и административного права, Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск). E-mail: pravo74@inbox.ru.

Bulletin of the South Ural State University
Series "Law"
2013, vol. 13, no. 4, pp. 108–111

FORM OF ACTION IN ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS

A. V. Toropov
South Ural State University (Chelyabinsk)

The article considers the problem of form of action (appeal) in administrative proceedings in terms of a project of Code of Administrative Court Procedure. The article deals with general characteristics and features of administrative appeal, a range of subjects of public and legal relations, which protection of subjective public rights and interests is due to the use of an administrative appeal. The author analyzes the notion of an administrative appeal, ambiguous problem of a theoretical notion of administrative appeal is highlighted. The author comes to the conclusion that administrative appeal is a tool of proceedings to realize the rights to appeal in administrative court proceedings. On the basis of analysis of different viewpoints of the scholars the author's view on the notion of administrative appeal with its procedural form of administrative form of claim is pointed out.

Keywords: *administrative appeal, administrative law, administrative proceedings.*

Aleksey Vladimirovich Toropov – barrister, degree-seeking student of Constitutional and Administrative Law Department, South Ural State University (Chelyabinsk). E-mail: pravo74@inbox.ru.

Статья поступила в редакцию 9 октября 2013 г.

ДИСЦИПЛИНАРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Е. А. Шурупова

Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск)

В статье рассматривается история развития дисциплинарного производства в органах внутренних дел России в XX веке, анализируются особенности его правового регулирования, оценивается преемственность правовых норм. Данное исследование позволяет сделать вывод о том, что источники его правового регулирования характеризуются последовательным развитием и очевидной преемственностью нормативных предписаний с одновременным совершенствованием понятийного аппарата, процедурных вопросов, уточнением субъектного состава, видов дисциплинарных взысканий.

Ключевые слова: *дисциплина, дисциплинарный устав, дисциплинарное производство, дисциплинарное взыскание.*

Рассмотрение дисциплинарного производства в органах внутренних дел России в историческом контексте позволяет более глубоко понять природу данного правового института, а также учесть накопленный опыт при совершенствовании его правового регулирования в современных условиях.

Развитие и совершенствование данного правового института в XX веке неразрывно связаны с развитием собственно системы органов внутренних дел.

Начало XX века (1917–1931 гг.) в России характеризуется возникновением и организационным построением рабочей милиции как штатного государственного органа охраны общественного порядка [5, с. 99], что в свою очередь сопровождалось бурным развитием дисциплинарного производства.

Указанный период связан с изданием следующих правовых актов.

Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР от 3 апреля 1919 г. «О Советской Рабоче-Крестьянской милиции» предусматривал распространение на милицию действия дисциплинарного устава Рабоче-Крестьянской Красной Армии от 30 января 1919 г. [3], в связи с чем в органах внутренних дел вводилась воинская дисциплина.

Первый Дисциплинарный устав для служащих Советской Рабоче-Крестьянской милиции был утвержден 22 августа 1919 г. Дисциплина в нем рассматривалась как выполнение служебных обязанностей в интересах

РСФСР. Регулируя вопросы осуществления дисциплинарного производства, Устав закреплял, что при выборе дисциплинарного взыскания должен осуществляться персональный подход к лицу, совершившему дисциплинарный проступок, при котором учитываются степень его вины, время пребывания его на службе, обстоятельства совершения деяния и ранее наложенные взыскания. Кроме того, Устав определял полномочия начальников по наложению дисциплинарных взысканий, а также выделял такие стадии дисциплинарного производства, как расследование совершенного проступка, наложение дисциплинарного взыскания, исполнение дисциплинарного взыскания в виде смещения с должности и увольнения со службы, обжалование наложенного взыскания. Дисциплинарные взыскания налагались за незначительные нарушения по службе.

В 1923 году Дисциплинарным уставом Рабоче-Крестьянской Красной милиции были введены понятия революционной милицмейской дисциплины, проступка против милицмейской дисциплины. Также были установлены новые виды дисциплинарных взысканий, подробнее регламентированы стадии наложения, исполнения и обжалования дисциплинарных взысканий, что свидетельствует о более значительной степени регулирования вопросов административной деятельности по применению дисциплинарных взысканий к работникам милиции.

Следующим правовым документом, сыгравшим не менее значимую роль в развитии дисциплинарного производства, стал Дисциплинарный устав Рабоче-Крестьянской милиции от 7 июля 1926 г. № 123, существенным отличием которого стал уход от понятия «революционная милицмейская дисциплина» и закрепление понятия «милицмейская дисциплина», включающего в себя не только выполнение обязанностей по службе, но и соблюдение норм морали в быту. Кроме того, Уставом впервые было предусмотрено, что дисциплинарные взыскания, за исключением устных, объявляются приказами (ст. 29). Остальные нормы не претерпели существенных изменений.

30 июня 1931 г. был утвержден новый Дисциплинарный устав Рабоче-Крестьянской милиции [4], в котором нашло отражение дальнейшее развитие понятийного аппарата и процессуальных норм (вводилось понятие служебного проступка, изменились система дисциплинарных взысканий, сроки обжалования и рассмотрения жалобы, достаточно подробно был определен круг субъектов дисциплинарного производства, их дисциплинарные права).

С 1940 по 1948 гг. вследствие Великой Отечественной войны и сложной криминальной обстановки в послевоенное время дисциплинарное производство в органах внутренних дел вновь стало регулироваться дисциплинарными уставами Красной Армии 1940 и 1946 гг. Только 7 июля 1948 г. был утвержден Дисциплинарный устав милиции [2], который заимствовал нормы, содержащиеся в ранее принятых дисциплинарных уставах милиции и Вооруженных сил СССР. В то же время в нем отсутствовали ссылки на революционную законность, революционный порядок, классовость, появились новые виды дисциплинарных взысканий. В Уставе была сохранена дифференциация дисциплинарных взысканий для лиц рядового состава, младшего, среднего, старшего и высшего начальствующего состава, подробно регламентировались полномочия начальников по наложению дисциплинарных взысканий, особые случаи наложения дисциплинарных взысканий, порядок наложения дисциплинарных взысканий, порядок приведения в исполнение дисциплинарных взысканий, порядок обжалования. Устав различал неоднократное нарушение дис-

циплины, существенное нарушение дисциплины, а также проступок вне службы (ст. 55).

Дальнейшее правовое регулирование дисциплинарного производства советского периода отличалось более высоким уровнем правотворчества и соблюдением юридических норм. Дисциплинарный устав органов внутренних дел, утвержденный Президиумом Верховного Совета СССР 30 марта 1971 г. [7], по сравнению с Дисциплинарным уставом 1931 года состоял всего из семи глав, вместо 16, имевших место ранее. Им были установлены конкретные сроки привлечения к дисциплинарной ответственности, исполнения, обжалования и снятия наложенного взыскания. Выделялись такие стадии дисциплинарного производства как возбуждение дела о нарушении дисциплины, служебное расследование (необязательная), рассмотрение и принятие решения по делу о нарушении дисциплины, обжалование решения по делу, исполнение решения о наложении дисциплинарного взыскания.

Принятие Дисциплинарного устава 1971 года явилось важным шагом не только в деятельности, направленной на повышение дисциплины в органах внутренних дел, но и в дальнейшем правовом регулировании дисциплинарного производства, поскольку многие его положения нашли отражение в действующем законодательстве.

Дисциплинарный устав органов внутренних дел от 3 мая 1984 г. [8] сохранил не только прежнюю структуру, но и наименования глав. Незначительным изменениям подверглись виды дисциплинарных взысканий, дальнейшее развитие получили процессуальные нормы, касающиеся сроков привлечения к дисциплинарной ответственности. Так, срок ареста с содержанием на гауптвахте для старшего состава не должен был превышать пять суток. К лицам, которые не могли подвергаться данному виду взыскания, были отнесены женщины рядового и начальствующего состава. В целом Дисциплинарный устав 1984 года не содержал в себе принципиально новых положений.

Новым этапом в создании правовой основы дисциплинарного производства в органах внутренних дел стало Положение о службе в органах внутренних дел Российской Федерации от 23 декабря 1992 г. [6], с введением в действие которого действующие нормативные

акты стали применяться в части, ему не противоречащей.

В связи с тем, что Положение о службе, регулируя вопросы служебной дисциплины, определило обязанности начальников органов внутренних дел по поддержанию служебной дисциплины, изменило систему и виды дисциплинарных взысканий, порядок их применения, права и ответственность начальников по их наложению, права сотрудников по обжалованию дисциплинарного взыскания, Дисциплинарный устав органов внутренних дел 1984 года фактически перестал применяться. Официально же действие указанного устава было прекращено только 14 октября 2012 г.

В отличие от Дисциплинарного устава 1984 года, в Положении предусматривались единые взыскания за нарушение служебной дисциплины независимо от категории сотрудников (рядовой или начальствующий состав). Полномочия по предоставлению прав начальникам по наложению дисциплинарных взысканий предоставлялись министру внутренних дел Российской Федерации (ст. 40).

Таким образом, исследование дисциплинарного производства в органах внутренних дел в историческом аспекте позволяет сделать вывод о том, что источники его правового регулирования характеризуются последовательным развитием и очевидной преемственностью нормативных предписаний с одновременным совершенствованием понятийного аппарата, процедурных вопросов, уточнением субъектного состава, видов дисциплинарных взысканий.

Литература

1. Гольдман, В. С. В. И. Ленин и становление советской милиции: учебное пособие / В. С. Гольдман. – М.: Высш. Школа МВД СССР, 1970. – 34 с.
2. Дисциплинарный устав Милиции. Приказ МВД СССР от 7 июля 1948 г. № 269 // Архив УМВД России по Оренбургу. обл. Ф. 38. Оп. 5. Д. 5.

3. Дисциплинарный устав Рабоче-Крестьянской Красной Армии. – М.: Изд-во РККА, 1919.

4. Дисциплинарный устав Рабоче-Крестьянской милиции от 30 июня 1931 г. // Сборник приказов и циркуляров ГУРКМ при СНК РСФСР – 1931. – № 7.

5. Мулукаев, Р. С. Организационно-правовые основы становления советской милиции (1917–1920 г.): учебное пособие / Р. С. Мулукаев. – М.: Изд-во Академии МВД СССР, 1975. – 108 с.

6. Об утверждении Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации и текста Присяги сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации: Постановление Верховного Совета РФ от 23 декабря 1992 г. № 4202-1 // Ведомости Совета народных депутатов и Верховного Совета РФ. – 1993. – № 2. – Ст. 70.

7. О Дисциплинарном уставе органов внутренних дел: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 30 марта 1971 г. // Ведомости Верховного Совета. – 1971. – № 14. – Ст. 155.

8. О Дисциплинарном уставе органов внутренних дел: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 3 мая 1984 г. № 128-XI // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1984. – № 19. – Ст. 342.

9. О Дисциплинарном уставе органов внутренних дел Российской Федерации: Указ Президента РФ от 14 октября 2012 г. № 1377 // СЗ РФ. – 2012. – № 43. – Ст. 5808.

10. О Советской Рабоче-Крестьянской милиции: Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР от 3 апреля 1919 г. // Гос. архив Оренб. обл. Ф. Р 1821. Оп. 1.

11. Приказ Народного Комиссариата Внутренних дел РСФСР от 7 июля 1926 г. № 123 // Бюллетень НКВД. – 1926. – № 17.

12. Приказ Народного Комиссариата Внутренних Дел РСФСР от 4 сентября 1923 г. // Гос. архив Оренб. обл. Ф. Р 1580. Оп. 1.

Шурупова Екатерина Александровна – соискатель кафедры конституционного и административного права, Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск), начальник отделения организации правовой деятельности территориальных органов правового отдела Управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Оренбургской области. E-mail: ekaterina-shurupova@yandex.ru.

**DISCIPLINARY PROCEEDINGS
IN INTERNAL AFFAIRS BODIES OF RUSSIA:
HISTORICAL AND LEGAL ASPECT**

E.A. Shurupova
South Ural State University (Chelyabinsk)

The article highlights the history of development of disciplinary proceedings in Internal Affairs Bodies of Russia in the XX century; features of their legal regulation are analyzed; continuity of legal statutes is assessed. This research allows us to make a conclusion that the sources of legal regulation are characterized by continuous development and evident continuity of regulatory prescriptions with simultaneous improvement of conceptual framework, procedural problems, specification of legal competence and forms of disciplinary penalty.

Keywords: discipline, Disciplinary Regulations, disciplinary proceedings, disciplinary penalty.

Ekaterina Aleksandrovna Shurupova – degree-seeking student of Constitutional and Administrative Law Department, South Ural State University (Chelyabinsk), Director of Department of Legal Services and Regional Agencies of Legal Department of Directorate of Internal Affairs Ministry of the Russian Federation for Orenburg region. E-mail: ekaterina-shurupova@yandex.ru.

Статья поступила в редакцию 23 сентября 2013 г.

ОСОБЕННОСТИ УЧАСТИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ПОТЕРПЕВШЕГО В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Е. С. Дроздовская

Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск)

В статье рассматриваются вопросы защиты потерпевшим прав и законных интересов через представителя. Человек, его права и свободы являются высшей ценностью и обязывают государство соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина. Данное положение Конституции РФ приобретает особенно важное значение в сфере уголовного судопроизводства, наиболее заинтересованными участниками которого являются обвиняемый и потерпевший, чьи права и интересы гарантируются законом. Автором проанализировано и глубоко раскрыто понятие – «адвокат». Сформулировано авторское понятие представителя потерпевшего в уголовном судопроизводстве. Автор приходит к выводу о том, что адвокат является одним из главных участников уголовного процесса, который может предоставить потерпевшему квалифицированную юридическую помощь.

Ключевые слова: адвокат-представитель, потерпевший, защита прав и свобод человека.

В российском уголовном процессе основное внимание, уделяется защите прав и интересов обвиняемого, а не лица, пострадавшего от преступления. Гуманизация уголовно-процессуального законодательства, сопровождается ущемлением интересов потерпевших, что не позволяет успешно решать такую важную задачу правосудия, как защита жертв преступления.

Защита прав и законных интересов потерпевшего должна обеспечиваться системой политических, экономических и юридических гарантий. К числу юридических гарантий прав и законных интересов лиц, пострадавших от преступления, в частности, относятся предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством средства, с помощью которых они охраняются и обеспечиваются. Наиболее важной гарантией защиты прав и законных интересов потерпевшего является возможность получения квалифицированной юридической помощи в лице профессионального юриста – адвоката-представителя. Необходимость в этом возникает потому, что во многих случаях потерпевший не может сам полноценно реализовать свои процессуальные права [4, с. 247–251].

В числе лиц, имеющих право участвовать в уголовном деле в качестве представителя потерпевшего, закон прежде всего назвал адвокатов (ч. 1 ст. 45 УПК РФ). Необходимость иметь при производстве по уголовному делу

представителя вызвана тем, что во многих случаях потерпевший не может сам реализовать свои процессуальные права. Причины этого разнообразны. Например, в результате полученной травмы состояние его здоровья не позволяет быть участником процесса, или моральная травма настолько тяжела, что потерпевший не в состоянии активно участвовать в судопроизводстве и поэтому предпочитает иметь в нем своего представителя. Не менее существенно и то, что в роли потерпевшего чаще всего оказываются люди, мало осведомленные в вопросах законодательства. Конечно, лицо, производящее дознание, следователь и суд обязаны разъяснять потерпевшему его процессуальные права, однако полнее и эффективнее реализовать эти права может лицо, обладающее юридическими познаниями, поэтому потерпевшие нередко доверяют защиту своих прав и законных интересов в уголовном процессе адвокатам. Участие в деле адвоката в качестве представителя потерпевшего позволяет своевременно, надежно и результативно осуществлять правовую защиту прав и законных интересов потерпевшего.

Важно и то, что для защиты прав и интересов потерпевших, являющихся несовершеннолетними или по своему физическому либо психическому состоянию лишенных возможности самостоятельно защищать перечисленные ценности, обязательно участие в уголовном деле их представителей (ч. 3 ст. 45

УПК РФ). И в первую очередь – адвокатов, которые в состоянии оказать им квалифицированную юридическую помощь [2, с. 53–66].

Личное участие в уголовном деле потерпевшего не лишает его права иметь представителя (ч. 4 ст. 45 УПК РФ), участвующего в уголовном судопроизводстве наряду с доверителем. Потерпевший вправе иметь представителя на всех стадиях уголовного процесса (п. 8 ч. 2 ст. 42 УПК РФ). Право иметь адвоката-представителя у потерпевшего возникает в связи с принятием дознавателем, следователем, прокурором, судом процессуального решения о признании его участником уголовного процесса.

Таким образом, потерпевший вправе реализовать свои права через представителя или, активно участвуя в производстве по уголовному делу, осуществлять их вместе с представителем.

Адвокат, представляя интересы потерпевшего на досудебных и судебных стадиях, осуществляет в уголовном процессе функцию защиты его прав и законных интересов – деятельность, направленную на недопущение нарушений этих прав и интересов в уголовном процессе, на обоснование материального ущерба и материальной компенсации за вред, причиненный преступлением, принятие мер к его возмещению и оказание юридической помощи потерпевшему. Адвокат вправе представлять только законные интересы потерпевшего – те, которые соответствуют субъективным правам потерпевшего, предусмотрены законом или ему не противоречат.

Правовыми основаниями участия адвоката-представителя в уголовном деле являются:

- УПК РФ;
- Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре»;
- соглашение об оказании юридической помощи потерпевшему;
- процессуальное решение дознавателя, следователя, прокурора, суда об обязательном участии представителя несовершеннолетнего или лица, по своему физическому либо психическому состоянию не способного защищать свои права и законные интересы [1, с. 34–36];
- определение суда или постановление судьи, прокурора, следователя, дознавателя о допуске к участию в деле в качестве представителя лица, которое укажет потерпевший (ч. 1 ст. 45 УПК РФ). Таким лицом может быть и

адвокат, который теперь по УПК РФ допускается к участию в деле в качестве представителя как по соглашению, так и по назначению.

Адвокат-представитель потерпевшего должен в максимальной степени проявлять стремление идти навстречу позиции потерпевшего, но до тех пор, пока его позиция не вступит в противоречие с законом. Поэтому если позиция потерпевшего не соответствует закону или материалам дела, адвокат в силу своего профессионального долга не вправе ее поддерживать и должен прямо объявить об этом потерпевшему. При этом, используя весь свой авторитет, адвокат должен довести до сведения потерпевшего свое видение проблемы, по которой возникла коллизия между ним и потерпевшим, четко и ясно обозначить по ней свою позицию, указать иные возможные пути разрешения этой проблемы, а также процессуальные последствия того или иного решения, принятого потерпевшим. Иначе говоря, адвокат по возможности должен добиться, чтобы потерпевший занял такую позицию, которую адвокат может отстаивать, не ставя под угрозу интересы и цели правосудия.

Потерпевший вправе в любой момент процесса отказаться от представителя и пригласить другого представителя или принять защиту своих интересов на себя. В случае же, если представитель считает позицию потерпевшего неправильной, и ему не удалось переубедить последнего отказаться от нее, адвокат может и должен отказаться от защиты интересов потерпевшего [2, с. 109–113].

Право адвоката-представителя потерпевшего в исключительных ситуациях, описанных выше, отказаться от представления интересов потерпевшего не ставится под сомнение в юридической литературе [3, с. 15–17].

Из сказанного вытекает и решение вопроса о допустимости использования адвокатом-представителем потерпевшего определенных средств защиты интересов потерпевшего и возможности защиты тех или иных его интересов. То обстоятельство, что адвокат представляет и защищает интересы потерпевшего в процессе, отнюдь не делает его защитником любых интересов последнего и не дает ему права на использование для этого любых приемов и средств.

В заключение необходимо отметить, что для всех отраслей российского законодательства характерно наличие норм, непосредственно регулирующих отношения, связанные с

охраной прав и законных интересов граждан. Данные нормы образуют систему юридических гарантий, защищающих человека от различных посягательств и обеспечивающих возмещение вреда, причиненного ими. Самым опасным нарушением прав и законных интересов личности, причиняющим наибольший вред, является преступление, поэтому гражданине, от него пострадавшие, особенно нуждаются в помощи.

Потерпевшему в соответствии с УПК РФ предоставлены широкие процессуальные права, большую часть которых он вправе осуществлять лично или через своего представителя. Защита потерпевшим своих прав и законных интересов через представителя, с одной стороны, является одним из важных процессуальных прав, с другой – процессуальной гарантией, обеспечивающей участнику про-

цесса реальное осуществление его прав.

Литература

1. Демидова, Л. А. *Адвокатура в России: учебник* / Л. А. Демидова. – М.: «Юстицинформ», 2011. – 490 с.
2. Радченко, В. И. *Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный)* / В. И. Радченко – М.: Юридический дом «Юстицинформ», 2011. – 540 с.
3. Короткова, П. Е. *Этические проблемы процессуального поведения адвоката-представителя потерпевшего в уголовном процессе* / П. Е. Короткова // *Адвокатская практика*. – 2011. – № 1. – С. 15–17.
4. Лупинская, П. А. *Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник* / П. А. Лупинская. – М., 2011. – 696 с.

Дроздовская Елена Сергеевна – студент магистратуры кафедры уголовного процесса и криминалистики, Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск). E-mail: tktyflhjpl@mail.ru.

*Bulletin of the South Ural State University
Series "Law"
2013, vol. 13, no. 4, pp. 116–118*

PECULIAR FEATURES OF PARTICIPATION OF A VICTIM REPRESENTATIVE IN CRIMINAL PROCEDURE

E. S. Drozdovskaya
South Ural State University (Chelyabinsk)

The article deals with the problems of defence of rights and legal interests by the victim through his representative. Human rights and interests are supreme values which oblige the state to observe and protect human rights and freedoms. This provision of the Constitution of the Russian Federation is of a special importance in the sphere of criminal proceedings, the interested participants of which are the accused and victims whose rights and interests are guaranteed by the law. The author analyzes and reveals the notion of a lawyer. The author's idea of the victim's representative in criminal proceedings is given in the article. The author comes to the conclusion that a lawyer is one of the principle participants of criminal proceedings who is to provide legal assistance to a victim.

Keywords: lawyer as a representative, victim, protection of human rights and interests.

Elena Sergeevna Drozdovskaya – Master of Criminal Procedure and Criminalistics Department, South Ural State University (Chelyabinsk). E-mail: tktyflhjpl@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 8 октября 2013 г.

ПОНЯТИЕ ДОКУМЕНТА И ЕГО РОЛЬ КАК ИСТОЧНИКА ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРОЦЕССЕ

А. В. Минбалеев, С. Г. Сафронов

Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск)

Статья посвящена определению понятия документа и его роли как источника доказательства. Авторами проведен анализ категории «документ». На основе исследования сущности документа, особенностей его как объекта правоотношений, мнения ученых и позиции законодателя сформулировано собственное понятие документа, документа как источника доказательства. Авторы приходят к выводу о том, что документ как источник доказательства в административном процессе – это объективно выраженный в той или иной форме объект, созданный участниками производства по данному делу в установленном законом порядке и с соблюдением предусмотренных им обязательных требований, содержащий информацию в зафиксированном виде и иные реквизиты, позволяющие его идентифицировать, выступающий носителем доказательственной информации по рассматриваемому правонарушению.

Ключевые слова: доказательства, документ, источник доказательства, административный процесс.

Одной из актуальных проблем административного процесса, как и любой процессуальной науки, является проблема доказывания. Под доказательствами принято понимать фактические данные либо сведения о фактах, полученные в предусмотренном законом порядке, которые имеют значение для рассмотрения конкретного правового спора [5, с. 183]. Под доказательствами по делу об административном правонарушении понимают сведения о фактах, вещи или сведения о них, на основании которых судья, орган, должностное лицо, в производстве которых находится дело, устанавливают наличие или отсутствие события административного правонарушения, виновность лица, привлекаемого к административной ответственности, а также иные обстоятельства, имеющие значение для полного, объективного и правильного разрешения дела [4, с. 10].

Важное место в доказывании играют документы. С развитием современных систем управления, информационных технологий, а также расширением функций документа, его форм, постоянно поднимается проблема понимания документа. Законодательно понятие документа закреплено в ст. 1 Федерального закона от 29 декабря 1994 г. № 77-ФЗ «Об обязательном экземпляре документов», согласно которому под ним следует понимать

материальный носитель с зафиксированной на нем в любой форме информацией в виде текста, звукозаписи, изображения и (или) их сочетания, который имеет реквизиты, позволяющие его идентифицировать, и предназначен для передачи во времени и в пространстве в целях общественного использования и хранения. В Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» под документированной информацией понимается зафиксированная на материальном носителе путем документирования информация с реквизитами, позволяющими определить такую информацию или в установленных законодательством Российской Федерации случаях ее материальный носитель.

В словаре Д. Н. Ушакова понятие «документ» определяется как письменное официальное удостоверение, которое свидетельствует о личности предъявителя [5, с. 217]. По мнению Т. Ф. Ефремовой, под документом следует понимать «некую деловую бумагу, служащую подтверждением какого-либо факта или права на что-либо» [3, с. 251]. С позиции Е. В. Додина, документ представляет собой результат отражения фактов, событий, явлений объективной действительности и мыслительной деятельности человека посредством письма, графики, фотографии, звукоза-

писи или другим способом на специальном материале (бумаге, фотопленке, папирусе, пергаменте и др.) [2, с. 144].

Таким образом, существует ряд позиций, связанных с определением документа. По нашему мнению, документ – это объективно выраженный объект в той или иной форме, содержащий информацию в зафиксированном виде и иные реквизиты, позволяющие его идентифицировать, специально предназначенный для установленных целей.

Документ является инструментом хранения и передачи различной информации во времени и в пространстве, подтверждением каких-либо данных, выполняет и ряд других функций, которые могут быть определены законом или иным нормативным правовым актом, а также могут быть определены собственником документа как материального носителя (в случаях, когда объектом, представляющим ценность, является именно носитель), обладателем документированной информации (в случаях, когда информация выступает основным объектом). Вследствие этого документ используется не только в государственной, но и в частной сферах, более того, в большинстве случаев ведение документации является обязательным условием работы.

Сегодня практически невозможны разрешение ни одного административного дела и принятие по нему правоприменительного акта без учета информации, содержащейся в документе. Все это делает документ одним из важнейших, а в случаях, предусмотренных законодательством, обязательным источником доказательств в административном процессе. Поэтому оперативность и обоснованность решения большинства административных дел зависят от правильного умения должностных лиц найти среди многочисленной документации документ, служащий источником доказательств по делу, а также правильно оформить тот или иной документ, в том числе определить перечень обязательных реквизитов.

Для того чтобы документ приобрел свое значение как источника информации, он должен обладать рядом признаков. К таким признакам в юридической литературе относят:

- 1) издание документа в пределах компетенции соответствующего органа либо лица;
- 2) соблюдение установленной законом формы;

3) фиксируемая в документе информация должна иметь значение для административного дела [6, с. 183];

4) документы вовлекаются в производство по делам об административных правонарушениях путем признания их органом, должностным лицом, судьей, разрешающими дело, в качестве источника доказательств по этому делу либо путем создания органом, должностным лицом, судьей, возбуждающими и (или) разрешающими юридическое дело, нового документа [4, с. 15].

На основе вышеперечисленных признаков документа как источника информации можно сделать вывод о том, что понятие документа в административном процессе не тождественно общему понятию документа. Документ, который является источником доказательства по делам об административном правонарушении, в отличие от документа в самом общем виде, представляет собой определенный способ, выполняемый в установленном законом порядке и форме, сохранения и передачи информации о существенных обстоятельствах административного дела, источник которой известен, но при этом сама информация может быть проверена. Спецификой такого подхода является отображение фактов, событий, явлений объективной действительности и мыслительной деятельности человека с помощью письма, графики, фотографии, звукозаписи либо другим путем на специальном материале, что дает возможность воспринять содержащуюся информацию. С учетом этого роль документов как источника доказательств очень велика в информационном обеспечении управления. Они выполняют прежде всего правовую функцию, т.е. функцию фиксации, закрепления, изменения правовых норм и правоотношений [1, с. 22].

Обобщив все вышесказанное, можно сделать вывод о том, что под документом как источником доказательства в административном процессе необходимо понимать объективно выраженный в той или иной форме объект, созданный участниками производства по данному делу в установленном законом порядке и с соблюдением предусмотренных им обязательных требований, содержащий информацию в зафиксированном виде и иные реквизиты, позволяющие его идентифицировать, выступающий носителем доказательственной информации по рассматриваемому правонарушению.

Литература

1. Ветрова, А. А. Доказывание и доказательства в административном процессе: автореферат дис. ... канд. юрид. наук / А. А. Ветрова. – М. – 2008. – 22 с.

2. Додин, Е. В. Доказательства в административном процессе / Е. В. Додин. – М.: Юрид. лит., 1973. – 192 с.

3. Ефремова, Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. / Т. Ф. Ефремова. – М.: Аст-Пресс Книга, 2012. – Т. I. – 1168 с.

4. Ребец, К. В. Документы как источники доказательств по делу об административном правонарушении: автореферат дис. ... канд. юрид. наук / К. В. Ребец. – Челябинск, 2009. – 27 с.

5. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь русского языка / Д. Н. Ушаков. – М.: Оникс, 2011. – 1213 с.

6. Элементарные начала общей теории права: учебное пособие / под ред. В. И. Червонюка. – М.: Колос С, 2012. – 544 с.

Минбалеев Алексей Владимирович – доктор юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права, Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск). E-mail: alexmin@bk.ru.

Сафронов Сергей Германович – студент магистратуры кафедры конституционного права и административного права, Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск). E-mail: safronov-sergei74@mail.ru.

Bulletin of the South Ural State University
Series "Law"
2013, vol. 13, no. 4, pp. 119–121

**THE NOTION OF A DOCUMENT AND ITS ROLE OF A SOURCE
OF EVIDENCE IN ADMINISTRATIVE PROCEDURE**

A. V. Minbaleev, S. G. Safronov
South Ural State University (Chelyabinsk)

The article deals with the notion of a document and its role as a source of evidence in administrative procedure. The author analyzes the category of a document. Based on analysis of a notion of a document, its features as an object of legal relations, opinions of scholars and a viewpoint of a law-maker, the notion of a document as a source of evidence is stated. The author comes to the conclusion that a document as a source of evidence in administrative procedure is an objectively expressed object performed by the participants of proceedings in this case due course of law and compliance with the requirements, containing fixed information and other details identifying a document, and being a carrier of evidence information in law violation.

Keywords: *evidence, document, source of evidence, administrative procedure.*

Aleksey Vladimirovich Minbaleev – Doctor of Science (Law), Associate Professor of Constitutional and Administrative Law Department, South Ural State University (Chelyabinsk). E-mail: alexmin@bk.ru.

Sergey Germanovich Safronov – Master of the Department of Constitutional law, South Ural State University (Chelyabinsk). E-mail: safronov-sergei74@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 30 сентября 2013 г.

ТРЕБОВАНИЯ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ МАТЕРИАЛОВ

1. Редакция принимает не публиковавшиеся ранее научные статьи, которые должны быть согласованы на соответствующей разряду кафедре. Каждая рукопись статьи, предоставленная для опубликования в Вестнике ЮУрГУ серия «Право», должна проходить этап экспертной оценки. Экспертное заключение предоставляется вместе с публикацией.

2. В редакцию предоставляются электронная (документ Microsoft Word) версия работы, экспертное заключение о возможности опубликования работы в открытой печати, сведения об авторах (Ф.И.О., место работы, звание и должность для всех авторов работы), контактная информация ответственного за подготовку рукописи.

3. Текст «документ Microsoft Word», объем – не более 12 страниц, полуторный интервал, шрифт № 14 Times New Roman, поля: левое – 30 мм, правое – 15 мм, верхнее и нижнее – 25 мм, красная строка 0,7, выравнивание – по ширине с автоматической расстановкой переносов, использовать только «французские» кавычки, не допускать двойных пробелов, нумерация страниц – вверху по центру.

4. Полную версию правил подготовки рукописей и пример оформления с 2014 года можно загрузить с сайта (<http://vestniklaw.susu.ac.ru>).

5. Плата с аспирантов (дневной формы обучения) за публикацию рукописей не взимается.

6. Адрес редакции научного журнала «Вестник ЮУрГУ» серия «Право»: Россия, 454080, г. Челябинск, ул. Коммуны, 149, каб. 207 Южно-Уральский государственный, университет юридический факультет (отв. ред. проф. А. В. Кудрявцева).

ВЕСТНИК ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия
«ПРАВО»
2013, том 13, № 4

Редактор *С. В. Тетюев*
Компьютерная верстка *В. С. Чистовой*

Издательский центр Южно-Уральского государственного университета

Подписано в печать 11.12.2013. Формат 60×84 1/8. Печать трафаретная.

Усл. печ. л. 14,41. Тираж 500 экз. Заказ 630/796.

Отпечатано в типографии Издательского центра ЮУрГУ. 454080, г. Челябинск, пр. им. В. И. Ленина, 76.